ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

3-4. 1995

Финно-угроведение, 1995 г., № 3-4

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н.САНУКОВ (главный редактор),
Ю.В.Андуганов (зам. главного редактора),
В.А.Балашов, В.Е.Владыкин,
Ю.А.Зеленеев (отв. секретарь),
А.Г.Иванов, М.Г.Иванова, А.Д.Каксин, В.К.Кельмаков,
Г.М.Керт, Н.Д.Конаков, В.Г.Кудрявцев, Т.Л.Молотова,
В.В.Напольских, А.Н.Ракин, В.В.Седов, Б.С.Соловьев,
Д.В.Цыганкин.

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

© НАУЧНЫЙ ЦЕНТР ФИННО-УГРОВЕДЕНИЯ, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Г.Керт. Проблемы изучения финно-угорской топонимии.....3
А.Куклин. Типичные недостатки в применении методов исследований при изучении лингвокраеведческого материала.....28
В.Напольских. «О древнетюркских» заимствованиях в удмуртском языке..38
Н.Глухова. Временная логическая структура марийских заговоров.....52
В.Быконя. Историко-этимологическая интерпретация словообразовательных моделей сложных числительных "8" и "9" в селькупских диалектах.....64
Л.Абукаева. О генезисе подчинительных отношений в марийском языке..79
Е.Черных. Некоторые итоги изучения древнепермского жилища (по материалам поселений I тыс. до н.э. — первой пол. II тыс. н.э.).....88

Сообщения

И.Галкин. Слова, обозначающие людей мужского пола в современном марийском языке и их происхождение.....116
М.Федорова. Констратные факты в Восточной Европе.....124
П.Лимеров. Куття-войса — святочные духи коми.....136
Л. Гильди. О проблеме реабилитации ингерманландцев (российских финнов)146

Персоналии

М.Мосин. Профессор Д.В.Цыганкин и мордовское языкознание (к семидесятилетию со дня рождения).....159

1995 год — год Пауля Аристэ

И.Галкин. Академик Пауль Аристэ и марийское языкознание.....167
Д.Цыганкин, М.Мосин. Академик Пауль Аристэ и мордовское языкознание.....171

Обзоры и рецензии

П.Аврe. Рец.: *ЭРЗЯНЬ-РУЗОНЬ ВАЛКС.* Эрзянско-русский словарь. Под редакцией академика Б.А.Серебренникова, докторов филологических наук Р.Н.Бузаковой, М.В.Мосина. М., 1993.....175
К.Зенкова. Из глубины веков.....178
Ю.Зеленеев. Рец.: *М.Г.ИВАНОВА.* Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994. 192 с.....182

Хроника

К.Сакуков. Восьмой Международный конгресс финно-угроведов.....186
Г.Айплатов, В.Никитин, Г.Сепеев. Памяти Геннадия Андреевича Архипова (1932-1995).....190
Сведения об авторах.....197

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Статьи

Георгий Керт
Петрозаводск

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИННО-УГОРСКОЙ ТОПОНИМИИ

Топонимия финно-угорского происхождения занимает огромные пространства Севера и центральной полосы России. Являясь неотъемлемой, но все же особой частью лексики языка (языков), в силу своей специфики она требует в отличие от апеллятивной лексики несколько иных подходов в исследовании. Пожалуй, ни в одной другой научной дисциплине не произошла столь удивительная эволюция взглядов на объект науки, а вместе с тем и на саму ее внутреннюю сущность, как в топонимике. Своеобразие топонимной лексики по отношению к апеллятивной создавало иллюзию особого подхода к ее исследованию. Адресная функция топонима, выделение топонимом объекта из себе подобных являются наиболее бросающимся признаком данного класса слов. Необычность топонима по отношению к апеллятиву, таинственность, неразгаданность его значения направляли устремления ученых на раскрытие именно этих сторон топонима. На то, что топоним является прежде всего словом, исследователи не обращали внимания. Приведем наиболее характерное определение топонимики как науки. Так, известнейший топонимист А.И.Попов писал: «Топонимику подробнее можно определить следующим образом: это есть наука, занимающаяся собиранием географических названий, вопросами их происхождения, изменения, исчезновения и смены другими местными именами» (1, с. 29). Некоторые топонимисты оспаривают право лингвистики на монопольное изучение топонимии, как будто топонимы не являются частью лексики. Так, Э.М.Мурзаев, утверждая необходимость «знания законов языкознания (языка? — *Г.К.*)», тем не менее пишет: «Однако это не значит, что лингвистика обладает монополией на изучение топонимики, которую нельзя считать только частью лингвистики, как это

делают некоторые видные ее представители, стремясь оградить топонимику от влияния других представителей» (2, с. 25).

Нужно было время, чтобы осознать тот простой факт, что топоним — это прежде всего лексическая единица языка. А коль скоро это так, то и должен изучаться как явление языка.

Впервые со всей определенностью об этом сказал В.Ташицкий: «Ономастика (и как составная часть ее — топонимика, *Г.К.*) не образует специальной равноправной с языкознанием дисциплины. Она представляет собой неотъемлемую часть языкознания, исследовательскую область в первую очередь лингвистов» (3, с. 11).

Теоретические основы возникновения, а также функционирования собственных имен (в том числе и топонимов) на графическом, фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях изложены в коллективной монографии московских лингвистов (4).

Различия апеллятивной и топонимной лексики проявляются в семантике, принципах номинации, словообразовательных моделях, особенностях адаптации, своеобразии ядерных и периферийных зон распространения структурно-семантических типов.

Общим для апеллятивной и топонимной лексики является категориальная принадлежность их к одному классу слов, а именно, к именам существительным. Принадлежа к одной части речи, апеллятивы и топонимы подвержены словоизменению. Все это в известной степени предполагает единство лингвистических приемов исследования. Вместе с тем функциональные различия между апеллятивом и топонимом придают специфику каждому классу слов как на семантическом, так и на грамматическом уровнях.

Апеллятивы обладают внутренней формой слова, т.е. имеют значение. Имея значение, они способны к обобщению. Имя нарицательное обобщает класс однородных предметов и понятий. Более того, оно может иметь несколько значений. Эти значения обусловлены, с одной стороны, экстралингвистическими факторами, т.е. наличием однородных предметов и явлений действительности. С другой стороны, значения слов выявляются в связи с сочетаемостью данного слова с другими словами в речи, т.е. внутрилингвистическими факторами (5).

Для онимов же внутренняя форма слова, т.е. значение, не играет никакой роли. Основная функция онимов — это выделение, индивидуализация, идентификация именуемых объектов среди других объектов. Собственным именам присуща назывная функция, нарицательным — функция обобщения.

И еще одно существенное отличие апеллятивов от топонимов. Значение (семантика) апеллятивов поддерживается сочетающимися в сложном слове или синтагме значениями других апеллятивов. В топонимике значение (семантика) наличествует только на стадии его превращения из апеллятива в топоним, а потом и выветривается окончательно. В силу этого не подкрепленное значением (семантикой) слово (топоним) «изнашивается» значительно быстрее. Как пишет А.Палль применительно к эстонскому языку, «в топонимах могут происходить такие изменения, которые невозможно подвести ни под один из известных нам фонетических законов» (6, с. 8).

Своеобразие в функциональном назначении апеллятивов и топонимов обусловило грамматические, лингвогеографические и словообразовательные различия имен нарицательных и собственных. Уже стал хрестоматийным приведенный в свое время известным российским языковедом А.Реформатским пример своеобразия словообразования апеллятива и топонима: *тайга → таежный*, станция *Тайга → Тайгинский* (7, с. 16). О проблемах соотношения апеллятивов и онимов на словообразовательном уровне в русском языке пишет Ю.Азарх (8, с. 137-144). Автор отмечает вторичность онимного словообразовательного типа по отношению к апеллятивному с омонимичным суффиксом, избирательность апеллятивных суффиксов в онимной функции, сужение ареалов онимного словообразовательного типа по отношению к апеллятивному.

Своеобразию апеллятивов и онимов с омонимичными суффиксами на грамматическом и лингвистическом уровнях в русском языке посвящена обстоятельная статья Ю.Азарх «О грамматических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами» (9). Исследователем отмечено двенадцать случаев специфических особенностей апеллятивов по сравнению с онимами. Здесь же автор анализирует и лингвогеографические условия взаимодействия имен нарицательных и собственных.

В дополнение к сказанному Ю.Азарх следует добавить, что сфера употребления апеллятивов и онимов, их частотность различны. Даже в условиях диалектного членения языка апеллятивы употребляются в речи значительно чаще, чем топонимы. Топонимы, и в частности, микротопонимы имеют узкое, локальное употребление, иногда даже ограниченное семьей или семейным кланом, и это, естественно, не способствует возникновению собственно топонимных суффиксов.

В финно-угорском языкознании проблема соотношения апеллятивов и онимов на грамматическом, словообразовательном и лингво-

географическом уровнях начинает только разрабатываться. В этой связи нельзя не отметить интересные наблюдения И.Муллонен по распространению вепсских топонимических формантов и их русских соответствий (10). В финно-угорских языках структура композита-апеллятива или словосочетания в основном соответствует структуре топонима. Так, сложные слова как в апеллятивах, так и в топонимах образуются по одинаковым моделям. Аналогично в апеллятивах и топонимах образованы конструкции с прилагательными и числительными. Образование топонимов происходило по апеллятивным моделям, когда семантика образующих его компонентов сохранялась. Между тем, в прибалтийско-финских языках имеются конструкции, которые на апеллятивном и топонимном уровнях ведут себя по-разному. Это — аналитические конструкции с послелогами. Так, в эстонском, карельском, саамском языках аналитические конструкции с послелогами превращаются в топонимы: в эстонском: дер. *Soo/taga* 'Заболотье' (букв. 'за болотом') (6, с. 13), в карельском: покос *Kosken/al/niitū* 'Покосы под порогом', *Suon/tagan/pellot* 'Поля за болотом' (11, с. 123), в саамском: *Kiekk/vaar/tuagash/vaar* 'Гора, находящаяся за Кукушкиной горой' (букв. *kiekk* 'кукушка', *vaar* 'гора', *tuagash* 'за', *vaar* 'гора') (12, с. 68).

Важным отличием сложных апеллятивов от соответствующих топонимов в саамском языке является количество компонентов. На апеллятивном уровне сложные слова, как правило, состоят из двух компонентов, причем их количество в речи невелико; трехкомпонентные апеллятивы встречаются крайне редко. Основу саамских топонимов составляют двухкомпонентные. Трехкомпонентные топонимы составляют примерно одну треть от двухкомпонентных. Встречаются и четырехкомпонентные топонимы.

Как видим, способы образования апеллятивов и имен, их «вхождение» в парадигму (по образному выражению А.Реформатского) далеко не совпадают.

Таким образом, важной задачей финно-угроведов при исследовании топонимии является выявление специфики топонимов по отношению к апеллятивам на грамматическом и лингвограмматическом уровнях.

Как известно, класс имен собственных пополняется за счет нарицательных. Какие семантические пласты лексики переходят в разряд имен собственных? Каково влияние на этот переход экстра- и внутрилингвистических факторов? В самом общем виде можно сказать, что переход определенного класса апеллятивной лексики в

разряд имен собственных зависит от многих факторов. Как известно, географические объекты подразделяются на естественные (река, гора, болото, озеро, водопад, лес, поляна и др.) и созданные человеком (деревня, дорога, избушка, столб, мельница и др.). Возникновение топонимов как ориентиров на местности обусловлено прежде всего характером ландшафта, фауны и флоры. Поскольку образование топонимических систем финно-угорских народов происходило при сложении сельских поселений, то вполне естественно, что основу ее (топонимии) составляет географическая лексика, или местные географические термины. Число этих терминов и их характер зависит, естественно, от географических зон. Набор терминов в равнинной местности будет иной, чем в горной. Кроме того, на специфику отбора лексики в значительной степени влияет «топонимическое мышление» народа. «Квантование» объектов природы языковыми средствами у каждого народа проходило по-своему. Так, характерной чертой саамской топонимии является тонкая градация особенностей ландшафта. Например, для обозначения водных объектов в саамской географической лексике имеется более двадцати обозначений: *вунн* 'бухта, залив (морские)', *лухкт* 'залив (озера, реки)', бухта (на озере, реке), *яввьр* 'озеро', *лумбал* 'проточное озеро', *чуодпа* 'залив в верхней части озера', *чухпе* 'задняя часть (устье) залива' и т.д. Тойво Итконен приводит свыше тридцати названий гор в зависимости от конфигурации, наличия растительности, высоты и других признаков: *vuajv* 'гора, вершина', *vaara* 'гора (большей частью покрытая лесом)', *rahi* 'скалистая гора (на берегу моря)', *koalle* 'скала', *mielli* 'песчаная горка, дюна' и пр. (13, с. 19-20).

Набор географических терминов, связанных с деятельностью человека, зависит от социально-экономических условий, вызванных, естественно, географическими и климатическими особенностями. Так, для карельского языка характерны термины: *aidu* 'изгородь', *kaski* 'подсека', *kondu* 'надел, земельное угодье', *niitü* 'покос', *palo* 'пожога, подсека', *sordo* 'выгон для скота', *hieru* 'деревня', *mökki* 'избушка', *perti* 'изба', *riihi* 'рига', *paja* 'кузница', *kujo* 'переулок', *piha* 'двор', *sildu* 'мост' и др. (11, с. 36-37). Саамская терминологическая лексика имеет свою специфику: *айхьт* 'амбар', *киннт* 'кентище, место прежнего поселения', *ангесь* 'загон, забор для оленей', *каадас* 'навес', *карсек* 'просека', *кеййн* 'зимняя дорога', *куада* 'вежа (саамское жилище)', *леакк* 'навес от комаров', *нёлл* 'амбар', *пуррн* 'ящик, ларь', *сиййд* 'село' и др. Интересно отметить, что в прибалтийско-финских и саамском языках соматическая лексика используется в качестве географиче-

ских терминов, например, в карельском: *hammas* 'зуб; острый выступ', *harju* 'грива, гребень (горы); возвышение', *nenä* 'нос, мыс', *suu* 'рот, пасть; выход, место около выхода' (*jovensuu* 'устье реки'); *silmä* 'глаз; окно (в болоте)' и др. (11, с. 35). Ср. в саамском: *нышшьк* 'затылок; устье реки, водопад', *нюннъ* 'нос; мыс', *чӑллъм* 'глаз; окно в болоте' и др. Метафорический перенос значения соматической лексики на объекты ландшафта распространен и в мордовском языке. Так, исследователь мордовской топонимии Н.В.Казаева приводит до двадцати соматических лексем, имеющих также значение географических терминов, например: *кель* 'язык; выступ возвышенности', *кирьга* 'шейка, шея; перешеек, узкое место', *керь* 'морда, клюв; выступ в реке, озере, узкий мыс', *неке* 'живот; округлый выступ, излучина реки', *пильче* 'нога; ветвь возвышенности, разветвление оврагов', *сельме* 'глаз; зеркальный родник с прозрачной водой', *чама* 'лицо; открытая часть поля, долины' и др. (14, с. 94).

В структурном отношении апеллятивы и топонимы, образованные путем словосложения, идентичны. Как у сложных апеллятивов, так и у топонимов четко различаются определяемая и определяющая части слова. Например, в саамском *пёссьмӯрр* 'береза (букв. *пёсс* 'береста' + *мӯрр* 'дерево', т.е. 'берестяное дерево'). Ср. топоним: *Киедьёгк* 'Каменная река' (букв. *киедьг* 'камень'+ *ёгк* 'река'). И в том и в другом случаях стоящее в позиции определения существительное может быть либо в номинативе, либо в косвенном падеже. Этим сходства между апеллятивами и топонимами и ограничиваются. Главное отличие апеллятивов и топонимов на лексическом уровне — это отбор (разграничение) лексики при образовании тех и других. На апеллятивном уровне для отражения объективной действительности используется весь тезаурус лексики, в то время как на топонимном — только часть. Адресно-индивидуализирующая функция топонима ситуативно ограничивает набор лексем.

Следует отметить еще одну особенность употребления географической лексики. Финно-угорские топонимы в своем большинстве состоят из детерминанта, обозначающего географический объект, и определения к нему. Подсчеты финского топонимиста Э.Кивиниеми показали, что из двух тысяч лексем, обозначающих географические объекты (природные и связанные с культурной деятельностью человека), в качестве детерминантов выступает не более двухсот (15, с. 54). Соответственно в карельской топонимии в функции детерминантов используется около ста пятидесяти лексем (11, с. 171-173) и в вепсской — более ста пятидесяти (10, с. 43). Таким образом, можно

говорить о типовых топоосновах в прибалтийско-финских языках. Серьезный анализ вепсских топонимов произвела И.Муллонен (10, с. 24-54).

Нам неизвестны работы, посвященные исследованию географической лексики в восточных финно-угорских языках. Необходим прежде всего сбор местных географических терминов, выявление семантических классов топонимов, определение частности функционирования каждого термина и пр. Изучение географической лексики по конкретным финно-угорским языкам, подсчет количества лексем, выступающих в качестве детерминантов, может выявить типологические закономерности функционирования географических терминов в топонимной лексике. В российском финно-угроведении пока появилась лишь первая работа по этой проблеме — это монография Н.Мамонтовой и И.Муллонен «Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии» (16). В этой связи нельзя не упомянуть перечни саамских слов и физико-географических терминов, встречающихся в географических наименованиях Кольского полуострова (17).

Исследование местных географических терминов непосредственно связано с принципами номинации географических объектов. Проблема мотивации названия, т.е. тех причин, тех побудительных мотивов, которыми вызван тот или иной географический термин, является одним из важных вопросов топонимии. Исследователь, выявив значение составляющих топоним компонентов, зачастую остается бессильным при определении мотивации топонима. Более того, в силу естественных причин звуковой облик компонентов топонимов, а следовательно и графический, может сильно видоизмениться, и только средствами сравнительно-исторического анализа можно найти исходную форму, но при этом мотивация, т.е. причина сцепления двух или более слов при образовании топонима, остается неизвестной.

Проблема мотивации — это проблема проникновения в психологию номинатора, давшего то или иное наименование.

Любой географический объект может характеризоваться с различных сторон. Например, гора может быть высокой — низкой, круглой — ребристой, покрытой лесом — лысой, река может быть глубокой — мелкой, быстрой — медленной, чистой — мутной и т.д. Поэтому номинатор имеет выбор, а иногда и значительный, в употреблении того или иного определения. Более того, при именовании объекта не последнее место занимает фантазия имядателя, т.е. то, что можно назвать народной психологией, менталитетом. И.

конечно, на выбор названия объекта в значительной степени оказывают влияние уже сформировавшиеся модели образования топонимов, апробированные до сих пор приемы называния. Это касается не только выбора соответствующих лексем для образования конкретного топонима, но и способа присоединения этих лексем друг к другу. Поясним на примерах саамской топонимии разнообразие возможностей для выбора определения при именовании объекта. Так, например, в топонимии небольшого региона Кольского полуострова, обследованного К.Никкулем, при географическом термине *jaur~jura~jaurash* 'озеро — озерко', выполняющем функцию детерминанта, в немногим более тысячи двухкомпонентных топонимах найдено около двухсот пятидесяти определений к этому детерминанту (18). Приведем по алфавиту некоторые из них: *aije* 'старик, дед', *ald* 'важенка (самка оленя)', *algash* 'сынок', *hoama* 'плесень', *kaavas* 'икона', *kaldi* 'прорубь', *kalsa* 'старичок', *kiedge* 'камень', *kiekk* 'кукушка', *kiest* 'рукавица', *kietk* 'росомаха', *koshk* 'сухой', *kukkes* 'длинный' и т.д. Следует отметить, что апеллятив *jaur* 'озеро' (с его доминутивными вариантами) наиболее употребителен при образовании саамских топонимов. В двухкомпонентных топонимах при детерминанте *suelo* 'остров' возможны, например, следующие определения: *aitt* 'амбар', *Gobbon* (собст. имя), *kaiji* 'чайка', *kodde* 'олень', *kuelb* 'ягельник', *kuoss* 'ель', *njollo* 'амбар', *Ogve* (собст. имя), *paaisek* 'шишка дерева', *palgas* 'пастбище', *pass* 'святой', *pörti* 'изба', *rush* 'русский', *sauds* 'овца', *söörnets* 'монах (чернец)', *tavve* 'открытое пространство', *tshoalm* 'пролив', *tshukk* 'ящик'. Детерминант *tshielj* 'сельга, гряда' имеет определения: *agges* 'забор (для оленей)', *kaavas* 'икона', *kelgan* 'сухой бор', *kietk* 'росомаха', *kobb* 'яма', *kuoss* 'ель', *labdsh* 'ремень', *peäss* 'береста', *ruud* 'железо', *saan* 'сани', *sööir* 'мох', *vuask* 'окунь'.

Безусловно, акт номинации сугубо индивидуальный. (Естественно, в данном случае мы не рассматриваем случаи вторичной номинации или сознательного именования «по просьбе трудящихся»). Первоначальное предназначение номинации — зафиксировать ориентир на местности, дав ему имя. Причем, это наименование должно быть строго индивидуальным, чтобы в пределах социального коллектива его не путали с другим подобным именем другого объекта, находящегося в пределах деятельности коллектива. Набор лексики, функционирующей в качестве определения к детерминанту, есть своего рода индикатор номинации. Сам же процесс номинации обусловлен психологическим мотивом и, естественно, не всегда доступен последующему исследователю. И все же, несмотря на огромное

семантическое разнообразие лексики, выступающей в качестве определения к детерминанту, обозначающему географический объект, можно выделить общие причины, побудительные мотивы номинации того или иного объекта. Эти причины обусловлены отражательными, мыслительными функциями человека.

В процессе мыслительной деятельности человек, фиксируя те или иные особенности познаваемых объектов, классифицирует не только сами объекты в целом, но и отдельные их признаки в плане их тождеств и различий. Причем, эти признаки выступают в нашем сознании уже абстрагированно от самих объектов. Все эти признаки выступают либо как внутреннее качество объекта (красный помидор, синее небо и пр.), либо через отношение к какому-либо лицу или предмету (дом Ивана, сын Петра, ручка двери и т.д.), т.е. относительная номинация. Наконец, эти признаки объектов выявляются по принципу смежности, места расположения объектов (березовая аллея, дорожный столб и пр.). На топонимном уровне атрибутивные отношения между детерминантом и определением также сохраняются. Приведем примеры из саамского языка: *Jonnluhi* 'Большой залив', *Oddjaura* 'Новое озерко', *Tshappesmoorasi* 'Черная гора' — квалитативные значения; *Jaurkietshe* 'Конец озера', *Oaivpiell* 'Сторона вершины', *Sohremjaura* 'Озерко Сохрема' — посессивные значения; *Aitsuelo* 'Амбарный остров', *Kuossnjarg* 'Еловый мыс' — локативные значения. В некоторых случаях композиты с посессивным значением трудно отличимы от соответствующего композита с локативным значением.

Особую группу в отношении мотивации составляют топонимы, в которых определяющая часть топонима выражает т.н. ситуативное значение. В саамском языке имеются топонимы, определяющая часть которых представляет собой застывшее словосочетание имени существительного с отглагольным именем, например: *Pienne/riehkom /vaar* 'Гора, где били собаку' (букв. 'собаки+битья+гора'). Эти словосочетания, будучи в позиции определения перед детерминантом, выражают место, в котором что-либо произошло.

Об этом типе топонимов необходимо рассказать подробнее, поскольку он характерен для саамского языка и не выявлен в прибалтийско-финских языках. Подобная структура топонима обусловлена специфической для саамского языка грамматической категорией отглагольное имя, имеющей как именные, так и глагольные признаки (19, с. 206-207). Эта группа топонимов по сравнению с другими (квалитативными, посессивными, локативными) в саамском языке незначительна по количеству. По структуре они обычно состоят из

трех лексем: определяемое-детерминант — название объекта, определяющее -отглагольное имя действия и стоящее в препозиции к нему существительное, обозначающее субъект или объект действия, например: *Kiurel/njuikkam/njunn* 'Мыс, где прыгнул Киурель' (букв. 'Киуреля+прыгания+мыс'), *Moose/leudiem/tuoddar* 'Гора, где пел Моозе' (букв. 'Моозе+пения+гора'). В этих примерах при именах действия — субъект действия. Приведем примеры на объект действия при отглагольных именах: *Peass/loddem/vaar* 'Гора, где сдирают бересту' (букв. 'Бересты сдирания гора'), *Kuappel/tshieggtollam/moorast* 'Гора, где бросили куропатку' (букв. 'Куропатки+бросания+гора'). Встретился топоним, состоящий из четырех лексем: *Uess/koiskom/jaura/oaij* 'Ручей озера, где утонул теленок' (букв. 'Теленка+имя действия от глагола утонуть+озера+ручей').

Характерной особенностью топонимов данного типа является то, что определяющая часть этих топонимов выражает действие, которое где-либо произошло, кто-либо, что-либо производил, или объектом которого кто-либо стал, в определенном месте, т.е. значение определения выражает ситуацию — совокупность обстоятельств, создавших ту или иную обстановку, положение. Близкий по структуре тип топонимов встречается в удмуртском языке. Причем, отглагольное имя может выступать как в качестве определения, так и в качестве детерминанта (20, с. 94), например: *Кутоншур* (от *кутон* 'поимка'+*шур* 'река'), *Юоншур* (от *юон* 'питье'+*шур* 'река'), *Ӟазегпукон* (от *ӟазег* 'гусь'+*пукон* 'сиденье'). В целях отграничения этих топонимов от других типов мы предлагаем квалифицировать их как ситуативные, или событийные.

Соответствующие конструкции с отглагольными именами (причастиями) имеются и в мансийском языке. Приведем примеры: *Мань-Хонт-Хулум-Я* (Написание топонимов принадлежит собирателям материалов — *Г.К.*) 'Малая река, где ночевал отряд' (Очевидно: 'Река, где ночевал малый отряд' — *Г.К.*, Ср.: *мань* 'маленький', *хонт* 'отряд', *хулум* 'ночевание', *я* 'река'), *Нята-Рохтум-Сори* 'Седловина, где испугался олененок' (Ср.: *нята* 'олененок', *рохтум* прич. от глагола *рохтунгве* 'испугаться', *сори* 'седловина'), *Сан-Хум-Хайтум-Лох* 'Лог, где бежали семь мужиков' (букв. 'семь+мужик+бежание+лог'). Судя по приведенным материалам, топонимы такой конструкции встречаются довольно часто (21, с. 5-66).

Таким образом, определения при детерминантах могут быть квалитативными, посессивными, локативными и ситуативными. Общим для них является понятие атрибутивности. Как пишет акад.

И.И.Мещанинов, «Атрибутивность (признак предмета) есть понятийная категория, когда она выявляется в языке различными средствами семантики, синтаксиса и морфологии... В монгольских, самоедских и ряде других языков атрибутивность передается местоположением» (22, с. 198). В финно-угорских языках, как в апеллятивных, так и в топонимных сочетаниях, атрибутивность передается также местоположением (определяющее всегда стоит перед определяемым). Попутно здесь следует отметить, что идея принадлежности в финно-угорских языках, как об этом говорит А.Бубрих, связана генетически с идеей связи по месту или времени: «Оказываясь в позиции определения, образования со значением «такой-то род-племя, такая-то местность» легко приобретали значение «относящийся к такому-то роду-племени, к такой-то местности», а это значение дальше расширялось» (23, с. 73). Сравни также его: «Идея принадлежности, характерная для генитива, выпочковывается из идеи связи по месту или времени» (24, с. 85).

Своеобразие финно-угорской топонимии, как видим, проявляется не только в семантике образующих топонимы лексем, количестве составляющих топонимов компонентов, но и в особенностях грамматической структуры финно-угорских языков. В конечном итоге все эти структурные, семантические и прочие особенности топонимии определяют ее специфику. Проблема мотивации названия при номинации в финно-угорских языках состоит, таким образом, не только в выборе апеллятива-определения при детерминанте, обозначающем географический объект.

Проблема мотивации названия — это проблема ценностной ориентации народа. В содержательной части топонимии ярко и непосредственно выражены идеалы народа. Топонимия наряду с фольклором, народными верованиями является проявлением духовной культуры народа, это — часть окружающей культурной среды народа, его мироощущение, миропонимание и мироконструирование. Данные топонимии — это не только источник для лингвистических и этноисторических исследований. Они, в не меньшей мере, являются своеобразным памятником духовной культуры народа, образцом эстетического вкуса народа. К сожалению, эта сторона топонимии еще не нашла своего достойного отражения в работах исследователей-финно-угроведов.

В природе нет естественных «чистых» в языковом отношении топонимических зон. В процессе исторического развития последующая топонимическая волна накрывает предыдущую, в результате чего образуются исторические пласты топонимии. Новая волна, как

правило, входит в готовую уже систему топонимии. И здесь немаловажное значение имеет то обстоятельство, в какой степени язык последующей волны отличается от языка, топонимия которого усваивается. Уральская речь занимает огромные пространства в средней и северной части России, в силу чего отдельные языки этой семьи имели контакты с балтийскими, германскими, тюркскими, иранскими, палеосибирскими и другими языками. В течение длительного времени (с XI века, а может быть и раньше) уральские языки взаимодействовали и взаимодействуют до сих пор с русским (славянским языком). Отдельные уральские языки и сейчас контактируют с тюркскими и другими языками. В зависимости от степени близости в фонетике, морфологии, синтаксисе, лексике контактирующих языков проявляются особенности адаптации заимствующего языка. Однако генетические и типологические характеристики языков влияют на своеобразие адаптационных процессов взаимодействующих языков. Поскольку процесс взаимодействия представителей контактирующих языков проходил, как правило, на уровне устного общения, своеобразие определяется также особенностями психологического восприятия речи индивида, а также различной степенью проницаемости каждого уровня языка (фонетики, морфологии, лексики).

Фонетика, звуковой строй языка, является тем первым, с чем сталкивается представитель другого языка при языковых контактах. Звуки чужого языка он «узнает» через фонемы собственного. Чем ближе совпадают фонологические системы двух участвующих в контактах языков, тем быстрее проходит адаптация языков. И все же есть звуки в контактирующих языках, которые партнер вначале «не слышит», так как они отсутствуют в фонологической системе его языка. А раз не слышит, то естественно и не произносит. Только при полном усвоении иносистемного языка «узнаются» все фонемы. Так, например, в саамском в качестве самостоятельных фонем выступают глухие *n, m, l, r*. Однако в адаптированных русским языком саамских топонимах (где выступают эти согласные) указанные согласные теряют свою специфику. Финские топонимы в Приладожье, перешедшие в русский язык путем транслитерации с литературной нормы финского языка, в русской огласовке не передают специфические для финского языка долгие гласные, гласные переднего ряда *ä, ö, y* и другие специфические для этого языка фонемы, а приспосабливают их к наиболее близким по звучанию звукам русского языка.

Морфология (решетка словоизменительных морфем) наименее проницаема для иносистемных влияний. Она представляет собой внутренний каркас языка, который в процессе контактирования двух языков усваивается заимствующим языком в последнюю очередь. Падежная система имени, показатели лица, числа, наклонения в глаголе — это грамматические категории, наиболее трудно поддающиеся заимствованиям. Различие интенсивности взаимодействия представителей контактирующих языков, а вместе с тем и степень взаимовлияния и взаимопроникновения структур языков, находящихся в контакте, создает своеобразие моделей адаптации на топонимном уровне.

Известный российский ученый — историк, филолог, математик А.И.Попов, исследовавший топонимию по древним источникам, указывал на разнообразие способов передачи заимствованной топонимии заимствующим языком: «то переводится все название, то его часть; иногда оно частично переводится с изменением или искажением остального» (1, с. 45). Данные древних источников и, в частности, летописей ценны для нас тем, что в них дается и первичное название (на национальном языке) и перевод этого названия. Здесь же А.И.Попов приводит примеры двойных названий карельских населенных пунктов: «Деревня на Долгом ручью, а ныне словет на Туксе на Питкое» (Ср. карельск. *pitkä* 'длинный', *oja* 'ручей'), «Деревня на Воронье поле словет в Варишпалды» (ср. карельск. *varis* 'ворона', *peldo* 'поле'), «Равдолакша на железной лахте»(ср. карельск. *rauda* 'железо', *laksŭ* 'губа') и др. (1, с. 44-45).

Поскольку подавляющее большинство финно-угорских языков контактировали и контактируют с русским языком, в данной статье мы рассматриваем случаи адаптации финно-угорской топонимии только русским языком. При исследовании проблем адаптации финно-угорской, или шире говоря, уральской топонимии следует учитывать и то обстоятельство, что структура русского топонима отличается от финно-угорского. В финно-угорских языках при первичной номинации в структуру топонима в большинстве случаев входит слово с обозначением географического объекта, в то время как в русском топониме географический объект не обозначается, ср. финск. *Lohijärvi* букв. 'лосось+озеро' и русск. оз. *Лососинное*. В зависимости от степени освоения заимствующим языком, или языком-победителем, элементов заимствованного языка при контактировании возможны несколько моделей. Одним из распространенных

способов адаптации финно-угорских топонимов русским языком является перевод названия, или калькирование.

По данным «Географического словаря Кольского полуострова», на Кольском полуострове имеется серия географических объектов, имеющих национальное (саамское) и русское название (перевод). Приведем некоторые: Вуречлухт — залив Вороний, Карабнярк — мыс Корабельный, Пядзэнчсуоллэ — острова Сосновые, Нуккешьярв — озеро Щучье, Супьрент — берег Осиновый и т.д. (17). Структура адаптированного русским языком карельского, вепсского и саамского топонимов является дополнительным свидетельством прибалтийско-финского происхождения русского топонима. При переводе на русский язык компонентов топонимов полностью сохраняется карельская, вепсская, саамская структура топонимов: Волкостров, Конькамень, Хлебнаволок, Сухоозеро, Бабозеро, Киткамень, Маслоручей и т.д. Калькирование-переводы при адаптировании характерны и для других финно-угорских языков. Коми: Еджыдъяг — Белый Бор, Ӧшторш — Бычье Горло, Яг — Боровая, Сьӧлӧмкоськ — Порог сердце и др. (25, с. 290); коми-пермяцкий: Кулькар — урочище Чертово городище, Кыдзва — река Березовка (ср. *кыдз* 'береза', *ва* 'вода'), Нюрвидз — дер. Заболотная (ср. *нюр* 'болото', *видз* 'лут, пожня') и др. (26, с. 271); удмуртский: Кечгурт — Зайцево (ср. *кеч* 'заяц', *гурт* 'деревня'), Кион — Волково (ср. *кион* 'волк') (20, с. 28); мордовский: Вирь Кярыгоня — Лесной бор.

Не менее распространенным способом освоения русским языком субстратной топонимии являются так называемые полупереводы, или гибридные образования. При этой модели переводится один компонент сложного слова или словосочетания. Таким компонентом может быть либо определение, либо определяемое (детерминант). В прибалтийско-финской топонимии (карельской, вепсской) наиболее распространенной моделью полупереводов является перевод детерминанта, который обозначает тип объекта, например: Мягрозеро, Юккогуба, Ламбасручей, Вокнаволок, Виллагора, Каскесручей, Шелтозеро, Габозеро, Кинжболото и др. Адаптация проходила на уровне устной речи. Другой случай данной модели — перевод определения. В результате адаптации образуются словосочетания, например: Верхняя Видлица, Большая Иммалица, Новая Лоймола, Верхняя Вадожка и др. При этой конструкции могут быть случаи, когда переводятся и определение и детерминант: Верхнее Волозеро, Нижнее Мегрозеро, Холодное Колозеро и пр.

Аналогичные конструкции с переводами характерны и для саамского языка. Приведем примеры: Вереснаволок, Абраммыс, Вайдагуба, Кукастундра; Западная Лица, Малая Вува, Западная Порья. Особенно употребительны определения верхний, нижний: Верхний Восмандровский руч., Нижний Восмандровский руч., Верхняя Эцкурйок река, Нижняя Эцкурйок река и т.д.

В восточных финно-угорских языках типология адаптации несколько иная. В коми-языке, по утверждению А.Туркина, «географический термин детерминант (ошибочно описано детерминатив — *Г.К.*) переводится редко» (25, с. 290).

Примеры: Ыджид Гыбад → Большой Гыбад, Удор Выльиб → Нижний Вылиб, Ичöт Октан → Малый Октан. В коми-пермяцком картина такая же: Важ Гушин → Старая Гушина, Виль Чигас → Новый Чигас, Ыджит öнь → Большие Они, Учöт Сидöр → Малая Сидоровка (26, с. 276). Аналогичное явление наблюдается также в удмуртском языке: Бадзым Олып → Большой Олып, Бадзым, Пичи Пурга → Большая, Малая Пурга, Вуж Казмас → Старая Казмаска, Вылын Асангурт → Верхнее Асаново (20, с. 28).

Третий способ, или модель адаптации финно-угорских топонимов русским, — это передача звукового облика национального топонима средствами русской речи. Громадное большинство национальных топонимов перешло в русский язык на уровне устной речи. Можно с уверенностью сказать, этот способ характерен для всех финно-угорских языков. Приведем примеры: карельский: Нурмойла, Тукса, Салми, Ладва, Колежма, Луусалма, Мянильга, Косалма и др.; саамский: Валесьлухт, Майяврь, Нюхчварь, Егельсуол, Контьнярк, Курбыш и др.; коми: Воргашор, Кодзвилль, Койтыбож, Кочмес и др.; коми-пермяцкий: Чаньшор, Чудкерос, Карчой и др.; удмуртский: Келиевыр, Бодья, Динтем-Бодья, Зюмья, Чошкыт, Жикья и др. В этой связи уместно напомнить, что финские названия переходили и переходят в русский язык путем транслитерации на уровне письменного языка.

Три способа адаптации финно-угорских топонимов (перевод, полуперевод, освоение фонетического облика слова) русским языком в известной степени отражают уровни взаимодействия между контактирующими языками, степень освоения языков партнерами в процессе взаимных контактов. Вместе с тем процесс адаптации иноязычных топонимов ярко высветил еще одно важное отличие апеллятивной и топонимной лексики. Именно только на топонимном уровне в силу ослабления внутренней формы слова (семантики) и ее

вторичности при функционировании возможны полупереводы слов. На апеллятивном же уровне возможны либо перевод, либо транслитерация с сохранением основного значения. Процесс освоения топонимов заимствующим языком начинается с овладения географической лексикой, географическими терминами. В русских говорах Севера имеется громадное число географических терминов, вошедших из карельского, вепсского и саамского языков: *варака, кегора, корба, корга, курья, ламба, луда, салма, сельга, тундра, уредь, лухта* и т.д. Географическая лексика явилась тем мостом, который связал прибалтийско-финскую и русскую топонимию.

Топоним, вошедший в топонимную систему заимствующего языка, начинает «обкатываться» в соответствии с фонетико-морфологическими особенностями языка-заимствователя. В отечественной науке появился ряд работ, посвященый адаптации финно-угорской топонимии русским языком: финно-угорской (27, с. 1-6), мансийской (28, с. 5-31), удмуртской (29, с. 36-39), вепсской (30, с. 43-61), коми (25, с. 283-291), коми-пермяцкой (26, с. 266-277).

Первоочередной задачей в этом направлении является выявление принципов адаптации русским языком топонимии других финно-угорских языков (карельского, саамского, мордовского, марийского и пр.), о которых имеются пока лишь фрагментарные сведения. Особое внимание при этом надо уделять не только способам фонетического и морфологического освоения национальных топонимов (суффиксация, грамматический ряд и пр.), но и выбору географических терминов, подвергающихся переводу на русский язык. При этом необходимо учитывать и характер географического объекта, который может накладывать отпечаток «на выбор способа адаптации имени» (30, с. 50).

Региональные исследования позволяют в конечном итоге приступить к такой важной проблеме, как типология адаптации финно-угорской топонимии русским языком, проблеме, затрагивающей не только чисто лингвистические вопросы контактирования иносистемных языков, но и дающие новые материалы по истории взаимодействия финно-угорских и русского народов.

Своеобразие адаптации на региональном уровне создает ядерные и периферийные зоны распространения суффиксов и топоформантов русской топонимии. Эти региональные особенности возникают в силу взаимодействия типичных топоформантных моделей заимствующего языка и языка-объекта заимствований. Топонимическая система заимствующего языка подстраивает под свои особенности (на лексическом и формантном уровнях) усваиваемые топонимы, в

то же время может подстраиваться под них. Образуются как бы типологические единые зоны распространения тех или иных формантов, в данном случае формантов русского языка. Так, например, в Ингерманландии в адаптированной русским языком финской топонимии довольно регулярно выступает русский суффикс *-ово* при усвоении финских топонимов на *-la* (в значении места); Vaskela → Васкелово, Parkala → Парголово, Miisala → Мишелово, Kaukola → Кавголово и т.д. В других случаях в результате адаптации возникает не свойственный русскому языку формант: Leppasi → Леппязи, Raikkusi → Райкузи, Kuivasi → Куйвози, Tujusi → Тугози и т.д.

В отечественном финно-угроведении появились работы, посвященные ареальным исследованиям топоформантов. Здесь прежде всего следует упомянуть исследование А.Матвеева по субстратной топонимии русского Севера (31). В статье рассматривается распространение прибалтийско-финских, по мнению А.Матвеева, топоформантов *-ньга, -мень* и других. Работу отличает как четкий методологический подход, так и аргументированность доказательств. Изучение ареалов распространения прибалтийско-финских и саамских по происхождению топонимических формантов позволило выявить распространение прибалтийской и саамской топонимии на Севере (32). Заслуживает внимания тщательность обработки материала в статье Л.Субботиной о географическом термине *-бой* и его вариантах в субстратной топонимии Белозерья (33). Безусловно, формантно-ареальные исследования крайне необходимы по территориям бывшего и настоящего проживания финно-угорских народов.

Таким образом, проблема адаптации, усвоения языком-заимствователем предшествующей топонимии — это проблема выявления субстрата, предыдущего слоя топонимии. Собственно, с этого началось становление топонимики как научной дисциплины.

Несомненно, этимологизация субстратной топонимии — это венец топонимических исследований. Можно вполне согласиться с утверждением А.Матвеева о том, что «будущее топономастики, прежде всего в изучении субстратных географических названий, интерпретация которых привлечет еще не одно поколение ученых» (34, с. 4). Вместе с тем мы должны уяснить, что исследование субстрата должно проводиться на широком историческом фоне с учетом структуры и семантики предшествующего слоя (слоев) топонимии, типологических особенностей адаптации. Особенно неприемлемы этимологии, когда на основе звуковых совпадений сопоставляется какой-либо одиночный топоним в определенном регионе с апелля-

тивом какого-нибудь языка, носители которого находятся за многие сотни километров от данного топонима. Такой топоним-бедолага не может быть идентифицирован лексикой далекого языка. Нужны прежде всего системность, комплексность. Об этом аргументированно пишет А.Матвеев применительно к исследованию прибалтийско-финской и саамской топонимии на Севере Европейской части России (35).

В настоящее время наряду с теоретическими проблемами не меньшее, а может быть большее, значение для отечественных топонимистов имеют чисто прикладные задачи. Первоочередной задачей был и остается сбор топонимического материала. Об этом нам уже приходилось писать (36, с.5-11). Несмотря на то, что сбор топонимии ведется во многих регионах, немало их, учитывая масштабы страны, остаются недостаточно обследованными. Для сравнения можно сказать, что территория Швеции в топонимическом отношении полностью обследована и картотека топонимов в Топонимическом архиве в г.Уппсала составляет до 12 млн. карточек. В Финляндии генеральная картотека топонимов в Государственном научно-исследовательском центре языков Финляндии составляет свыше 2 млн. карточек.

Одним из важных моментов сбора являются отбор и фиксация материала. В свое время А.Матвеевым была выдвинута «идея создания генеральной картотеки топонимов нашей страны» (37, 5). Безусловно, эта идея заслуживает всемерной поддержки. Вместе с тем ее реализация ввиду огромных трудностей потребует больших усилий многих коллективов. Здесь же А.Матвеев предлагает образцы структуры формализованной карточки (А) и карточки-приложения (В), которые охватывают лингвистические характеристики топонима.

Для сбора финно-угорской топонимии необходима, конечно, другая структура топонимической карточки. Должны фиксироваться в первую очередь лингвистические особенности структуры топонима. Например, в прибалтийско-финских языках возможно выявление сильной и слабой основы, основы на гласную и согласную и др. В зависимости от характера объекта, а следовательно, и соответствующего топонима на вопрос «где?» может быть дан ответ либо во внутренне-местном падеже, либо во внешне-местном падеже, например: *Ahvenanmaalla* 'На Аландских островах', но *Helsingissä* 'В Хельсинки'. Соответственно и в русском языке мы говорим «На Кавказе», но «В Крыму». Необходимо давать название жителя данного села от соответствующего ойконима, параллельные названия и пр. Финские топонимисты придают большое значение фиксации экстралингви-

стических сведений об объекте (реке, горе, озере и пр.). Во всяком случае, тип топонимической карточки необходимо тщательно обсудить.

Собранные материалы, соответствующим образом систематизированные, должны найти свой выход в региональных словарях топонимов. В отечественной топонимике известны словари и словники топонимии — саамской (17), мордовской — словарь ойконимов (38), коми (39), мансийской (21), марийской (40).

Подготовка словарей топонимов — это итог собирательской работы и материал для будущих исследований. Естественно, что она должна соответствовать современным требованиям науки. Важные вопросы структуры топонимического словаря поднимает А.Бабинцев (41).

Структура любого словаря состоит из словарных статей; качество словаря всецело зависит от того, какими предстанут словарные статьи в предполагаемом словаре.

Статья открывается заглавным (черным) словом. Поскольку русский язык является официальным языком во всех республиках, очевидно, заглавным словом следует избрать русский вариант топонима. Здесь же следует привести другие названия данного объекта, если они имеются, например, у населенных пунктов, или наименования географических объектов представителями различных деревень на одной микротерритории, а также диалектное произношение. Если этимология топонима для современного пользователя затемнена, необходимо привести древнерусское слово с переводом. Вопрос о том, давать ли морфологический анализ топонима, решить особо.

Вслед за русским названием объекта приводится национальное название (названия, если на данной территории проживают другие народы). Соответственно описываются структура и семантика национального топонима, дается русский перевод топонима и его компонентов.

Указывается род и вид географического объекта. Особо следует обсудить вопросы унифицированной подачи (привязки) объекта-топонима на карте. Можно давать в градусной сетке, как это сделано в Географическом словаре Кольского полуострова, или предложить подачу в соответствии с иерархией административного деления (область-район-сельсовет). Важно, чтобы на основе собранного материала исследователь мог проводить как макро-, так и микротопонимические исследования. Подача должна быть унифицированной и простой для ввода в компьютер.

Немаловажным представляется приведение имеющихся исторических письменных сведений о топонимике (летописи, грамоты и пр.). Если имеются какие-либо легенды или народные исторические предания по мотивации или истории происхождения топонима, их надо обязательно включить.

Необходимо, на наш взгляд, приводить экстралингвистические данные об объекте. Особенно это касается таких физических характеристик объекта, как, например, объем и конфигурация озер, характер воды в реке, озере, быстрота течения, наличие в водоеме омутов, глубина, наличие видов рыб, характеристика вершин, холмов, гор (круглая, острая, обрывистая, поросшая лесом или голая и др.), лесов, почв и т.д. В Финляндии Топонимический архив (Nimiarkisto) несет функцию справочной государственной службы не только по названию географического объекта, но и по природным характеристикам этого объекта. Этими сведениями пользуются муниципальные службы, средства массовой информации, навигационные, геодезические, геологические организации, землепользователи и др. (42).

Словарь венчает справочный аппарат. В конце словаря должны быть представлены в алфавитном порядке списки русских и национальных топонимов и, по возможности, компонентов топонимов. Для сопряжения русского и национального названия одного и того же объекта необходима система перекрестных ссылок. В процессе подготовки словаря могут возникнуть и другие вопросы. Во всяком случае, макет словаря и пробные словарные статьи по различным языкам (регионам) необходимо обсуждать как до начала этой огромной работы, так и в процессе ее.

Топонимической науке в силу ее специфики приходится оперировать огромным количеством исходного материала. Между тем естественные возможности человека в осмыслении этого материала ограничены. Назрела настоятельная необходимость использования вычислительной техники в топонимических исследованиях. Компьютеры позволяют компактно и надежно хранить и обрабатывать по заданным параметрам огромное количество топонимов. При этом возможны исправления допущенных ошибок и уточнение программы обработки данных. Работа с компьютером наилучшим образом способствует выполнению основных задач научного исследования, т.е. сбору, накоплению, хранению, обработке и передаче информации. Длительная первоначальная подготовка данных и ввод их в компьютер впоследствии компенсируется не только резким возрастанием производительности труда, но и надежностью результатов.

В Карельском научном центре РАН уже с 1988 года проводятся работы по применению ЭВМ в исследовании топонимии (43; 44; 45). Об этом нам приходилось говорить на всесоюзном и международном форумах топонимистов.

В соответствии с грамматическими особенностями и семантикой топонимов саамского языка была разработана структура базы данных для введения саамских топонимов в компьютер. Структура базы данных отражала лингвистические и экстралингвистические характеристики топонима. К лингвистическим характеристикам относятся графическое написание топонима, количество компонентов, суффиксы и топоформанты, наличие падежей у компонентов топонима, синтаксические конструкции, семантика компонентов топонима и др. К экстралингвистическим характеристикам относятся: указание на вид объекта, привязка к местности, пункт сбора, данные об информанте и собирателе, время сбора материала и др.

Нам известны работы по компьютеризации топонимии, которые проводятся в Финляндии (15; 42) и в Москве (46).

В Институте ЯЛИ КНЦ РАН была выдвинута программа по применению вычислительной техники в исследовании русской топонимии «Фонд российской ономастики» (ФРО) (47). Структура базы данных охватывает лингвистические (морфология, синтаксис, лексика, семантика) и экстралингвистические характеристики топонима. Обосновывается также программное обеспечение предложенного проекта. Конечно, этот проект нуждается в коллективном обсуждении. Только после принятия принципов этой программы ведущими учреждениями России, работающими над исследованием топонимии, можно говорить о практическом ее применении.

В заключение необходимо отметить еще одну важную проблему, касающуюся чисто практических вопросов «топонимного хозяйства» национальных «титульных» республик. В этих республиках (Карелия, Коми, Удмуртия, Мордовия, Марий Эл) с незапамятных времен параллельно сосуществуют и функционируют две топонимические стихии — национальная и русская, пересекаясь в названиях одних и тех же географических объектов, т.е. так же, как сосуществуют национальная и русская речь, специфической частью которой является топонимия. В этой связи необходимо предупредить о своеобразном заблуждении — смешении национальной и русской топонимических систем. Исследуя топонимию двуязычного региона, некоторые ученые не проводят четко различия между национальной и русской топонимией. В некоторых работах утверждается, что к национальным топонимам присоединяются русские суффиксы и родовые

окончания. Не учитывается тот факт, что русская речь, приспосабливая национальные топонимы, зачастую сохраняет компоненты, «остатки» национальной, создавая иллюзию национальной. Действительно, топоним по форме (разумеется, в русской огласовке) может быть национальным, но по функции, по употреблению — это уже русская топонимия.

Исторически сложилось так, что в этих республиках стали фигурировать в документах, печати, на телевидении, радио и др. русские названия, поскольку русский язык был принят в качестве официального не только для русских, но и для представителей других национальностей (48).

Рост национального самосознания и, как следствие, усиление общественных функций национальных языков предполагают бережное отношение к сохранению и употреблению национальной топонимии. Назрела необходимость составления географических карт, на которых, помимо русских, были бы отражены и национальные названия. Дорожным службам следует делать трафареты с двойным наименованием деревень и других объектов — на национальном и русском языках и т.д. Необходимы справочники, в которых наряду с русскими названиями населенных мест были бы зафиксированы и национальные. (В некоторых республиках, например, тройные, где имеются татарские или иные деревни). Необходимо составление инструкций (там, где этого нет) по русской передаче национальных названий и наоборот.

Особо стоит проблема урбанонимов. Какой язык положить (взять) в основу номинации городских объектов? Традиционно городские объекты назывались по-русски. Как совершать этот переход в национальную систему? Здесь может быть два варианта. Либо транслитерировать с языка первичной номинации, даже если урбаноним образован от апеллятива, либо делать перевод. В Эстонии, например, все эстонские названия раньше транслитерировались на русский язык (без перевода). В Хельсинки даются названия улиц на финском и шведском языках. А если в национальных республиках положить в основу национальное название? Эти проблемы нужно квалифицированно решать с учетом мнения населения.

Все вопросы теории и практики топонимической науки должны обсуждаться компетентными специалистами. Для этого необходимо создать при Комитете финно-угроведов Совет по топонимии из представителей всех финно-угорских республик.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Попов А.И.* Непочатый источник истории Карелии (Карельская топонимика) // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993.

2. *Мурзаев Э.М.* Основные направления топонимических исследований // Принципы топонимики. М., 1964.

3. *Ташицкий В.* Место ономастики среди других гуманитарных наук // Вопросы языкознания. 1961, № 2.

4. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.

5. *Керт Г.М.* Проблемы саамской топонимии // Вопросы финно-угорской ономастики. Ижевск. 1989.

6. *Палль В.* Топонимика северной части Тартумаа // АДД. Таллинн, 1975.

7. *Реформатский А.А.* Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

8. *Азарх Ю.С.* Апеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.

9. *Азарх Ю.С.* О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимическими суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981.

10. *Муллонен И.* Очерки вепсской топонимии. Санкт-Петербург, 1994.

11. *Мамонтова Н.Н.* Структурно-семантические типы микротопонимии ливвиковского ареала Карельской АССР (Олонецкий район). Петрозаводск, 1982.

12. *Керт Г.М.* Структурные типы саамской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991.

13. *Itkonen T.S.* Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Porvoo — Helsinki, 1948.

14. *Казаева Н.В.* Лексико-семантический аспект эрзянской топонимии в бассейне рек Алатыря, Инсара и Суры// LU. 1994. № 2.

15. *Kiviniemi E.* Perustieto a paikannimisä. Helsinki, 1990.

16. *Мамонтова Н., Муллонен* И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

17. Географический словарь Кольского полуострова. Л., 1939.

18. *Nickul K.* Petsamon eteläosan koltankieliset paikannimet kartografiselta kannalta// Fennia. Helsinki, 1934. 60, № 1.

19. *Керт Г.М.* Саамский язык. Л., 1971.

20. *Бушмакин С.К.* Структурный анализ топонимов Удмуртии // Ономастика Поволжья. Саранск, 1986.

21. *Глинских Г.В., Матвеев А.К.* Материалы по мансийской топонимике // Вопросы ономастики. Свердловск, 1975. № 10.

22. *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.

23. *Бубрих Д.В.* Древнейшие числовые и падежные формы имен в финно-угорских языках // Язык и мышление. М., Л., 1948. XI.

24. *Бубрих Д.В.* Происхождение именного словоизменения в финно-угорских языках // *Г.М.Керт.* Дмитрий Владимирович Бубрих. 1890-1949: Очерк жизни и деятельности. Л., 1975.

25. *Туркин А.* Адаптация коми-топонимов русским языком // СФУ. 1988. XXIV. № 4.

26. *Аксенова О.* Освоение коми-пермяцких топонимов русским языком // LU. XXX. 1994.

27. *Матвеев А.К.* Некоторые вопросы адаптации ударных гласных в финно-угорских субстратных топонимах русского Севера // СФУ. 1972. VIII. № 1.

28. *Глинских Г.В.* Русская адаптация мансийских субстратных топонимов в бассейне р. Тавды // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976. (Вопросы ономастики. Вып. 11).

29. *Бушмакин С.К.* Фонетическая и морфологическая адаптация удмуртских топонимов русскими // Географические названия на картах. М., 1985. Вып. 236.

30. *Муллонен И.И.* Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.

31. *Матвеев А.К.* Субстратная топонимика русского Севера // ВЯ. 1964. № 2.

32. *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера // ВЯ. 1969. № 5.

33. *Субботина Л.А.* Географический термин *бой* и его варианты в субстратной топонимии Белозерья // Этимологические исследования. Свердловск, 1984.

34. *Матвеев А.К.* Топономастика и современность // Вопросы ономастики. Свердловск, 1974, № 8-9.

35. *Матвеев А.К.* Субстратная микротопонимия как объект комплексного регионального исследования // ВЯ. 1989. № 1.

36. *Керт Г.М.* Сохранить память земли // Вопросы топонимики Подвинья и Поморья. Архангельск, 1991.

37. *Матвеев А.К.* К составлению формализованной картотеки топонимов// Топонимия Урала и Севера Европейской части СССР. Свердловск, 1985.

38. *Инжеватов И.К.* Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987.

39. *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.

40. *Куклин А.Н.* Названия физико-географических объектов Марийской АССР (с комментариями) // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1985. Вып. 5.

41. *Бабинцев А.А.* О структуре топонимического словаря // Топонимия Северо-Запада и проблемы ее изучения в высшей и средней школе (Тез. докладов и сообщений). Череповец, 1982.

42. *Miikkulainen K.* Die finnische Ortsnamenbank. Proceedings of the XVII th international Congress of onomastic Sciences (Helsinki 13-18 August 1990). Helsinki. V 2.

43. *Керт Г.М., Лебедев В.А.* Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера Европейской части СССР. Петрозаводск, 1988.

44. *Керт Г.М., Кузьмина О.И.* Проблемы создания банка саамских топонимов // Вторая Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры». 3-5 июня 1991 г. М., 1991. Вып. 2.

45. *Kert G.* Ortsnamenforschung mit Hilfe der EDV//18 Internationalen Kongress für Namenforschung: Zusammen — fassungen, Universität Trier, 1993.

46. *Горбаневский М., Преснов В.* Топонимика и компьютерная лексикография. М.: Посев, 1993.

47. *Керт Г.М.* О создании банка данных топонимов российской деревни // Деревня центральной России: история и современность: Тез. докл. и сообщений научно-практической конференции. Калуга. Декабрь 1993 г. М., 1993.

48. *Керт Г.М.* Заметки по топонимии // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993.

Georgy Kert

THE PROBLEMS OF STUDYING THE FINNO-UGRIC TOPONYMY

Researching toponymy the home Finno-Ugrists have always focused much more attention on etymology of toponyms than on their structure and meaning. A toponym has always been regarded as a historical source. The important questions of exposing the specific character of toponyms as a grammatical class of words are just now being worked out.

However, the functional peculiarity of toponyms with respect to appellatives implies semantic, grammatical, linguogeographical and word-building differences between them.

In conditions of bilingualism in the Finno-Ugrian republics there arises a very important problem of researching the adaptation of Finno-Ugric toponyms to the Russian language as well as elucidating substratum and subsubstratum phenomena in toponymy. With the democratic reforms and economic restructuring in our country, with the growth of national self-consciousness of Finno-Ugric nations and strengthening of social functions of their languages special attention should be paid to the purely applied purposes of the Finno-Ugric toponymics: collecting toponymic items, compiling dictionaries and reference books, drawing national geographical maps, etc.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Анатолий Куклин
Йошкар-Ола

ТИПИЧНЫЕ НЕДОСТАТКИ В ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ЛИНГВОКРАЕВЕДЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Термины краеведение и лингвистическое краеведение неоднозначны и поэтому требуют разъяснения в связи с различными толкованиями их значения.

Под краеведением, как правило, понимается всестороннее изучение какой-либо определенной территории, проводимое на научной основе. Объектом изучения краеведения являются природные условия, социально-экономическое, историческое и культурное развитие района, республики, деревни, села, города, микрорайона и т.д. Краеведение при этом оперирует данными многих наук — истории, археологии, антропологии, этнографии, географии, геологии и др. (12, с. 3).

Само определение лингвистического краеведения может быть широким и суженным. В широком понимании лингвистическое краеведение включает изучение вышеуказанных объектов краеведения языковыми средствами.

В узком понимании лингвистическое краеведение занимается только всесторонним изучением географических названий какой-либо определенной территории на научной основе. Именно поэтому его поправу можно назвать топонимикой, предметом изучения которой являются названия разных географических объектов (рек, озер, болот, гор, низменностей, лугов, урочищ, сел, деревень, улиц, проспектов, дорог и т.д.), то есть наименования как макро-, так и микрообъектов, их происхождение, современное состояние и смысловое содержание, лексический состав, грамматическое оформление, произношение и написание. Следовательно, лингвистическое краеведение тесно связано с географическим краеведением, изучающим физико-географические объекты в их взаимосвязи, природу и хозяйство родного края, которые помогают полнее ощутить и осознать взаимодействия между природой и обществом, то есть понять осно-

вы социальной экологии. Поэтому географический компонент вовсе не чужд лингвистическому краеведению. Однако это особая лингвистическая география, изучающая территориальное распространение слов или языковых явлений, миграцию топонимов. Лингвогеографические данные в определенной степени могут рассказать о прародине, миграции племен и народов. Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах. Так, в Костромском Поволжье и Марий Эл встречаются идентичные или сходные в фонетическом облике гидронимы (названия рек): Немда — левый приток Волги (Костр. обл.) и правый приток Вятки (Марий Эл и Киров. обл.); речка Шуя — левый приток Большой Какши (Костр. обл.) и речка Шуй — правый приток Шукшана (Марий Эл) и др. Исходя из топонимических параллелей,можно констатировать, что указанные гидронимы Марий Эл являются вторичными, привнесенными луговыми мари с более ранней территории их проживания.

Интерес к географическим названиям, в том числе и апеллятивной лексике (нарицательным существительным), участвующей в номинации физико-географических объектов, в последние годы заметно возрос. И это не случайно, что в связи с ростом национального самосознания народа, не имеющего исторических памятников письменности и других источников, достаточно полно отражающих сложный жизненный путь марийского народа, топонимика наряду с диалектологией приобретает особое значение для всего комплекса исторических наук. В этой связи заслуживает внимания одно любопытное высказывание известного историка В.В.Мавродина: «Как мало внимания уделяют исследователи языку древнего населения края в том виде, в каком он отложился в названиях рек, озер, болот, холмов, лесов и т.д. Как незаслуженно забыт этот чрезвычайно ценный источник, зачастую дающий для разрешения проблем этногенеза больше, чем десятки городищ и могильников или скудные, сбивчивые свидетельства древних авторов» (10, с. 29).

Все это свидетельствует о том, что топонимика должна занять достойное место в курсе «Истории и культуры марийского народа». К сожалению, как явствует программа курса «Истории и культуры марийского народа» для школ и средних специальных учебных заведений (14), непосредственное знакомство учащихся с топонимикой Республики Марий Эл начинается лишь с 6 класса. Рубрика «Марийская топонимика», предложенная учащимся 6 класса, расчленяется на подрубрики: «Топонимика нашей местности», «Возникновение географических названий в Марийском крае» (14, с. 21). Следует при этом заметить, что указанные темы рекомендуются и

учащимся 7 класса (14, с. 23). Правда, составители программы сочли необходимым включить для них еще две темы: «Легенды, предания, исследования о топонимике края», «Посещение достопримечательностей края, знакомство с памятниками природы и культуры». Невольно напрашивается вопрос: почему одни и те же темы предлагаются учащимся как 6, так и 7 классов? В каком аспекте они должны изучаться?

Однако из перечня тем становится ясно, что они диктуются специалистами, некомпетентными в знании вопросов топонимики. Не лучше обстоит дело у них со знаниями аспектов дидактики, излагающей как теорию образования и обучения, так и вскрывающую закономерности усвоения знаний, умений и навыков, а также определяющую объем и структуру содержания образования. Все это явилось основой возникновения серьезных неувязок в распределении материала по топонимике. Так, одна из сложных тем «Возникновение географических названий в Марийском крае» рекомендуется учащимся 6 класса, а с легендами, преданиями и достопримечательностями края они знакомятся лишь через год, то есть в 7 классе. В целях соблюдения преемственности в обучении перестановка их очевидна.

Составители программы, видимо, не представляют сложности проблемы «Возникновение географических названий в Марийском крае» и не пытались даже проследить этнолингвистическую карту Урало-Поволжья в ретроспективном плане.

Как известно,Республика Марий Эл является составной частью Поволжско-Приуральского историко-географического региона, характеризующегося сложным этническим и антропологическим составом населения. В настоящее время здесь проживают представители финно-угорской, тюркской и индоевропейской языковых семей. При ретроспективном же анализе этнолингвистической карты Урало-Поволжья можно проследить, что в его пределах в разные исторические эпохи с разной интенсивностью происходили миграции и инфильтрации разнородных этнокультурных элементов, взаимоассимиляции пришельцев и местного населения и другие этноисторические процессы, обусловленные как импульсами социального развития самих этносов, так и воздействиями внешних факторов, что сказалось в первую очередь на топонимике региона, характеризующейся сложностью своего формирования, состоявшей из накладывающихся друг на друга топонимических пластов. Поэтому совершенно неосновательно рассматривать созданную топонимическую систему Республики Марий Эл как результат творчества только лишь

марийского этноса, игнорируя тем самым ее хронологические срезы и факты воздействия на ее формирование субстратных, суперстратных и иных явлений.

Из этого совершенно очевидно, что исторический компонент в этимологической интерпретации топонимов и апеллятивной лексики, участвующей в номинации объекта, обязателен. Следовательно, лингвистическое краеведение — это синтез языкознания, географии и истории. Причем оно не обходится и без естествоведческих данных, характеризующих флору и фауну изучаемой территории. Несоблюдение указаных установок, то есть недостаточная обоснованность анализируемого материала историческими, географическими, естествоведческими и другими данными, в конечном счете приводит исследователя к выводам, которые также недостаточно обоснованны или же совершенно неверны. В связи с этим следует указать на наиболее типичные недостатки в применении лингвистических методов для анализа ономастического материала и апеллятивной лексики и технику их использования.

1. Наличие неувязок и противоречий смыслового содержания этимологизируемой лексемы с физико-географическими реалиями и природными условиями жизни марийского народа.

Так, в лингвистической науке до последнего времени существовало мнение, что слово чодыра 'лес (лесной)' в марийском языке является чувашизмом. Это утверждение,однако, находится в противоречии с высказываниями чувашского лексиколога Н.И.Егорова, отметившего, что тюркоязычные булгары (предки чувашей — *А.К.*), сложившиеся в этническом и лингвистическом отношениях в условиях степного кочевого образа жизни, не имели собственной лексики, детально характеризующей лесной образ жизни. Эта субстратная лексика, по его мнению, составляет примерно 70% всех маризмов чувашского языка, причем основная часть лексики этой группы имеет употребление только в северо-западных говорах чувашского языка и носит узколокальный характер (6, с. 60).

Действительно, как явствуют современные этимологические изыскания, чувашское слово çатра 'хворост, кустарник, мелколесье' восходит к горному наречию марийского языка. Марийское чодыра 'лес (лесной)' является лексемой, унаследованной от финно-угорского языка-основы, в котором ее возникновение было обусловлено потребностью отображения реальной действительности, то есть ландшафтного фона в природных комплексах лесов Урало-Поволжья (3, с. 49-74).

Как известно, весь многовековой уклад жизни марийского народа, начиная с седой древности, был связан с лесами, что заставило их с большим вниманием относиться и к самим лесным угодьям, их особенностям и богатствам. В условиях лесного Поволжья древнейшими отраслями хозяйства мари были охота и рыболовство, бортничество и собирательство. Поэтому не случайно, что мари имеет свою достаточно подробную классификацию животных и птиц, деревьев и кустарников, ягод, трав и грибов, характерных флоре и фауне Волго-Уральского региона.

Об этом же свидетельствует наличие в марийских диалектах развитой системы номенклатуры для обозначения основных типов лесов в зависимости от растущих в них хвойных и лиственных пород, от рельефа местности, приуроченности леса к определенному географическому объекту, величины и возраста леса и т.д.

В настоящее время ландшафтный фон в природных комплексах лесов Марий Эл создается сосняками (39,5% всей лесной площади), еловые и елово-пихтовые леса распространены более ограниченно (на 16,3% площади лесов), 42,7% площади всех лесов занимают лиственные леса.

Все эти обстоятельства в определенной степени обусловили возникновение фитофорных ойконимов (названий селений от наименований деревьев и кустарников). Общее число селений Марий Эл, в названиях которых содержится флористическая лексика, по данным справочника «Марийская АССР. Административно-территориальное деление на 1-е мая 1952 года» (Йошкар-Ола, 1952), составило 157, то есть 6, 01% от общего числа — 2612 населенных пунктов республики.

Причем фитофорные ойконимы Марий Эл делятся на две группы: первая, содержащая названия лиственной породы деревьев и кустарников, — 105 селений (4,02%), вторая, образованная от названий хвойной породы, — 52 населенных пункта (1,99%). Как явствуют статистические данные, названия селений, образованные от наименований лиственной породы деревьев и кустарников, превалируют над названиями хвойных пород, хотя на общем фоне растительного мира республики преобладают сосновые, еловые и елово-пихтовые леса, занимающие 55,8% всей лесной площади республики.

Совершенно естественно, несоблюдение указанных правил анализа апеллятивной лексики на фоне регионально-этнического и географического характеров привело к тому, что марийское слово чодыра 'лес (лесной)' неправомерно было отнесено к лексической системе чувашского языка.

2. Существует прямая зависимость между изученностью этнолингвистической карты, а также физико-географических особенностей местности, где расположен объект, и качеством научно-исследовательского метода.

Так, например, местный учитель истории В.Галкин, рассматривая происхождение и значение ойконима (названия селения) исчезнувшей деревни Чумбари Советского р-на Марий Эл, отмечает, что название Чумбари можно растолковать так: слово чумба обозначает — люди с кибитками, которые переезжают с одного места на другое (2).

По мнению профессора И.С.Галкина, название деревни восходит к заимствованию в русском языке из татарского чембари 'широкие кожаные или холщовые шаровары', ср. татарское чамбар, чумбар 'то же', и название дано по прозвищу-характеристике жителей деревни (3, с. 128).

Однако, как явствуют широкомасштабные историко-культурные исследования, ойконим-композита Чумбар обозначает охотничью избушку на лесистой возвышенности или избушку (лачугу, шалаш) на возвышенности, поросшей лесом. Ландшафт местности и географическое расположение деревни вполне оправдывают семантическое содержание этой лексемы, фигурирующей в разряде субстратных (9, с. 194-202).

3. Часто исходное семантическое содержание топонима интерпретируется односторонне вследствие того, что исследователь не учел топонимическую позитивность, отражающую географическую реальность называемого объекта в его имени.

Совершенно естественно, односторонность и недостаточная изученность географического объекта направляют этимологические изыскания по совершенно неверному пути. Так, рассматривая название реки Кокша (устаревшее название рек Большой и Малой Кокшаг) и производные от него гидронимы Какшан, Кокшар, К.А.Четкарев пишет: «Бол. Кокша и мал. Кокшар — мар. Какшан — можно вывести от слов кок шаге — два парника, стойки для стога, Кокша — фурункул; река М.Кокшар — сучковая жердь, ее притоки называются Шар — расширяет, т.е. расплывающаяся или голубая» (13, с. 123).

Географ Л.Л.Трубе считал, что гидроним Какша может быть связан с марийским словом, в переводе означающим «золотуха».

Известный марийский этимолог Ф.И.Гордеев высказал мнение, что марийское название реки Какшан и ее русское наименование Кокшага ведут свое происхождение от иранского слова со значением «сухое, не болотистое» (4, с. 24).

Однако несостоятельность объяснения гидронима Какшан на материале иранских языков стала явной. Поэтому вариант Какшан в «Этимологическом словаре марийского языка», составленном им самим, в отличие от Какши Ф.И.Гордеев решил расчленить на три части: топооснова Ка- + топоформанты -кша + -ан и считать его волжско-пермским наследием (5, с. 103).

И.С.Галкин, рассматривая этимологию гидронима Какшан, отметил, что его происхождение обычно связывают с марийским антропонимом (собственным именем) Кокша или апеллятивом (нарицательным существительным) кокша 'фурункул'. Указывая при этом на непричастность второго слова к названию реки, он подчеркивает, что собственное имя Кокша вполне может быть одного происхождения с названием рек, так как в названиях рек нередко скрываются имена племен, проживающих на их берегах, сравните: река *Мокша* и мордовское племя *мокша* (3, с. 59-61).

Марийский лингвист В.И.Вершинин предполагает, что Какшан означает реку с каменистым дном или же с быстрым течением (1, с. 34-37).

Однако, как явствуют выводы современных изысканий, сделанные на основе приемов и методов типологических исследований, учитывающие топонимическую позитивность, семантика гидронимов Какшан, Кокшага, Кокшенга // Кокшеньга объясняется как река, имеющая многочисленные коряги, то есть подмытые с берега и затонувшие деревья. Причем буквальный перевод марийского названия Какшан вӱд — река с корягами. Кстати, такая трактовка подтверждается особенностью ландшафта Восточно-Европейской равнины, представленной темнохвойной тайгой, переходящей на юге в смешанные леса и лесостепь. Реки Какшан (Кокшага), Какша, Кокшенга // Кокшеньга, как свидетельствуют физико-географические данные, являются лесными реками средней величины.

4. Элиминирование (исключение) исторических и архивных материалов, требующих кропотливой работы и усложняющих процесс исследования, неизбежно ведет к искажениям и неточностям в интерпретации исследуемого материала.

Так, Н.Т.Пенпитов, изучая названия улиц города Йошкар-Олы, отметил, что в условиях царской России Царевококшайск не развивался, в нем было лишь две улицы (Вознесенская и Сенная) и три безымянных переулка (11, с. 135).

Между тем в «Экономических примечаниях Царевококшайского уезда» за 1795 год указано 5 больших улиц Царевококшайска и 37 переулков.

Что касается названия Сенной, то оно является неофициальным. Официальным наименованием этой улицы было Новая, которое в 1876 году было заменено на Ново-Покровскую (ныне Советская). Кроме того, эта улица имела еще 3 неофициальных названия: Сенная, Воскресенская и Невская. Пожилые горожане улицу называли Сенной, поскольку на этой улице на еженедельных базарах по пятницам и воскресеньям крестьяне окрестных деревень продавали возами сено и солому, которые для жителей города были предметом первой необходимости, так как почти каждый житель держал скот. Молодые люди, назначая друг другу свидание, указывали место встречи именно на этой улице, именуя ее Воскресенская или Невская, поскольку в губернском городе Казани главная улица носила название Воскресенская, а в столице России — Санкт-Петербурге — главным проспектом был Невский.

Накануне Октябрьской революции в Царевококшайске было 13 улиц, 1 слободка, 2 площади (8, с. 36-42).

В настоящее время в Йошкар-Оле насчитывается 180 улиц, 53 переулка, 2 проспекта, 3 бульвара, 6 площадей, 1 слобода, 43 проезда, 1 шоссе и 1 тракт.

5. Часто ономастический материал интерпретируется неверно вследствие того, что исследователь не учитывает лингвистические данные родственных и неродственных контактирующих языков и их диалектов.

Так, для объяснения псевдонима марийского писателя Дмитрия Федоровича Богословского берут апеллятив орай, имеющий три значения: 1) расстегнутый, в расстегнутом виде; 2) неряшливый; 3) разг. шаловливый, дурашливый, по той причине, что под его произведениями стоит псевдоним Дм. Орай.

Однако, как указано в «Очерках истории марийской литературы» (15, с. 184), Орай восходит к псевдониму Чорай, которым подписал он одну из первых своих заметок в газету будучи еще селькором. Но первая буква псевдонима при наборе случайно выпала, и заметка вышла за подписью Дм. Орай и осталась за писателем как псевдоним на вечные времена.

Одни ученые считают, что имя Чорай тюркского происхождения и связывают его со словом чор 'эпоха; век, период, этап, стадия' + -ай — аффикс, см., например, работу удмуртского ономаста М.Г.Атаманова «Словарь личных имен удмуртов» (16, с. 345).

Другие первоначальное значение этого имени реконструируют на материале родственных финно-угорских языков. Так, С.Я.Черных вполне справедливо предполагает, что источник древнемарийского

личного имени Чорай лежит в финно-угорских языках. В его основу легло родовое имя Чора (в чокающих говорах) и Цора (в цокающих говорах), продолжением указанных вариантов являются марийское горное цора 'мальчик', мокша-мордовское цёра 'парень, сын', эрзя-мордовское цёра 'сын', разг. 'парень', ср. также церобай 'малыш', паро цёра 'добрый малый'. Суффикс -ай в марийском языке прибавляется к словам, обозначающим родственные отношения, ср. ава 'мать' — авай 'мама' обращение детей к матери, невестки к свекрови, зятя к теще; ача 'отец' — ачай 'папа, отец' — обращение детей к отцу, невестки к свекору, зятя к тестю.

Здесь указаны лишь наиболее типичные недостатки, встречающиеся в работах ученых-лингвистов, краеведов-географов и историков, в применении методов исследования и приемов интерпретации при анализе лингвокраеведческих материалов. Что касается анализа краеведческого материала на уровне школы, то он находится на весьма низком уровне, поэтому лингвистическому краеведению следует уделять внимания как можно больше. Оно наряду с решением образовательно-воспитательных задач способствует укреплению связи изучения основ наук с жизнью и окружающей действительностью. Материалы лингвистического краеведения могут рассказать много интересного о прошлом и настоящем изучаемой территории и служат превосходным дополнением к сведениям, получаемым на уроках по другим предметам.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Вершинин В.И.* О некоторых марийских ойконимах Прикамья // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990.

2. *Галкин В.* Названия из глубин веков // «За коммунизм» (газета Советского района МССР) от 12 сентября 1989, № 110 (7820).

3. *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал: Рассказы о географических названиях Марийского края. Йошкар-Ола, 1991.

4. *Гордеев Ф.И.* О происхождении тюркских этнонимов // Вопросы марийского языкознания. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1968.

5. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I. А-Б. Йошкар-Ола, 1979.

6. *Егоров Н.И.* Чувашская диалектология и этимология // Теория и практика этимологических исследований. Москва, 1985.

7. *Куклин А.Н.* Названия исчезнувших селений Марийской АССР (с апеллятивом чодыра 'лес') // Вопросы марийской ономастики. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1990.

8. *Куклин А.Н.* Названия улиц и площадей Царевококшайска (1584-1918) // Марий Эл: вчера, сегодня, завтра. № 2. Йошкар-Ола, 1994.

9. *Куклин А.Н.* К вопросу об этимологизации субстратных тополексем // Лингвистика Уралика. № 3. Таллинн, 1994.
10. *Мавродин В.В.* Образование русского государства. Л., 1945.
11. *Пенгитов Н.Т.* Названия улиц города Йошкар-Олы // Вопросы марийского языкознания. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1968.
12. Туристско-краеведческие кружки в школе. Методические указания для руководителей. Москва, 1988.
13. *Четкарев К.А.* Значение топонимики для древней истории мари // Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 6. Язык, литература, история. Йошкар-Ола, 1954.
14. Программа курса «История и культура марийского народа» Для школ и средних специальных учебных заведений. Йошкар-Ола, 1992.
15. Очерки истории марийской литературы. Ч. II. Йошкар-Ола, 1960.
16. *Атаманов М.Г.* Словарь личных имен удмуртов. Ижевск, 1990.

Anatoly Kuklin

TYPICAL SHORTCOMINGS IN APPLICATION OF RESEARCH METHODS TO LINGUISTIC STUDY OF LOCAL LORE

The author interprets the semantic meaning of the terms "local lore study" and "linguo-study of local lore".

To the author's mind the research into toponymy should become a considerable and important component of the "History and Culture of the Mari People".

The author uncovers the most typical shortcomings in usage of linguistic methods for the analysis of the onomastic material and appellative lexies nominating geographical objects of the Mari land.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Владимир Напольских
Ижевск

О «ДРЕВНЕТЮРКСКИХ» ЗАИМСТВОВАНИЯХ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о наличии в удмуртском, точнее — в пермских языках добулгарских тюркских, так называемых «древнетюркских»[1], заимствований подробно рассматривается в работах профессора И.В.Тараканова [1, с. 28-32; 2, с. 16-21; 3, с. 148-151], которому принадлежит честь быть практически автором и единственным разработчиком этой гипотезы. В силу невнятности (точнее — полного отсутствия) сколь-нибудь надежных исторических свидетельств о происхождении предполагаемого добулгарского тюркоязычного населения Волго-Камского края и его языке, профессор И.В.Тараканов именует его, ничтоже сумняшеся, «гуннами» и в новой своей книге пишет: «мы... обнаружили, что приход тюркоязычных гуннов в районы Волго-Камья относятся (sic!) к I-III векам н.э.» [4, с. 23]. Множественное число глагола «относятся» здесь, видимо, не случайно: судя по дальнейшему тексту, в данной работе сделан новый шаг в разработке гипотезы о добулгарских тюркизмах в удмуртском — профессор И.В.Тараканов сегодня находит возможным выделить еще три волны «гуннов» в Поволжье: 1) «тюркоязычные гунны», которые пришли в I-III вв. н.э. [4, с. 23]; 2) (абзацем ниже) «тюркские племена гуннов», которые «проникли с III-V вв. н.э.» [4, с. 23]; 3) «угро-тюркские тюркоязычные гунны», пришли в VI-V вв. н.э. [4, с. 22], — как видим, он различает эти группы и по языковой атрибуции и по времени появления в Поволжье!

Данная гипотеза профессора И.В.Тараканова уже получила широкую известность и используется специалистами смежных дисциплин для исторических построений (см., напр., работы А.Х.Халикова), поэтому нелишне разобрать здесь его аргументацию

---

[1] Название неудачное в любом случае, независимо от решения самой проблемы о добулгарских тюркизмах в пермских языках, так как понятие «древнетюркский язык» обозначает вполне определенную языковую реалию, а прямые контакты древнетюркского языка с пермскими предполагать едва ли возможно.

подробнее. Ниже рассматриваются все «древнетюркские» заимствования из старых работ профессора И.В.Тараканова, сохраненные как таковые в последней его книге, и три появившихся в ней впервые:

— удм. *aksjm* «жадный, ненасытный» < тю. **aksum* «буйный, резвый, шальной» [4, с. 30]. Слово действительно отсутствует в имеющихся словарях татарского, башкирского и чувашского языков (что еще не означает отсутствия его в каких-нибудь татарских диалектах), но чрезвычайно широко распространено в тюркских языках, откуда попало в монгольские и тунгусо-маньчжурские, при этом фонетическая его форма везде почти одинакова [5, с. 13]. В удмуртском языке распространено в южных и периферийно-южных диалектах, в срединных и северных соответствие — *suk* 'тж' [6, с. 11]. Нет никаких оснований считать его древним в удмуртском языке, источником мог быть любой тюркский язык [7, с. 70; 8, с. 99];

— удм. *akšan* «сумерки, дух сумерек» < тю. *akšam* «вечер» [4, с. 31]. Помимо того, что тюркское слово заимствовано из арабского [5, с. 13], что едва ли позволяет датировать его проникновение в удмуртский временем ранее IX века, оно имеется и в татарском языке: *axšam namazy* «вечерняя молитва», откуда и заимствовано в удмуртский [8, с. 99];

— удм. *bam* «лицо, щека», — коми *ban* 'тж' < тю. **bäŋ* «облик, наружность; щека, лицо» [4, с. 41][2]. Прапермское происхождение слова указывает на его древность: либо булгаризм, либо действительно какой-то древний тюркизм. До сих пор было принято считать, что в чувашском языке соответствий нет [5, с. 70; 7, с. 154], ср., однако чув. *min* «румянец, здоровый цвет лица» (<**bäŋ*) [9. с. 282], — чув. *-i-* на месте тю. **-ä* (вместо обычного чув. *-a-*) может объясняться не только особенностями фонетики булгарских диалектов [9, с. 293], но и несамостоятельностью тю. **-ä-*, бывшего лишь аллофоном **-e-* [10, с. 145]. Заметим, что указанная здесь работа К.Редеи и А.Рона-Таша [9] имеется в библиографическом списке профессора И.В.Тараканова [4, с. 170];

— удм. *bajar* «богатый, знатный», — коми *bajar* «боярин» < тю. **baj-är* «богатый, знатный муж» [4, с. 39]. Слово могло попасть и в

---

[2] Профессор И.В.Тараканов приводит в своей книге в словарной статье об удм. *bam* также мо. *oŋ, baŋ*, «князек, правитель» < кит. *wang*«правитель, бан», ссылаясь на М.Рясянена [4, с. 41]. Какое отношение данный китайский титул имеет к пермским и тюркским словам со значением «лицо», для меня остается загадкой (ссылка на М.Рясянена ничего не проясняет: он эти слова, естественно, не сопоставлял [5, с. 70, 362]).

коми, и в удмуртский язык независимо из рус. *бояр(ин)*, причем в коми В.И.Лыткин допускал прибалтийско-финское посредство [11, с. 37-38]. Забавно, что в современных тюркских языках слово *bajar* имеет специфическое значение «русский помещик; военнослужащий» и безусловно является русским заимствованием (5, с. 56). Русское же слово *бояр(ин)* происходит из церк.-слав. *болiар(инъ)*, которое, если и возводимо (не без проблем) к дунайско-булг. **baj-är* [12, с. 203], никак не может указывать на добулгарское * *baj-är*, а поскольку такое слово отсутствует в древних тюркских памятниках, то происхождение удмуртского и коми *bajar* ограничено альтернативой: из русского непосредственно или из русского через тюркское посредство (см.: [7, с. 161]), — в любом случае в удмуртский язык оно попало очень поздно;

— удм. *bugro kad'* «большой и упитанный (о корове)» < др.тю. *buγra* «верблюд-производитель» [4, с. 45]. Не говоря о семантике[3], можно отметить, что удм. *bugro* (< тат.) означает «сруб», а *kad'* — «подобный», и данное выражение в целом означает «большой, широкобокий — как сруб», и не требует особой этимологии;

— удм. (бавл.) *kerə̄* «белый, желтоватый (масть коней)» < тю. **kärü* — ср. якут. *kärä, körö* 'тж' [4, с. 82]. Профессор И.В.Тараканов не совсем прав, когда пишет, что «М.Рясянен возводит <удм. слово> к др.-тю. * *kärü*» — на самом деле М.Рясянен приводит якутское слово и его возможную праформу, не упоминая ни древнетюркского слова (его не существует), ни удмуртского, при этом в другом месте М.Рясянен сравнивает приведенное здесь якутское слово со словами других тюркских языков: **kär* «саврасый», «гнедой» (< мо.) [5, с. 257, 254]. Отсутствие параллелей в древних тюркских памятниках и узко диалектное распространение данного удмуртского слова не позволяют считать его добулгарским заимствованием. Возможно — из казахского *ker* (через башкирские диалекты)?

---

[3] Впрочем, это не единственное сопоставление такого рода в работе, например, такие его сравнения как удм. (буй. - тан.) *abi* «старший брат» < тат. *äbi* «бабушка» [4, с. 26] (на самом деле - из тат. *abyj* «старший брат, дядя»); удм. (С) *baba* «бабушка, свекровь» < тат. *baba* «отец» [4, с. 38] (на самом деле - удм. (С) *baba* «бабушка, свекровь» не связано с удм. (буй.- тан.) *baba* «человек, делающий обрезание» < тат., как у профессора И.В.Тараканова, а происходит от рус. *баба*), - см. также ниже об удм. *eke* «мальчик». В этот же ряд можно было бы поставить и удм. (не только бавл.!) *atajzj* «свекровь» (sic!) < тат. *atasy* «их отец» [4, с. 37], но на самом деле удм. *atajzj* означает, все-таки, «свекор» и действительно может быть косвенно связано (калька - ?) с тат. *atasy*.

— удм. *kobi* «ковш» < др.-тю. *qova* «ведро, бадья» [4, с. 83]. На самом деле удм. *kobi*, как и морд. (М.) *kopəńä* «ковш для зерна» заимствованы из тат. (миш.) *kopy* «ковш», а манс. *χup* «ложка» может восходить к какому-то другому тюркскому источнику [5, с. 281]. Профессор И.В.Тараканов тоже ссылается на М.Рясянена!

— удм. *kopak* «все целиком» < др.-тю. *qop* «весь, все» [4, с. 83]. В удмуртском языке это слово представлено в южных диалектах, на севере и в срединных говорах ему соответствует *voćak, vićak* [13, с. 121; 6, с. 137], что заставляет усомниться в его действенности. Ср. также тат. *kap* (фонетич. [*kâp*]) «ровно, точно» — нетривиальное соответствие гласных может быть обязано экспрессивному ударению на первый слог в удмуртских словах типа *kopak, ćapak* и т.д.;

— удм. *kuźji* «соленый», *kuźjr-mažjr* «солоновато-сладкий» (согласно профессору И.В.Тараканову, скорее все-таки — «кислый», о вкусе творога и других кисло-молочных продуктов) < тю. **kužyr* «солончак» (< мо. *quǯyr* «соль») [4, с. 86-87]. Приводимые здесь удмуртские слова неотделимы от удм. *kuźanj, kuźjranj* «скиснуть, свернуться (о молоке)», *kuźal* «горький, прогоркший», *kuźalmjnj* «прогоркнуть, скиснуть, свернуться» [14, с. 226-227], *kuźji lurjn*, (малм.-урж.) *kúź lurjm* «щавель» (буквально: «кислая трава») [13, с. 138], от коми *vevkuź̌ lurun* «щавель» буквально: «лошадиная *kuź̌*-трава» — ср. рус. *конский щавель*, где *kuź̌* могло означать «кислый» [11, с. 65] и, в конечном счете, от ряда финно-угорских параллелей, объединенных К.Редеи в этимологическом гнезде ф.-перм. **kačkɜ*, ф.-уг. **kačke* «горький, кислый; прогорклый, скисший, испортившийся (о пище)» [15, с. 113, 640][4]. Прафинно-угорское происхожде-

---

[4] Думается, приведенный в «Уральском этимологическом словаре» [15, с. 113, 640, 861] материал на самом деле укладывается в следующие два этимологических гнезда: ур. **kačɜ* (с суффигированными формами на **-a* и на **-kɜ* типа **kača* и *kačkɜ*) со значением «дым, чад, утар. гарь» (> ф. *kaĭku*, кар. *kaĭšker* «утар, чад», вепс. *kačk* «дым», морд. (М) *kačamo* «дым», коми *kočes duk* «запах гари», селък. *kačko* «дым» - см. [16, с. 22]) с дальнейшим развитием семантики (возможно - через глагольные формы типа коми *kočsasnj* «подгореть, приобрести горелый привкус» [17, с. 168]) > «горечь, противный вкус, запах» (> ф. *kaĭkera*, кар. *Kaĭškera* «горький, прогорклый», мар. (Г) *kačə̑*, (Л) *kočo* «горький, прогорклый», удм. *keš* «невкусный, неприятный на вкус») и далее > «испортившийся (о пище: прогорклый, тухлый, заплесневелый)» (> саам. (Н) *guocca* «гнилой, тухлый, испорченный (о рыбе, мясе)», мар. (Г) *kaškə̑*, (Л) *kaske* «скисший, заплесневевший, прогорклый (о пиве)», манс. (С) *xāssi*, хант. (В)

ние удмуртских слов не дает возможности видеть в них тюркские заимствования (см. также о них — в связи с удм. *kuźkilak* «шавель» (< тат.) [8, с. 233];

— удм. *kuńan* «теленок» < тю. **kunan* 'тж' [4, с. 88]. Слово проникло в тюркские языки из монгольских и в древнетюркском не зафиксировано, приводимое профессором И.В.Тараканом здесь же хант. *χonoza* «телка» восходит в конечном счете к варианту того же монгольского корня [5, с. 300], и с удмуртским словом прямо не связано. Наличие слова *konan* «жеребец, бычок от 2-х до 3-х лет» в башкирском, на которое указывает профессор И.В.Тараканов, а также — глагола *konnaq* «жеребиться» в татарском снимает все проблемы: удмуртское слово заимствовано из поволжских тюркских языков [8, с. 229];

— удм. *ǧrak, jrak* «потоком воздуха»; *ǧrɨjnɨ, jrɨjnɨ* «дуть (о ветре)» < тю. ** (h)ür* «дуть» [4, с. 105]. — Ср. тат. *ör-*, чув. *vər-* «дуть» [5, с. 522], — удмуртское слово имеет булгарское или татарское происхождение;

— удм. *ǧiǯɨnɨ* «звать, приглашать» < тю. **ötün* — «просить, умолять» [4, с. 105]. — Ср. тат. *ünän-*, чув. viDən- «просить, умолять» [5, с. 376], — удмуртское слово очевидно татарского происхождения;

— удм. *tuginɨ* «сбивать шерсть» < др.-тю. *tög* «толочь, молотить» [4, с. 127]. — Ср. тат. *tö(y)-*, чув. *tü-*, *təv-* «толочь» [5, с. 492, 493], сам профессор И.В.Тараканов ссылается на М.Рясянена! — Слово скорее всего татарского происхождения;

— удм. *čibjk* « ястреб-тетеревятник» < др.-тю. *čibäk* 'тж' [4, с. 142]. Слово как будто действительно отсутствует в поволжских тюркских языках, но его нет ни в одном словаре удмуртского языка! Между тем у профессора И.В.Тараканова нет ни ссылок на источник, ни указания на диалект;

---

kɨč(ɨm) «плесень»); и ф.-ут. **keśə* (с суффиксацией на **-rə* и на **-ke* типа **keśkə, *keśkərə, *keśrə*) с основным значением «специфический вкус/запах особо приготовленного (квашеного или копченого) мяса, рыбы: кислый, соленый, горьковатый» (но, как правило, приятный на вкус, в отличие от значения предыдущего корня) (> перм. **kuǯ-* «кислый», удм. *kuzjr, kuzjt* (см. текст), манс. (С) *kwoserɬaxi* «иметь горький, острый, резкий, терпкий вкус, запах», венг. *keserű* «горький») с развитием семантики > «коптить» (> манс. (С) *kassəml-*, (З) *kāššəm-*), «киснуть, сквашиваться» (> удм. *kuzira-*). В некоторых случаях можно подозревать контаминацию этих двух корней — прежде всего в прибалтийско-финских языках, чем объясняется наличие в них параллельных форм с передним и задним вокализмом (типа ф. *kaikeri* / *kiikeri*).

— удм. *čidanj* «терпеть», — коми-язьв. *čidęm* «чувство обиды» < др.-тю. *čydym* «терпеть» [4, с. 143], — тут же сам профессор И.В.Тараканов приводит и настоящий источник пермских слов: чув. *čəDəm* «терпеть»;

— удм. *eke* «мальчик (при общении)» < др.-тю. *ekä* «старшая сестра, тетя» (sic!) [4, с. 155]. Дериваты данного корня есть во всех тюркских языках [5, с. 38], но — семантика!! Впрочем, подобные сопоставления весьма характерны для профессора И.В.Тараканова — см. примечание 3.

Таким образом, гипотеза профессора И.В.Тараканова о былом присутствии в Поволжье древних (добулгарских) тюрков и о разделении их на три разновременных компонента базируется на гипотетическом «древнетюркском» происхождении удмуртских слов *aksjm* «жадный, ненасытный», *bam* «лицо» (скорее всего все же из булгарского), *kopak* «все, целиком» и загадочного *čibjk* «ястреб-тетеревятник». Солидное основание. Остается только предположить, что каждый из трех «гуннских» потоков оставил в удмуртском языке по одному слову.

Означает ли все здесь сказанное, что в пермских языках нет добулгарских тюркизмов? Думается, что на самом деле попытки обнаружения в лексике поволжских финно-угорских языков заимствований из языков древних (добулгарских) тюркских групп, проникавших, возможно, в Поволжье в III-VII вв. н.э., совсем не лишены смысла. По-видимому, критериями для определения таких слов должны быть особенности их семантики и фонетического облика, указывающие на специфические черты языка-источника, отличающие его как от современных тюркских языков Поволжья, так и от булгарского языка, такие же критерии, как распространение того или иного слова в пермских языках и диалектах, наличие или отсутствие его в тюркских языках Поволжья [2, с. 18] могут рассматриваться как дополнительные аргументы, имеющие значение, может быть, для датировки заимствования, но ни в коем случае не для решения вопроса о языке-источнике.

Соответствующим образом должна быть изменена и формулировка первоначальной задачи исследования: прежде всего следует выяснить, исчерпывается ли выбор тюркского языка-источника для тюркизмов в пермских языках альтернативой «булгарский или татарский», или есть основания полагать, что в пермских языках имеются заимствования, восходящие к какому-то другому (не булгарскому ~ древнечувашскому и не татарскому) тюркскому языку. Лишь после

того, как такую возможность удастся показать, станет правомерным вопрос о возможности датирования этих заимствований добулгарским — или каким-либо другим — временем.

В этом плане представляется весьма любопытной попытка Е.А.Хелимского дать этимологию перм. **gort* «дом, деревня» и **gózr* «жена»[5] из R-Тюркского («булгарского диалекта», по осторожному определению автора), в котором тю. **j-* отражался как **j́-* (соответствующие праформы -** j́urt* < тю.**jurt* «дом» и ** j́ozur* < тю. **jozur / *jozuz* «жена») [18, с. 197-198]. Замечу, что чередование **j-/*y-* не является в тюркских языках чем-то экзотическим: ср., во-первых, соответствие чув. *j-* — тю. **k-* (**ḱ-* ?) в таких парах как тю. **kam* «шаман» — чув. *jum* «колдун», тю. ** kar* «снег» — чув. *jur* 'тж', тю. **kal-* «оставаться» — чув. *jul* 'тж', тю. **kan* «кровь» — чув. *jun* 'тж' [19, с. 9-10] и, во-вторых, что представляется весьма актуальным для рассматриваемой здесь проблемы, переход **j-* > *g-* в словах с узкими гласными мишарского диалекта татарского языка (чередования *gädäč / jädäč* «дужка у птиц», *gizni / jizni* «зять», *gir / jir* «земля», *git- / jit-* «достигнуть» и др.) [20, с. 85], который может быть наследием огузского языкового компонента, оказавшего влияние на формирование мишарского диалекта [20, с. 258-259] (ср. также развитие тюркского чередования **k / *g /*j* > *g / y* в огузских языках [21, с. 115-123].

Рискну высказать предположение, что две предложенные Е.А.Хелимским этимологии могут быть дополнены еще несколькими:

— удм. *gom*: *gom-gom ǯuanj* «гореть ярким пламенем», *gomanj* «внезапно вспыхнуть, пылать» [14, с. 110-111] < **yan* (**yaŋ*) < тю. **jan* «гореть, пылать» [5, с. 184];

— удм. *gur* «напев, мелодия», — коми. *gor* «звук, тон, голос, пение», *gorʒem* «плач, крик» < перм. **gor* «звук, напев, плач» [11, с. 78] < **yyr* < тю. ** jyr* «песня, мелодия» [5, с. 201]. Передача заднеязычного тю. **y* через заднеязычное **o* в прапермском представляется возможным (необходимо, естественно, учитывать и возможность различных отражений тю. **y* в неизвестном тюркском языке-источнике);

---

[5] Замечу, что рассматриваемое Е.А.Хелимским коми *getjr* «жена» имеет нормальное соответствие в северных диалектах удмуртского: *gotjr* 'тж' [14, с. 113] и является, таким образом, общепермским словом.

— удм. *gon* «шерсть, пух», — коми *gӟn*, коми-язьв. *gȯn* «шерсть, пух, перо» < перм. **gȯn* «шерсть, пух», на возможную праформу **gün* (с «пермским умлаутом», вызванным, возможно, древней суффиксацией, следы которой не сохранились в связи с отпаданием конечных гласных основы — см.: [22, с. 67-68]) указывают слова: удм. *gӟn* «войлок», — коми *gӟn*, коми-язьв. *gün* 'тж' < перм. **gün* «войлок» [11, с. 80]. Обычно перм. **gȯn* /**gün* считается заимствованием из иранского **gūn*: авест. *gaona-* «волосы», осет. *yun* «волосы, шерсть» и т.д. [23, с. 69]. Не оспаривая данную этимологию, трудно, тем не менее, не указать на возможную тюркскую альтернативу — ср. тю. **juŋ* / **jun* (>**yun*) со значениями «шерсть, пух, перо» [5, с. 211][6].

Наконец, можно предложить еще одну интересную в культурно-историческом плане этимологию, свидетельствующую о наличии в удмуртском и других финно-угорских языках Поволжья заимствований из R-тюркского языка, имевшего особенности, отличавшие его от булгарского:

— удм. *kreź,* (ср.) *kreӟ, kӟreӟ*, (С, малм.-урж.) *kӟreź* «гусли, музыкальный инструмент вообще: гармонь (ср.), скрипка (уф.)»; (С) «напев, мотив»; *kӟrӟanӟ* «петь» [6, с. 143-144; 13, с. 114], — мар. (Г) *kärš* «гусли» [25, с. 188], — морд. (М) *kaŕӟi, kaŕzi* «скрипка» [26, с. 635]. Еще Ю.Тойвонен в данном случае рекомендовал ф.-перм. **karć3* «струнный музыкальный инструмент», но при этом данный пример у него — практически единственный, надежно указывающий на ф.-перм./ф.-уг. **-rć-* [27, с. 191, 241]. Это обстоятельство, а также тот факт, что удм. *kreź* не имеет параллелей в коми языках, при том, что у коми нет никаких следов бытования музыкального инструмента типа гуслей при относительно хорошей изученности коми народного музыкального инструментария (возникновение этого инструмента у удмуртов следует, таким образом, относить ко времени после

---

[6] Собственно говоря, это уже третья такого рода альтернатива среди разбираемых здесь примеров: перм. **gon* 'дом' < тю. **jun* 'дом' / иран. **gṛda* 'тж' [23, с. 69]; перм. **gor* 'напев' < тю. **jyr* 'песня' / иран. **gṛ(n)*-: осет. *gyrnyn* 'подпевать', др.-инд. *gṛṇa-* 'петь' (сравнение с пермским словом мое, об индоиранском корне см. : [24, с. 68]); перм. **gȯn* 'шерсть, пух' / **gün* 'войлок' < тю. **jun* 'шерсть, пух'/ иран. **gūn* 'волосы, шерсть'. Вне зависимости от того, насколько близким к истине является предположение об отражении тю. **j-* как **g-* в некоторых пермских словах, выявляемые здесь параллельные формы с иран. **g-* соответствующим тю. **j-* могут быть неизвестны для исследователей истории иранских и тюркских языков.

разрыва прапермского этнокультурного континуума) [28, с. 9], — указывает на то, что К.Редеи был абсолютно прав, когда писал: «исходя из культурно-исторических оснований нельзя быть уверенным в том, что сопоставленные здесь слова указывают на древнее родство (Urverwandschaft). Лишь соответствующие специальные исследования могут показать, существовал ли в ф.-перм. время такой музыкальный инструмент. Возможно, мы имеем здесь дело с независимыми заимствованиями из какого-то неизвестного источника» [15, с. 646].

Специальные исследования однозначно свидетельствуют об относительно позднем, независимом и заимствованном возникновении струнных музыкальных инструментов у финно-угорских народов[7], об отсутствии общих «прафинно-угорских» истоков у финского *kantele*, удмуртского *krez*, хантыйского *narəs-juχ* [30, с. 327-329; 31, с. 25-27]. Не вдаваясь в дискуссию о происхождении гуслеобразных инструментов у народов Восточной Европы, отмечу, что точка зрения А.Фаминцына [32] и А.О.Вяйсянена [30; 31] о возникновении прибалтийско-финского *kantele* под славянским влиянием получает дополнительное и весьма солидное подкрепление после обнаружения в Новгороде остатков древнерусских гуслей XI-XIII вв., форма которых являет собой переход от инструмента типа лиры к собственно крыловидным гуслям (отверстие между верхней дужкой-струнодержателем, позднее превратившейся в открылок, и основным корпусом) — при том, что надпись на древнейшем экземпляре не оставляет ни малейших сомнений в этнической принадлежности их владельца [33, с. 361-365]. Важно, что в данном случае и языковые данные полностью совпадают с выводами упомянутых этномузыкологов: приб.-ф. **kant(e)le* 'гусли' является заимствованием из раннего слав. **gǫdili* (от основы **gǫd-* 'гудеть, звучать, играть (о музыке)' с суффиксом **-ili* [34, с. 80, 84]), позднее развившегося в слав. **gǫsli* 'струнный музыкальный инструмент' [35, с. 156]. Естественно, заимствование слов совсем не обязательно свидетельствует о заимствовании скрывающихся за ними реалий, однако в любом случае заимствование термина, если таковое имеется, должно иметь объяснение в истории обозначаемого этим термином элемента материальной

---

[7] В отличие от весьма распространенного мнения «об очень древних и устойчивых традициях и специфике манеры пения и игры на музыкальном инструменте типа гуслей у финно-угорских народов», основанием для которого служит практически только сам факт наличия гуслеобразных инструментов у финно-угров Прибалтики и Поволжья [29, с. 12].

культуры. Что касается гуслей у народов Поволжья, то здесь помимо названия, заимствованного из русского языка (мар. (Л) *küsle*, чув. *kəsle*, тат. *göslä* [30, с. 326]), имеется и оригинальный термин **karčʒ* (см. выше), что опять-таки согласуется с данными этномузыкологии: в Поволжье распространены исключительно шлемовидные гусли, принципиально отличающиеся от крыловидных, характерных для народов Прибалтики и известных по раскопкам в Новгороде [36, с. 110]. По-видимому, несмотря на очевидное мощное позднейшее влияние русской традиции гусельной игры в Поволжье, генезис шлемовидных гуслей поволжских народов уходит в более древние времена [36, с. 115-116], и «вряд ли правильно сводить происхождение инструмента к какому-либо одному источнику: тюркскому, финскому или восточно-славянскому» [37, с. 62]. Едва ли можно, однако согласиться с точкой зрения о том, что гусли — как поволжские шлемовидные [36, с. 115-116], так и русские крыловидные [38, с. 296-298] — везде возникли независимо в результате эволюции «музыкального лука». Этому нет ни материальных, ни лингвистических свидетельств, тогда как музыкальные инструменты, особенно — наиболее сложные из них, каковыми являются гусли, а равно — и их названия, — часто и легко заимствуются разными народами друг у друга, образуя при этом разнообразные модификации (см. историю практически любого европейского струнного инструмента). Исходя из общих исторических соображений, следует полагать, что музыкальный инструментарий народов Восточной Европы складывался под влиянием трех доминирующих традиций: северо-западной европейской (кельто-германский мир), особенно ощутимой в Прибалтике и на северо-западе России; византийской, аккумулировавшей достижения музыкальной культуры Ближнего Востока и Средиземноморья и распространявшейся параллельно с православием, — и степной — через нее, как отчасти и через византийскую, проникали в Европу элементы музыкальной культуры Восточной и Южной Азии.

Принимая во внимание все вышеизложенное, осмелюсь высказать предположение, что удмуртско-марийско-мордовский термин для обозначения струнного музыкального инструмента **karčʒ* восходит к форме **kōr-čʒ*/**kūr-čʒ*, которая представляла собой дериват тю. **kopuz* «(струнный) музыкальный инструмент» [5, с. 281] в R-тюркском языке, в котором имел место переход древнего **-p-* > ∅ в интервокальной позиции. О возможности существования параллельной к **kopuz* R-тюркской формы **kopur* свидетельствует мо. *quyur* /

quur «струнный музыкальный инструмент» [5, с. 281]; не исключено, что венг. *húr* «струна» заимствовано не из монгольского [5, с. 281], а из того же тюркского источника, что и **karćз*, но без суффикса (абстрактных существительных — ? имени деятеля — ? — см. возможные варианты, например, в [39, с. 650-651]) *-*čз*. Предположение о заимствовании удм.-мар.-морд. * *karćз* «струнный музыкальный инструмент» < R-тю. **kōr-čз* / **kūr-čз* < **kopur(-čз)* 'тж'[8] кажется весьма вероятным еще и потому, что дериваты параллельной Z-тюркской формы **kopuz* заимствовались в языки Поволжья, венгерский, славянские [5, с. 281], что свидетельствует о том, что традиции тюркской инструментальной музыки охотно перенимались соседними народами.

Можно, таким образом, констатировать, что тема тюркских заимствований в удмуртском (и других финно-угорских) языке отнюдь не исчерпана, и здесь имеется еще обширное поле для исследований, могущих принести результаты, имеющие значимость не только для изучения финно-угорских и тюркских языков, но и этнической истории Восточной Европы в целом.

Сокращения:

авест. — авестийский; **бавл.** — бавлинский диалект удмуртского языка; **буй.-тан.** — буйско-таныпский диалект удмуртского языка; **булг.** — булгарский; **В** — восточный; **венг.** — венгерский; **вепс.** — вепсский; **Г** — горномарийский; **др.-инд.** — древнеиндийский; **др.-тю.** — древнетюркский; **З** — западный; **иран.** — иранские языки; **кар.** — карельский; **кит.** — китайский; **коми-язьв.** — коми-язьвинский диалект; **Л** — лугово-восточный марийский; **М** — мокшанский; **малм.-урж.** — малмыжско-уржумский диалект удмуртского языка (по Ю.Вихману); **манс.** — мансийский; **мар.** — марийский; **миш.** — мишарский диалект татарского языка; **мо.** — (пра)монгольский; **морд.** — мордовский; **Н** — норвежский саамский; **осет.** — осетинский; **перм.** — (пра)пермский; **приб.-ф.** — (пра)прибалтийско-финский; **рус.** — русский; **С** — северный; **саам.** — саамский; **слав.** — (пра)славянский; **ср.** — срединные говоры удмуртского языка; **тат.** — татарский; **тю.** — (пра)тюркский; **удм.** — удмуртский; **ур.** — (пра)уральский; **уф.** — уфимский диалект удмуртского языка (по Ю.Вихману); **Ф.-перм.** — (пра) финно-пермский; **ф.-ут.** — (пра)финно-угорский; **хант.** — хантыйский; **церк.-слав.** — церковнославянский; **чув.** — чувашский; **якут.** — якутский.

---

[8] Благодарю Юху Янхунена за ценные консультации по поводу данной этимологии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Тараканов И.В.* Иноязычная лексика в соверменном удмуртском языке (удмуртско-тюркские языковые контакты). Ижевск, 1981.

2. *Тараканов И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке (удмуртско-тюркские контакты). Ижевск, 1982.

3. *Тараканов И.В.* Об исторических связях удмуртов с другими народами по данным языка // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982.

4. *Тараканов И.В.* Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи. (Теория и словарь). Ижевск, 1993.

5. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Worterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

6. *Борисов Т.К.* Удмурты кыллюкам. Ижевск, 1991.

7. *Алатырев В.И.* Этимологический словарь удмуртского языка. А-Б. Ижевск, 1988.

8. *Csúcs S.* Die tatarischen Lehnwörter des Wotjakischen. Budapest, 1990.

9. *Rédei K., Rona-Tas A.* A permi nyelvek öspermi kori bolgar-török jövevényszavai // Nyelvtudomanyi közlemények, 74:2. Budapest, 1972.

10. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. /Ред. Э.Р.Тенишев. М., 1984.

11. *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М., 1986-1987.

13. *Wichmann Y.* Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987.

14. Удмуртско-русский словарь. / Ред. В.М.Вахрушев. М., 1983.

15. *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1991.

16. *Collinder B.* Fenno-Ugric Vocabulary. An etymological dictionary of Uralic languages. Stockholm, 1955.

17. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

18. *Helimszkij E.* Permi szófejtések // Nyelvtudomanyi közlemények, 86:1. Budapest, 1984.

19. *Németh J.* Über den Ursprung des Wortes šaman und einige Bemerkungen zur türkisch-mongolischen lautgeschichte // Keleti szemle, 14. Budapest, 1914.

20. *Махмутова Л.Т.* Опыт исследования тюркских диалектов. Мишарский диалект татарского языка. М., 1978.

21. *Баскаков Н.А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988.

22. *Хелимский Е.А.* Рецензия на: Кельмаков В.К. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. [Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 1993] // Linguistica uralica XXX:1. Tallinn, 1994.

23. *Rédei K.* Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakten / Österreichische Akademie der Wissenschaften. Filosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte, 468. Wien, 1986.

24. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949.
25. Марийско-русский словарь / Отв. ред. Б.А.Серебренников. М., 1956.
26. *Paasonen H.* Mordwinisches Wörterbuch. Bd. I-III/Lexica Societatis Fenno-Ugricae, 23:1-3. Helsinki, 1990-1994.
27. *Toivonen Y.* Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten // Finnisch-ugrische Forschungen, 19. Helsinki, 1928.
28. *Чисталев П.И.* Музыкальные инструменты пермских народов / Академия наук СССР. Коми филиал. Серия препринтов «Научные доклады», 61. Сыктывкар, 1980.
29. *Владыкин В.Е.* Древние финно-угорские эпические мотивы «Калевалы» и фольклорно-этнической системы удмуртов // Проблемы эпической традиции удмуртского фольклора и литературы. Ижевск, 1986.
30. *Väisänen A.O.* Das Zupfinstrument gusli bei den Wolgavolkern //Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, 58. Helsinki, 1928.
31. Väisänen A.O. Die Leier der Ob-ugrischen Völker // Eurasia Septentrionalis antiqua, 6. Helsinki, 1931.
32. *Фаминцын А.* Гусли — русский народный музыкальный инструмент. Спб., 1890.
33. *Колчин Б.А.* Гусли древнего Новгорода //Древняя Русь и славяне. М., 1978.
34. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 7. /Отв. ред. О.Н.Трубачев М., 1980.
35. Suomen kielen etymologinen sanakirja / Toim. Y.Toivonen et al. I-VII. Helsinki, 1955-1963.
36. *Бусыгин Е.П., Яковлев В.И.* Гусли у поволжских народов // Советская этнография, 2. М., 1985.
37. *Яковлев В.И.* К вопросу изучения музыкальных инструментов народов Среднего Поволжья // Народная и профессиональная музыка Поволжья и Приуралья. М., 1981.
38. *Поветкин В.И.* Новгородские гусли и гудки // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982.
39. Древнерусский словарь. Л., 1969.

Vladimir Napolskikh

ON THE "ANCIENT TURKIC" LOANWORDS IN THE VOTYAK LANGUAGE

The author revises the hypothesis advanced by Prof. I.V.Tarakanov about the so-called ancient Turkic (pre-Bulgar) loanwords in Permian languages showing a too weak proof basis of it (only 2-4 of the etymologies may be regarded as probable).

Admitting the possibility of searching for non-Bulgar and non-Tatar Turkic loanwords in Finno-Ugric languages of the Volga-Ural region the author supports the hypothesis of E.A.Helimsky about the loanwords in Permian languages borrowed from some unknown Turkic source-language (dialect) in which the proto-Turkic **j-* was reflected as **γ-*, by suggesting Turkic etymologies for the proto-Permian **gor-* "a tune, lament, cry", **gon-* "wool, feather" and the Votyak *gomanj-* "to burn" (about a bright flame).

Finally the author suggests a Turkic etymology (from an R-Turkic language where the ancient Turkic **-p-* developed into ∅) for the Mordvinian-Cheremis-Votyak **kaŋ'z-* "a (string) musical instrument".

Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Наталья Глухова
Йошкар-Ола

ВРЕМЕННА́Я ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МАРИЙСКИХ ЗАГОВОРОВ

Марийские заговорные тексты — *шӱведыме мут* — составляют важную часть духовной культуры нации.

Заговóр — это устный текст, словесное волеизъявление, приказание, пожелание, которое, по представлению использующего, способно приносить пользу или вред в конкретных жизненных ситуациях. Основой заговора является вера в магическую силу слова. Суть заговора заключается в его четкой прагматической установке, направленой на достижение определенной цели, поставленной самим типом текста (1, с.6-9; 2, с.53-54). Заговоры отличаются самобытностью содержания и исключительной оригинальностью и сложностью структуры.

Марийские заговоры уже были объектом лингвистического исследования (3; 4; 5, с.65-75). В этих работах авторы, анализируя заговоры как письменно зафиксированные тексты, рассматривали их функциональные характеристики, выделяя отдельные стилистические черты различных уровней.

Правильность восприятия эзотерических текстов, к которым относятся марийские заговоры, обеспечивается не только пониманием языковых единиц и их соединений, но и необходимым общим фондом знаний нации, определенным коммуникативным фоном.

Устный характер заговора диктует необходимость рассмотрения текстов во времени. Необходимость же исследования логической структуры объясняется ее большой ролью в создании выразительности, убедительности, целостности и связности текстов, ее зависимостью от временных факторов в текстах. Логическая структура заговоров обусловлена интуитивными представлениями о возможном, невозможном, маловозможном, которые с давних пор входят в общий фонд знаний нации.

В данной статье предлагается рассмотреть именно вышеупомянутые характеристики марийских заговоров — их временную и логическую структуры. Для визуального представления и интерпретации текстов различной семантической и структурной сложности тексты заговоров рассматриваются графически с использованием общепринятых символов.

Как объект исследования тексты заговоров чрезвычайно сложны. Они включают в себя множество образных средств и выразительных приемов (5, с.65-75); содержат различные виды повторов; составлены сложными предложениями различных типов, обладающими богатым стилистическим потенциалом, а также могущих выразить разнообразные логические характеристики (6, с.49-219).

В данной работе предлагается анализировать текст не по отдельным языковым компонентам, а смысловыми логическими элементами, операциями и блоками. При этом особенно удобно воспользоваться логическими операциями вычислительных алгоритмов, используемых при написании компьютерных программ. Подобная методика уже получила определенное распространение в лингвистике (7, с.7-10). Возможность этого обусловлена тем фактом, что любой заговор напоминает определенный алгоритм, то есть последовательную систему действий, которые после их выполнения приводят к необходимым результатам.

Алгоритмы, используемые в вычислительной технике, состоят из ряда элементарных логических операций, таких как «начало», «условный переход», «присвоение», «безусловный переход», «конец». Добавим к этому набору операций элемент «тождество», которое реализуется в сложноподчиненных предложениях сравнения. Каждая операция имеет свой графический символ.

В анализируемом материале (500 текстов из различных источников) операция «начало» представлена двумя вариантами. Либо это введение в ситуацию заклинания, либо это обращение к богам или духам. Для графического изображения она обозначается арабской цифрой 1 в эллипсе.

Операция «условный переход» содержит необходимое условие заговора, выраженное придаточными предложениями времени или условия (содержат союзы *кунам* «когда» и *гын* «если»). Данная операция обозначется арабской цифрой 2 в ромбе. Необходимо отметить, что операция «условный переход» имеет два ответвления: положительное и отрицательное. Эти отклонения показывают взаимосвязь действий. Если в тексте подразумевается следующая мысль: «Если

это событие произойдет, то пусть произойдет и другое событие», то данная идея в графической схеме обозначена словом «Да». Если имеется в виду другой вариант действий, а именно: «Если это событие произойдет, то пусть другое событие не происходит», то данная мысль в графической схеме изображается словом «Нет». Практически во всех текстах операция «условный переход» через положительное/отрицательное ответвления связана с другой, не менее важной частью алгоритма, — операцией «присвоение».

Операция «присвоение» в проанализированном материале многозначна. В чисто временном подходе она представлена повелительными предложениями, выражающими команды, пожелания. Во втором варианте она выражена главными частями в сложноподчиненных предложениях с придаточными времени или условия. Операция «присвоение» обозначается прямоугольником с цифрой 3. Если в тексте содержится равенство отношений, выраженных одним типом сложноподчиненных предложений с придаточными сравнительными, вводимым союзом *кузе* «как», то есть присутствует понятие аналогии без учета временного фактора, вводится понятие «тождество». Данная стадия текста обозначается двумя прямоугольниками с цифрой 3, соединенными двумя горизонтальными линиями, над которыми пишется слово «тождество».

Операция «безусловный переход» обозначается стрелкой.

«Конец» представлен эллипсом с арабской цифрой 4. Данный символ означает завершение текста, которое может быть представлено простыми предложениями. Хотя в большинстве случаев эта стадия представлена словом *Тьфу!*, произносимым трижды.

Графическое изображение заговоров с использованием предложенных операций показывает, что количество типов временной логической структуры ограничено комбинационным набором операций от одной до пяти, каждая из которых может быть многократно повторена, создавая тем самым законченные по смыслу логические блоки. Некоторые типы структур достаточно широко распространены, другие же играют незначительную роль в образовании текстов.

Заговоры простой структуры могут состоять из двух операций: «начало» и «присвоение». Обе эти части могут быть неоднократно повторены. Подобный тип структуры можно показать на примере текста, направленного на принесение пользы, выгоды. Кажущаяся сложность текста достигается путем простых количественных повторов двух логически значимых блоков. Текст называется *Пакча емыжым писын ужалашлан* — «Для быстрой распродажи ягод и фруктов»:

— Куту ола покшелне — куту пазар. «Начало»
Куту пазар покшелне — шӧртньӧ менге.
— Шӧртньӧ менге ӱмбалне Куту Юмын «Тождество»
шӧртньӧ кукужо кузе пазар калыкым
шке йырже пога, туге мыйын ужалышаш
сатуэм йыр йӧратен пӧрдышт,
туге мыйын сатуэмым, йӧратен, налын пытарышт! (8, сс. 72-74).

— «Посреди большого города — большой базар.
Посреди большого базара — золотой столб.
— Как золотая кукушка Великого Юмо,
сидя на золотом столбе, собирает вокруг себя людей,
также пусть люди, окружая мой товар,
любуются им и раскупают его!»

Эти две логические операции повторяются еще пять раз. Всего в заговоре шесть двухкомпонентных блоков. Данный текст с повторяющимися ситуативными сравнениями богат на вариации. Они связаны с изменениями названия металлов: вначале — это «золотой столб», потом — «серебряный», в конце — «блестящий». Изменения касаются имен богов, а также названий птиц, сидящих на столбе на базаре. Описание текста в виде алгоритма представлено на рис.1

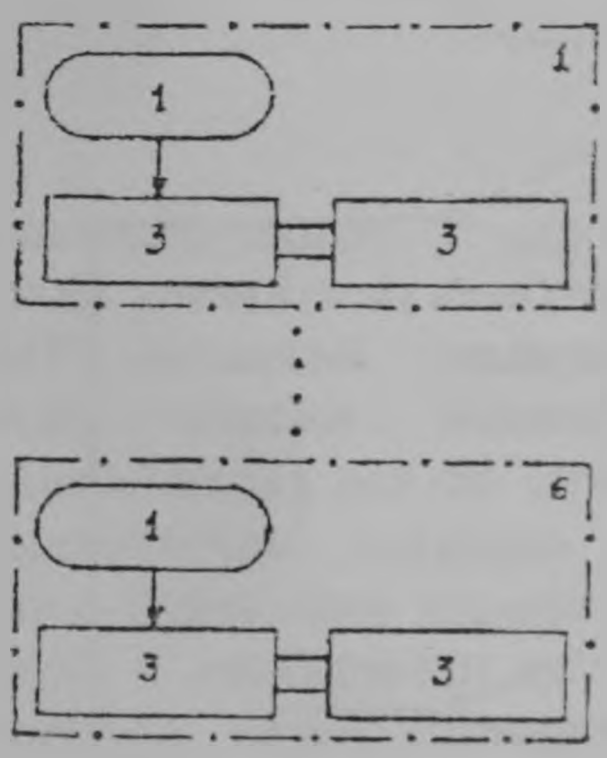

Рис. 1. Временная логическая структура заговора *Пакча емыжым писын ужалашлан* (8, сс. 72-74), включающая шесть повторяющихся блоков.

Некоторые тексты не содержат ни операции «начало», ни операции «присвоение» в значении «тождество» или «императив». В тексте могут присутствовать операции «условный переход» и «конец».

В тексте *Аярым шӧрымӧ* «Против действия яда» операция «условный переход», повторяющаяся в этом заговоре девять раз, через положительное ответвление «да» выводит текст на операцию «присвоение» в сложноподчиненном предложении. В приводимом ниже отрывке чередующиеся в тексте слова, ведущие к появлению новых условий, а, соответственно, и новых временных операций, записаны в скобках.

— Лаж (шем Лаж, йошкар Лаж, Элнет, Немда, Юл) вӱдын рӱдым кунам аяр йӱын-кочкын кертеш гын, тунам иже тиде енын шӱмжым кочшо!	«Условный переход» с положительным ответвлением
— Кум ий йӧрлын кожын (шопкен, ваштарын) вожшо кунам йӱла гын, тунам иже тиде енын шӱм—мокшыжым йӱлалтарен кертше!	
— Тылеч ончыч тиде енын шӱм-мокшыжым йӱлалтарен ынышт керт!	«Условный переход» с отрицательным ответвлением
— Тьфу! Тьфу Тьфу! (8, сс.26-27)	«Конец»

«— Когда яд сможет выпить-съесть стержень реки Лаж (черной Лаж, красной Лаж, Илети, Немды, Волги), только тогда пусть яд сможет съесть сердце этого человека!
— Когда корни ели (осины, клена), упавшей три года тому назад, сгорят, только тогда пусть яд сможет съесть сердце (внутренности) этого человека!
— До тех пор пусть не смогут съесть сердце этого человека!
— Тьфу! Тьфу! Тьфу!»

Текст этого заговора также представлен рисунком (рис.2).

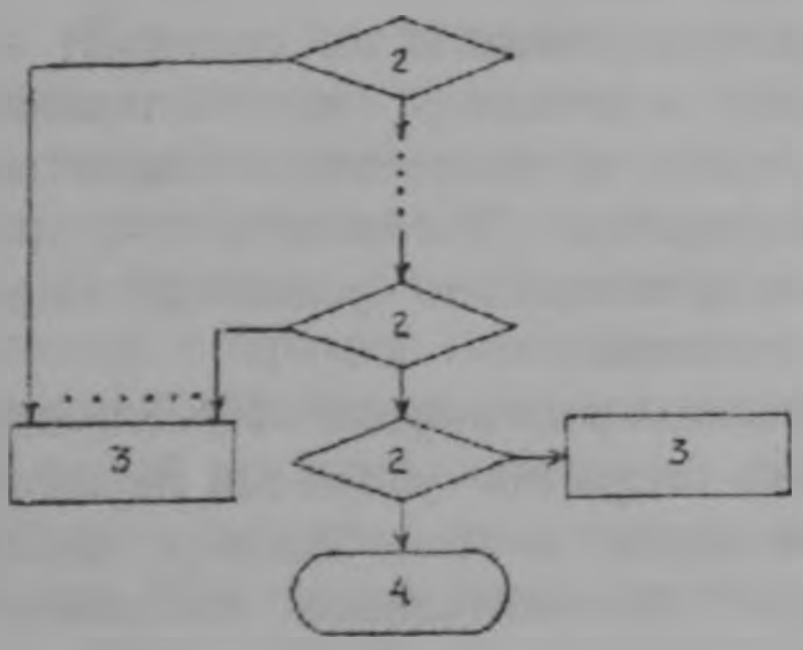

Рис. 2. Временная логическая структура заговора *Аярым шӧрымӧ* (8, сс. 26-27) с шестью положительными ответвлениями и одним отрицательным.

Заговоры вышеописанного типа могут быть осложнены наличием операции «начало». Так, текст *Осалым покшен лукмо* «Избавление от зла (колдовства)» содержит «начало», пятикратный повтор операции «условный переход» (повтор представлен в скобках), связанного через положительное ответвление «да» с идеей «присвоение»:

— Индеш чыра дене, тул дене, лӹмегож, пызле воштыр дене, шуанвондо воштыр дене осалым поктен луктам.	«Начало»
— Шӧрмычым налын, ош маскам (ош пирым, ош рывыжым, ош мераҥым), шогавуйым кычкен, кунам мӧнгешла курал кертеш, тунам иже мый декем осалым пуртен кертше!	«Условный переход» с положительным ответвлением
— Шымлу-шым тӹрлӧ ошмам кунам ик минут-секундышто пырчын-пырчын шотлен пытарен кертеш тунам иже мый декем осалым пуртен кертше!	
— Тьфу! Тьфу! Тьфу (9)	«Конец»

«— Выгоню колдовство, злой дух девятью лучинами, огнем, ветками можжевельника, рябины, шиповника.
— Когда (колдун) сможет, взяв узду, привести из леса белого медведя (белого волка, белую лису, белого зайца), запрячь его в соху, когда сможет вспахать борозду, пятясь назад, только тогда пусть (колдун) сможет напустить порчу!
— Когда (колдун) сможет пересчитать по одной 77 разных песчинок за минуту, за секунду, только тогда пусть сможет заколдовать меня.
— Тьфу! Тьфу! Тьфу!» (Рис. 3).

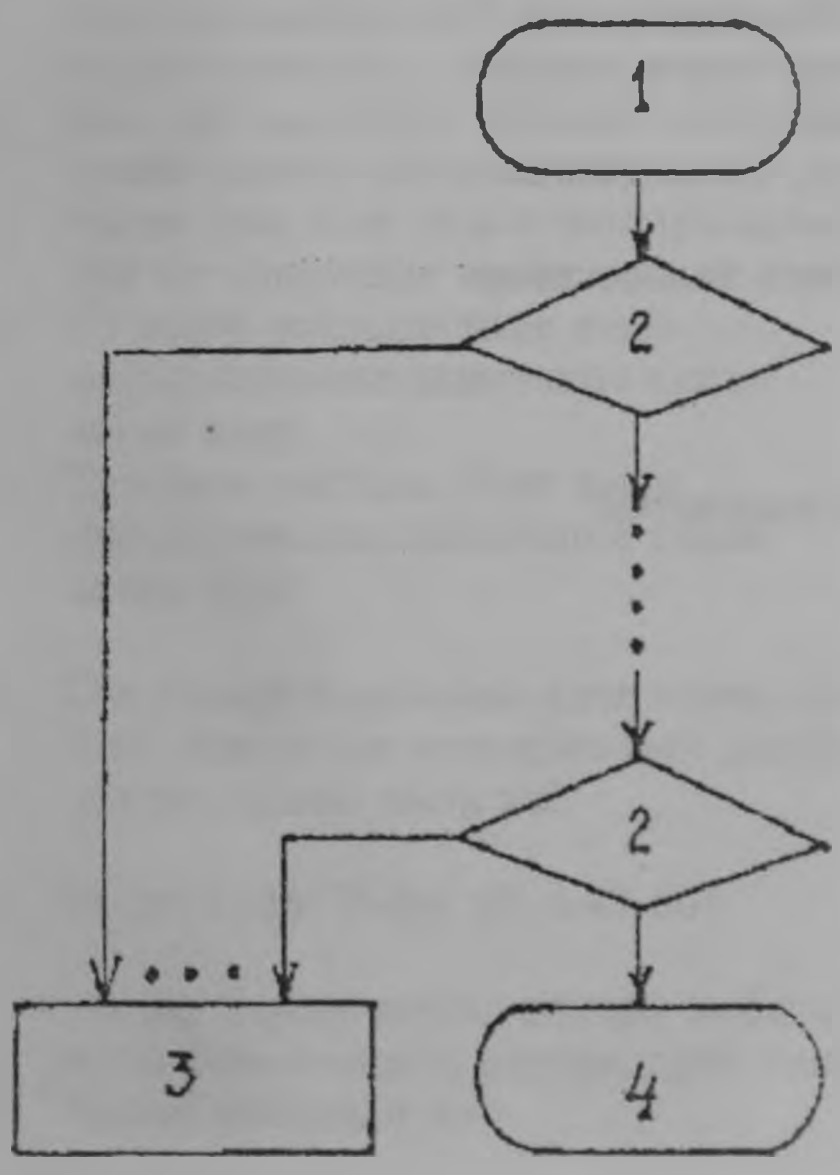

Рис. 3. Временная логическая структура заговора *Осалым поктен лукмо* (9) с пятью положительными ответвлениями.

В заговоре *Вӹр йогымо деч* «Для остановки кровотечения», цель которого — остановить кровотечение из порезанного пальца, отсутствует операция «начало». Операция «условный переход» с положительным ответвлением на операцию «присвоение» повторяется четыре раза. Кроме того, операция «условный переход», используемая в пятый раз в тексте, «выходит» на операцию «присвоение» через негативное ответвление. Оно выражено в

тексте предложением *Тылеч ончыч (тиде енын) парняже гыч вӱр лектын ынже керт!* «До тех пор пусть кровь не сможет потечь из пальца этого человека!»

Текст можно представить полностью:

— Сорла пӱй гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже вӱр лекше парня гыч!	«Условный переход» с положительным ответвлением
— Апшат шондал гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже вӱр лекше парня гыч!	
— Апшат конта гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже вӱр лекше парня гыч!	«Условный переход» с отрицательным ответвлением
— Возак пундаш гыч кунам вӱр лектеш, тунам иже вӱр лекше парня гыч!	
— Тылеч ончыч (тиде енын) парняже гыч вӱр лектын ынже керт!	
— Умыла гай куштылго лийже!	
— Тылзе гай темын шогыжо!	
— Пыл гай кушшо, вашке паремдыже!	«Тождество»
— Тьфу! Тьфу! Тьфу (8, с.17).	«Конец».

« — Когда кровь проступит на острие серпа, только тогда пусть кровь потечет из пальца!
— Когда кровь проступит на наковальне, только тогда пусть кровь потечет из пальца!
— Когда кровь потечет со дна кузнечного горна, только тогда пусть кровь потечет из пальца!
— Когда кровь потечет на дне горнушки, только тогда пусть кровь потечет из пальца
— До тех пор пусть кровь из пальца (этого человека) не сможет потечь!
— Пусть будет легким, как хмель!
— Пусть будет полным, как луна!
— Пусть срастается, как облако, скорее излечится!
— Тьфу! Тьфу! Тьфу!» (Рис. 4).

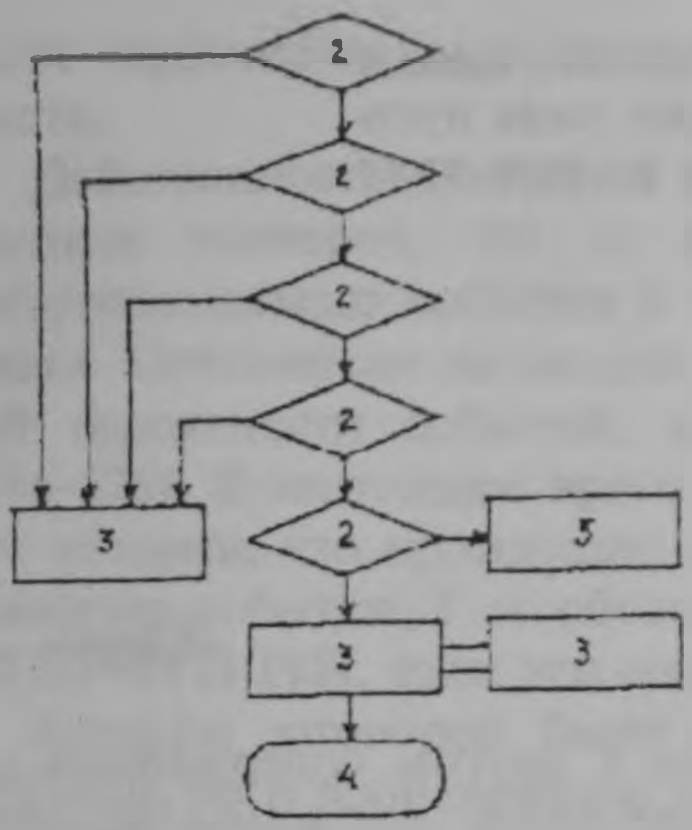

Рис. 4. Временная логическая структура заговора *Вӱр йогымо деч* (8, с. 17) с четырьмя положительными ответвлениями и одним отрицательным.

Заговоры могут состоять из четырех-пяти логических операций. Полная схема заговора *Шаргишке чер деч*, направленная на предотвращение волосатиковой болезни, включает четыре операции. Этот тип магических текстов обогащен не только количественно, но и качественно. В заговорах этого типа повтор распространен на всю схему текста, которая повторяется блоками полностью:

— Ош лум клат, ош лум клат кӧргыштӧ ош лум кышыл, ош лум кышыл кӧргыштӧ ош лум мамык.	«Начало».
— Ош лум мамыкеш локтызо шаргишке келам ыштен кертеш гын, тунам иже тиде енын могырышкыжо вӱд ия шаргишке келам ыштен кертше!	«Условный переход» с положительным ответвлением.
— Ту марте локтызо тиде енын могырышкыжо шаргишке келам ынже керт!	«Условный переход» с отрицательным ответвлением.
— Ту марте локтызо тиде енын могырышкыжо шаргишке келам ынже керт!	«Условный переход» с отрицательным ответвлением.
— Ош лумеш шаргишке кузе колен пыта, туте тиде енын могыржо гыч шаргишке лектын колен пытыже!	«Тождество».
— Тьфу! Тьфу! Тьфу! (8, с.48-50)	«Конец».

« — Амбар белого снега, внутри амбара белого снега
куча белого снега, внутри кучи белого снега
белый снежный пух

— Если в белом снежном пухе колдун сможет сделать (наслать) волосатиковую болезнь, только тогда пусть сможет навести волосатиковую болезнь на тело этого человека!

— До этого пусть колдун не сможет наслать на тело этого человека волосатиковую болезнь!
— Как в белом снегу погибает волосатик, так же, выйдя из тела этого человека, пусть пропадет!
— Тьфу! Тьфу! Тьфу!» (Рис. 5). «Конец».

Повтор данного логического блока с другим содержанием осуществляется еще несколько раз. Вместо слова *лум* «снег» используются слова *тул* «огонь», *ий* «лед».

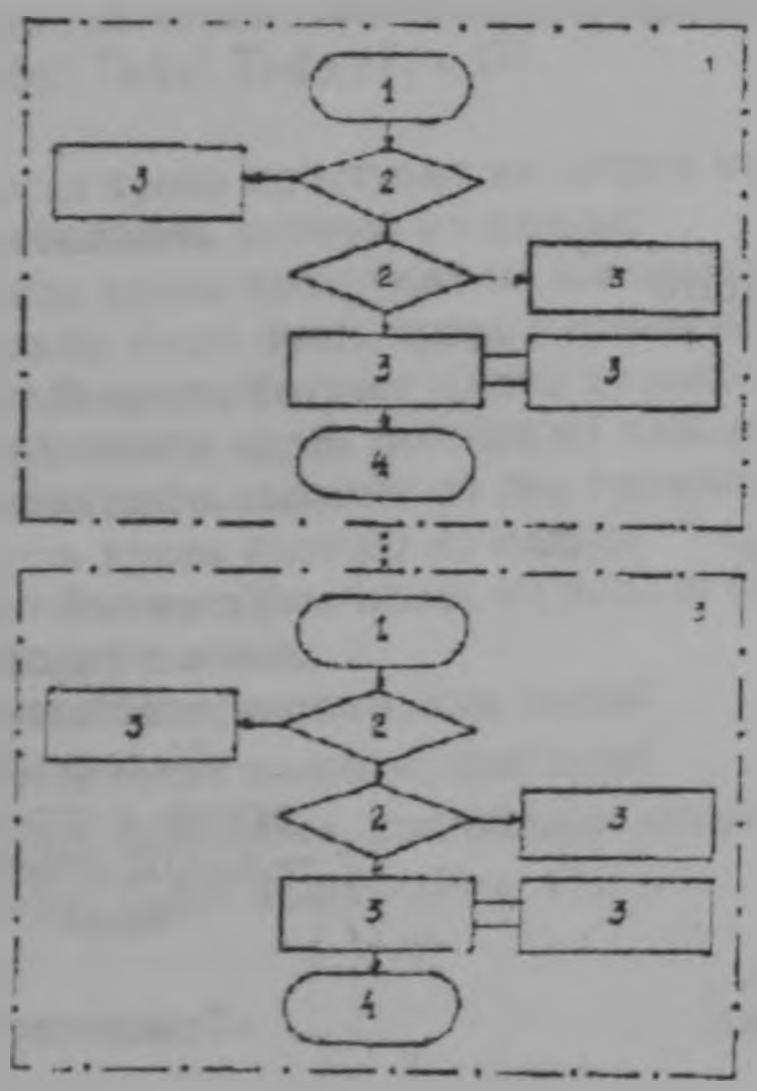

Рис. 5. Временная логическая структура заговора *Шаргишке чер деч* (8, сс. 48-49), включающая три повторяющихся блока.

Графическое представление временной последовательности операций в текстах показывает, что тексты заговоров построены на повторах определенных логических операций. В рамках операций повторяются отдельные слова, словосочетания, предложения. Повторяются также целые семантические блоки. Повтором обеспечиваются надежность, действенность магии слов. Лексико-синтаксический повтор, используемый в заговорах, представляет собой тип, который не был описан в существующей литературе. Предлагается назвать его нюансно-вариативным, так как он основан на следующем принципе.

Одно или два слова придаточной части — чаще вначале — постоянно меняются на протяжении всего текста; оставшаяся часть придаточной предикативной единицы, главная предикативная единица остаются без изменений. Небольшие изменения в тексте

носят характер нюанса, который вариативен на протяжении всего текста.

Действенность заговоров достигалась не только за счет многократных повторов, но и при помощи сопоставления желаемого/нежелаемого события с невероятными/маловероятными событиями. Сочинители заговоров интуитивно владели понятием условной вероятности событий, идеей произведения вероятностей (7, с.166-176). В настоящее время известно, что вероятность события T при условии, что произошло событие S, называется условной вероятностью события T и обозначается P(T/S). Известно также, что P(T/S)=P(T) P(S), если эти события независимы (10, с.123-128).

Авторам заговоров было ясно, что если событие невероятно (P(S)⇒0), то и произведение этого невероятного события на вероятное, но нежелательное P(T) (например, порча, болезнь), также будет стремиться к нулю, то есть будет маловероятным. При этом у авторов заговоров было представление о невозможности полностью устранить нежелательное событие. Исходя из реальности, они стремились сделать его хотя бы маловероятным с помощью перечисления многочисленных условий.

Проведенный анализ структуры заговоров показал, что временная последовательность логических операций в текстах строго регламентирована. При наличии всех логических операций в тексте порядок их использования следующий: «начало», «условный переход», «присвоение», «тождество», «конец». Все они соединены операцией «безусловный переход», обозначаемой стрелкой.

Проанализированные тексты заговоров состоят из одной логической операции (17%), из двух (37%), из трех (13%), из четырех (23%). Без учета временного фактора, то есть с использованием операции «тождество», заговоры могут состоять из пяти логических операций (10%).

Наряду с элементарной организацией заговоров встречаются тексты значительной сложности. Наиболее распространенные тексты состоят из четырех и пяти элементарных логических операций, повторяющихся от трех до тридцати раз, включая положительные и отрицательные ответвления, а также «тождество». Повтор может распространяться на логические блоки, которые могут быть представлены в текстах от трех до девяти раз.

Сложность текстов свидетельствует о развитии и совершенствовании заговорного мастерства, об искусности авторов текстов в ис-

пользовании богатых логических возможностей синтаксиса марийского языка.

Графическое изображение с использованием элементарных логических операций позволило выявить внутреннюю связь времени заговора и логики его структуры, то есть логически обусловленный временной порядок.

Оно также показало интуитивное владение авторами заговоров понятиями условной вероятности событий и произведения ряда вероятностей, которые присутствуют во всех проанализированных текстах. Условная вероятность событий сочетается с оригинальным типом повтора, описанного впервые и получившего название нюансно-вариативный повтор.

Чтобы получить эти результаты, данную работу нельзя было проделать с использованием традиционных приемов — подчеркиванием выражений, членов предложений и т.п., разными видами линий; обозначением простейшими геометрическими фигурами, располагаемыми на плоскости по горизонтали.

Использованный метод можно назвать графическим представлением временной структуры текста.

В перспективе предполагается его применение для исследования текстов других жанров.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кыйва М.О.* Эстонские заговоры. Классификация и жанровые особенности: Автореф. дис.. канд. филол наук. Таллинн, 1990.

2. *Glukhova N.* Types of Cheremis Charms and their Linguostylistic Features // Uralic Mythology. Papers of International Conference. Specimina Sibirica, Savariae, 1993.

3. *Sebeok Th., Ingemann Fr.* Publications in Anthropology. The Studies in Cheremis: The Supernatural. New York, 1956. V. 22.

4. *Seboek Th.,* Structure and Texture. Essays in Cheremis Verbal Art. Mouton The Hague Paris. 1974.

5. *Иванов И.Г.* О языке одного из жанров марийского фольклора // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1975.

6. *Васикова Л.П.* Сложные предложения в марийском литературном языке. Йошкар-Ола, 1982.

7. *Лесохин М.М., Лукьяненков К.Ф., Пиотровский Р.Г.* Введение в математическую лингвистику. Минск, 1982.

8. Юзо мутат утара. Йошкар-Ола, 1993.

9. *Глухова Н.Н.* Архив автора. Марий Эл, Новый Торъял, 1993.

10. *Коригунов Ю.М.* Математические основы кибернетики. М., 1980.

Natalya Glukhova

TEMPORAL LOGICAL STRUCTURE OF THE MARI SPELLS

The article deals with the temporal succession of the logically meaningful parts constituting the structure of the Mari spells.

The author resorts to logical operations of algorithms generally used in compiling computer programs. The method employed in the article is defined by the author as graphic representation of temporal logical structure of the text.

The graphic representation with the elementary logical operations used made it possible to trace the inner dependence of the time of a spell on the logic of its structure, as well as to describe some texts of different semantic and structural complicacy.

The method offered in the article shows that the begetters of the spells intuited the notions of conditional probability of events, that they could experimentalize with a number of probabilities which are combined with an original type of repetition («nuance-variative») described in the article for the first time.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Валентина Быконя
Томск

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ СЛОЖНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ «8» И «9» В СЕЛЬКУПСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Статья посвящена анализу обозначений «восьми» и «девяти» в селькупских диалектах в сопоставлении с другими самодийскими языками. Интерес к данному вопросу объясняется тем, что в научной литературе по самодийским языкам селькупские числительные «восемь» и «девять» трактуются как новообразования, поскольку схема их конструирования выделяется своим построением на фоне самодийского материала (1, с. 12). Различие в принципах моделирования, а именно, проявление субстратного принципа при образовании селькупских числительных «8» и «9» в других самодийских языках, а также однотипность селькупских моделей с современными енисейскими языками послужили поводом считать селькупские числительные заимствованиями из енисейских языков (2, с. 85).

Основными диалектными подразделениями селькупского языка являются два больших языковых ареала: северный (тазовско-енисейский) и южный (тымско-нарымско-кетско-обский) (3, с.54). Наряду с территориальным диалектным членением прослеживается членение языка по былым родоплеменным единицам, и этническая общность селькупов распадается, исходя из социально-исторической сущности, на пять групп, каждая из которых сохранила свое самоназвание: селькуп на Тазе и Енисее; чумылькуп (далее Ч) на средней Оби ниже Нарыма, Васюгане и Тыме; шешкум (далее Ш) на средней Оби ниже Колпашево; сюсюкум (далее С) на средней Оби выше Колпашево и на Кети. Пятая группа — тюйкумы на Чулыме, сохранилась только в материалах М.А.Кастрена (4, с. 36, 43). Сюсюкумы на Оби и Кети и тюйкумы на Чулыме, сохранилась только в материалах М.А.Кастрена (4, с. 36, 43). Сюсюкумы на Оби и Кети и тюйкумы на Чулыме представляли крайнеюжный диалектный ареал.

Имена числительные относятся к основному словарному фонду языка, но они проявляют значительное своеобразие даже в рамках одной диалектно-этнической группы, поэтому языковой материал дается в статье с пометами и диалектной, и этнической отнесенности.

Сопоставление наших полевых материалов с языковыми данными предшествующих этапов истории селькупского языка, зафиксированными Ф.И. фон Страленбергом (5, с. 8), М.А.Кастреном (6), М.П.Григоровским (7) позволяет проследить в диахронии, начиная с 18 века, особенности в становлении некоторых числительных первого счетного ряда. Менее устойчивым по сравнению с другими единицами оказалось в селькупских диалектах числительное «9». Своеобразие в его моделировании в разных диалектах фиксировалось еще в 18 веке, о чем свидетельствуют материалы Ф.И. фон Страленберга, а в исследованиях М.А.Кастрена обнаруживается уже единая модель для «8» и «9». Это обстоятельство свидетельствует о стремлении языка к унификации моделирования числительных, приближенных к десяти, и о завершающем периоде в формировании числительного первого ряда сегодняшнего типа, который приходится на начало 19 века.

Числительное «восемь»

Числительное представлено в селькупских диалектах следующими формами: Str. Tschl. *ssidyniet*; Nar. *stagwet*; C — L *śede čal gvet, (śede čalgöt), śede dśángvet, -göt;* NP *sede ŋjaadi (-de, -da) göt*, K *sitte ŋjaadin göt*, Tschl. *sydöndöt*, OO *syŋjöndjyőt, syŋjöndjyöt*, Tas *šiŋiääti kööt, šidiädel (-dil-) göön* B *šidiädi kööt od. gööt*, Kar. *šiŋiádel- (-dil-) gööt (od. site ŋjangedel);* Hel. *сыдчáдгем*; таз. ОчСЯ *šiŋy cäŋkyŋyl' köt, šiŋy-ca-köt; турух. šiŋčanŋjköt*; ел. *śite čengiŋji köń;* кетВ *šiŋćaiket, šiŋ' aiköt, šiŋəd'ädęgót;* кетС *šiŋiźädigöt;* кетН *šiŋji'ädjköt*; обС С *sedjd'et, sedjjet*; обС Ш *šedd'aigwet, šeŋäikei, šiŋ'äiki, šiŋ'ai*; ОбС Ч *šidəćaŋg, šidjjaŋgwet, šidjžangwet, šiča·lgwet, šiŋičangji*; вас. *šeda·lget*; тым. *šedjjköt, śedəd'äŋgót, šidiädlgöt.*

По своему характеру числительное «8» восходит к словосочетанию предикативного типа. Вследствие слияния компонентов словосочетания развились сложные слова трехморфемной структуры. Многообразие вариантов объясняется фонетическими изменениями, сопровождающими процесс слияния компонентов. Изменения свя-

заны с эллизией конечного гласного и последующим сокращением долгого согласного, например, *šüiaiköt* < *šüiaiköt* < *šüŋ̇ iaŋ̇ köt*. Имеет место выпадение гласного в безударной или слабоударной позиции: *siagwet* < **siiagwet*. Эти процессы обусловили сокращение звукового облика слова.

Фонетическим изменениям в значительной мере подвержен третий компонент, который мотивирован числительным *köt* «10». В интервокальной позиции, а также после звонкого или сонорного согласного наблюдается озвончение смычного *k*. В среднеобских говорах шешкум и чумылькуп наряду с озвончением развивается его лабиализация (8, с. 127). Тем не менее компонент *köt* представляют ясные по своей структуре алломорфы *-göt, -get, -gi̯t, -gwet, -gitə*, отмечается вариант *-ki*, в котором выпал конечный согласный.

Анализ фонетических вариантов в диахронии показывает, что в отдельные исторические периоды функционирования селькупского языка структура числительного «8» была в разной мере прозрачной и не всегда достаточно однородной. В материалах 18 века компонент — *köt* зафиксирован в вариантах *-gwet, -et, -wet*, в 19 веке в виде *-kyöt, -öt, -yöt* (сохранена транскрипция оригинала, *-y-* отражает наличие лабиализации согласного). В связи с этим для *k* можно констатировать переход в интервокальной позиции через промежуточные ступени: *k>g>y>j>Ø* (ср. аналогичный переход в мордовском — 9, с. 190). Это могло иметь и иной путь преобразований: с устранением лабиовелярным *-gw* велярного элемента произошел переход *-gwet> -wet*, а в дальнейшем через вокализацию билабиального *-w-* последовало изменение *-wet>-et* (8, с. 131; 10, с. 240). Основным изменением для гласного является его делабиализация: *ö>e, ö>i̯, ö>i*.

Многообразны фонетические варианты соединительного лексического элемента. Он восходит к основе глагола *čaŋgigu, t'aŋgugu* «отсутствовать»: *-čäŋkytyl'-, -čaniŋ̇-, -čat-, -t'at-, -d'adə-, -ǯädə-, -čaŋg-, -jaŋg-, -ǯan-, -čal-, -d'al-, -dij-, -ďäŋ-, -diädl-*, но звуковые различия начального согласного не выходят за рамки регулярных звуковых соответствий. Из сопоставления современных форм числительного «8» с формами предшествующего исторического этапа явствует , что основные варианты соединительного лексического элемента в материалах 19-20 веков совпадают, ср. C-L *-čal-*, вас. *-čal-*, обС Ч *-čal-*; C-L Tas *-tiääti-*, Каг. *-tiadel-*, тым. *-diädl-*; C-L NP *-tjadi-*, кетВ *-d'ad*. Не встречается лишь вариант, отмеченный М.А.Кастреном в крайнеюжных диалектах (по C-L Tschl. 00-11, с. 24). Но диалект чулым-

ских тюйкумов не сохранился, а говоры средней Оби выше Колпашева (00 = Старо-Сондрово и Ново-Сондрово) отличает значительное своеобразие структурного построения данных словоформ. За небольшим исключением, фонетические изменения не затемнили морфологическую структуру числительного «8», не затруднили его морфемное членение. Сложное слово состоит соответственно из компонентов, мотивированных названиями «2» и «10», а субстратный принцип находит свое материальное выражение в соединительном лексическом элементе. Разновидность модели представляет вариант с опущенным третьим компонентом: обС Ш *šil-i' ai*, обС Ч *šidə-čaŋg* с внутренней формой «два отсутствует».

Среди диалектных групп особое место занимает форма числительного обС С *sedəd'ei*. Это единственная форма, не имеющая среди современных вариантов аналогов, изменившая в значительной мере свою внешнюю форму, поэтому ее этимологизация сопряжена с определенными трудностями. При синхронном подходе следует отдать предпочтение членению словоформы на составляющие компоненты: *sedə-d'ei*, поскольку в современных диалектах первый компонент числительного «8», как правило, материально совпадает с числительным «два». Внутренняя форма числительного может соответствовать при данном членении одному из трех возможных вариантов: 1) «два отсутствует», если с учетом регулярных звуков соответствий *i ~ d'* соотнести второй компонент с глаголом *i'aŋgugu* «отсутствовать»; 2) «два десять», поскольку соответствие *k ~ i* (12, с. 284) дает возможность считать *-d'ei* фонетическим вариантом компонента *köi* (ср. современная форма обС Ч *ieŋj-gual-d'ei* «14»; 3) 2х4, поскольку ничто не препятствует сопоставлению *-äei* с числительным *i'eŋ* «четыре», тем более, что самодийская модель «дважды четыре» была зафиксирована в селькупском языке в виде *c'imtty temm* Г.Н.Прокофьевым (1, с. 12). В наших полевых материалах числительное «8» такой схемы построения не встречается.

Не делая пока каких-либо выводов, рассмотрим возможности второго варианта морфемного членения с ориентацией на основное структурное построение — трехкомпонентную модель числительного: *se-dəd'-ei* и *sə-dij-ei* (ср. тым *šе-djj-köi*). Для сопоставления следует привлечь формы в крайнеюжном регионе в разные исторические периоды: *Castrén* ОО *syjöndjyöi*, Tschl. *sydöndöi*, Str. Tschl. *ssydyniei*. Трехкомпонентный характер их структуры не вызывает сомнения: *sy-ljondj-yöi*, *sy-dönd-öi*, *ssy-dyni-ei* (ср. *ssydini-thisarm* «80»). По фонети-

ческому облику современная форма *sedəd'et* ближе всего форме Castren Tschl. *sydöndöt*. Отличается она отсутствием *-n*, которое могло быть утрачено в связи с его семантическим выветриванием. Основой выпадения могла послужить переориентация исходной внутренней формы «два отсутствует десять» на схему «два десять». Предпосылкой такому переосмыслению послужило сокращение внешней формы слова, что, в конечном итоге, привело к восстановлению материальной идентичности первого компонента с числительным *sedə* «два». Дальнейшие фонетические изменения произошли в третьем слабоударном слоге: после выпадения *-n* последовала палатализация *d>d'* в позиции между гласными переднего ряда, а гласный *ö* утрачивает лабиализацию и в безударном слоге подвергается редукции. Таким образом, возможный путь преобразований можно представить в следующем виде: *sydöndöt>sydödöt>sydödöt> >sydəd'et*. На синхронном срезе внутренняя форма соответствует схеме «два десять», но исторически в ней представлены три компонента. Вследствие гомогенного развития языка, видимо, в условиях междиалектного смешения числительное «8» сменило свою внутреннюю форму. Вполне вероятно, что тюйкумы переселились на Обь, и из всех конкурирующих вариантов было отдано предпочтение наиболее краткой в фонетическом отношении словоформе. Фактором, склоняющим к выбору второго варианта схемы построения, служит наличие в современных диалектах аллоформа *-d'et<köt*. Не менее важным фактором является аналогия, прослеживаемая при морфемном членении формы Str. Nar. *stagwet* «8», в которой с точки зрения современного состояния также выделяются два компонента sta<**syta* «2»+*-gwet<köt* «10».

Среди всего обилия фонетических вариантов числительного «8» современная обС С *sedəd'et* явно сопоставляется с формой, зафиксированной в 18 веке Ф.И.фон Страленбергом в нарымском ареале *stagwet*. Два разных исторических среза дают одинаковые в морфологическом плане формы: *sedəd'et* и *stagwet*. Проследить возможный путь становления первой формы позволяют зафиксированные письменные материалы, для второй формы можно с учетом этого предположить сходный путь изменений: *st<syt<sytty+-ta<-ta* или *-tal+ -gwet<köt*.

Проведенный анализ позволяет иначе интерпретировать внутреннюю форму числительных (A mskr) Tomsk *ssidjöntjet* и Str. Tschl. *ssidyni-thisarm* «80», включенных Ю.Янхуненом в один этимологический ряд с самодийскими числительными «8» с моделью 2x4 (13, с. 71). В словоформе *ssi-djöntj-et* выделяются три компонента, что соот-

ветствует селькупской модели «два отсутствует десять». Первая часть обозначения «80» представлена здесь сокращенным вариантом числительного «8»: *ssidyni-thisarm (ssidyni<ssidyniel)*.

Представляется, что на разных этапах развития языка сложное числительное «8» проходит путь от утраты к восстановлению ясной внутренней формы. Эти изменения подтверждаются примерами из селькупских диалектов, которые с этой точки зрения могут быть подразделены на две группы: 1) среднеобский (выше Колпашева) — чулымский — тазовско-енисейский регионы имели в 18 и 19 веках первым компонентом числительного «8» редуцированный вариант числительного «2» *si-/ssy-/*, в материалах 20 века этот компонент материально совпадает с числительным *sedi, šittį* «2», хотя в отдельных случаях отмечаются варианты *si-, se-*; 2) среднеобский (ниже Колпашева) — васюганский — тымский демонстрируют обратный процесс. По сравнению с 19 веком первый компонент числительного в материалах 20 века отражает тенденцию к сокращению первым компонентом звуковой формы. Кетский диалект сохраняет в указанные исторические периоды, в основном, полную форму, соответствующую числительному «2», т.е. числительное «8» оказалось здесь в меньшей мере подвержено фонетическим изменениям.

Итак, в развитии сложного числительного «8» прослеживается следующая закономерность: на определенном этапе истории языка его строевые элементы остаются опознанными и легко интерпретируются. Затем в связи с фонетическими процессами происходит переоформление словоформы, которое обуславливает его переосмысление. Однако последующий этап возвращает утраченную ассоциативную связь компонентов сложного числительного с мотивирующими словами и восстанавливает исходную трехкомпонентную модель.

Селькупское числительное «8» тяготеет к языковому ареалу, в котором оно образуется по схеме «два до десяти». Этот структурный тип имен числительных образовался в разных финно-угорских языках как бы вычислением из десяти. Обозначение «восьми» сложилось из двух слов, второе из которых восходит к числительному со значением «десять», первым компонентом являются слова со значением «два», а в угорских языках первый компонент происходит не от числительных (14, с. 164-167), например, финск. *kahdeksan*, норв.-саамск. *gav-ce*, горномар. *kän-dakš(ə)*, коми-зыр. *kökja-mys*, эрзя-м. *kavk-so* (15, с. 181; 16, с. 107). Компоненты данных числительных К.Редеи объясняет иначе: «Das Numerale «acht» der FW Sprachen ist,

falls das Negationsverb in FW Zeit noch eine medialreflexive Konjunktion besaß, aus folgenden Elementen entstanden: *kakta+(Negationsverb) *e+(modal-reflexives Konjugationssuffix) *k+ (Px 3 Sing.) *sä+ (Dualsuffix) *n: *kakta e-k-sä-n>*kakteksan. Die ursprüngliche Bedeutung von «acht» war «zwei existieren nicht (zwei fehlen von zehn)». Die Wortverbindung verlor, sobald sie zu einem Wort verschmolzen war, ihren prädikativen Charakter» (17, c. 643).

Вычитательную внутреннюю форму имеет числительное «восемь» в кетском языке, например, *ынäем бетт'инг ko:c'* «два-без-десять» (18, с. 128), айнском: *тупес при ту(-н)* «2» (19, с. 39), корейском: *jędęlp-jędįlp<jęl* «десять» и *tulp (<tu+?)* «двух недосчитывая» (20, с. 66). Следует отметить, что во всех кетских наречиях, а также других енисейских языках 18 века имелось две принципиально разных модели для данного числительного: одна на вычитательной, а другая на основе сложения (18, с. 128). Поэтому одна параллель сближает енисейские языки с селькупским, а другая с чукотско-корякскими языками.

Все самодийские языки, кроме селькупского, характеризует модель 2x4: нен. *сидндет*; нган. *ситізәтә*; эн. *сиріетто*; камас. *шиньдьятти*; койб. *синдяде*; матор. *kiddingieitde*; тайг. *китньдеите*; караг. *güdindüie* (13, с. 71).

Таким образом, селькупское числительное является инновацией,и вопрос сводится к тому, заимствовано ли оно из енисейских языков или появилось как субстратное явление в процессе наложения самодийского материала на аборигенный компонент финно-угорского происхождения. Не исключая возможности адстратного влияния модели из соседних енисейских языков, можно с большой степенью вероятности предположить смену селькупским языком самодийской модели в глубокой древности под влиянием западного аборигенного пласта, который оказал влияние на селькупский этнос (см. 21, с. 7). Но следует особо оговорить, что речь в данном случае может идти только о числительном «восемь», поскольку числительное «девять» имело в селькупском языке свой путь становления и, исходя из этих соображений, оно не может быть вовлечено в круг сопоставлений с енисейским числительным «девять» (ср. 2, с. 85).

Числительное «девять»

Данное числительное представлено следующими вариантами: Str. Tschl. *ockr-yenjet* (ср. *ockr-uajet* «9» в качестве первого компонента в

обозначении «90» *ockr-uajet thisarm*): Nar. *ockreſiawet*; C-L óker *čalgvet*, *óker dśangvet*; MO *óker tjaadi göt*; K *oker tjaadin gön*; OO *oker tjeundjyöt*; Tas *ooker tjää kööt*, *ooker tjändelgöön*; *Booker tjää gööt*; Kar. *oker tjaangedel gööt*; Hel. *óкырчадгет*; таз. ОчСЯ ukkyr *cāŋkytyl'köt*; *ukkyr-ca-köt*; турух. *o·kkɨrča:nɨɨ köt*; ел. *oqɨr čengɨɨɨ kön*, *ukur čangɨɨɨ köt*; кетВ *okka·rčaikei*, *koríät-köt*, *o·qqəd'ādə köt*; кетС *oqərn' ädjgót*; кетН *okɨrí ādɨ köt*; обС С *oqurd'ei*, *oqərdei*; обС Ш *oqərd'aigwei*, *okkɨn'äikei*, *okkɨnäíki*; обС Ч *oqərčāŋg*, *oqəržalgwei*, *okkɨrčangɨt*; тым. *oqərd'aŋg*, *okərdjäŋgöt*.

Зафиксированные в указанные исторические периоды формы числительного «девять» находятся на разных уровнях лексикализации. В тазовско-енисейском регионе они продолжают сохранять статус словосочетания, в обско-нарымско-тымском регионе лексикализация завершилась, и числительное представлено сложными словами с достаточно четкой морфологической структурой. Кетский диалект являет собою переходый этап, сохраняя конкурирующие варианты.

С точки зрения возникновения числительное «9» представляет одну из последних инноваций в первом счетном ряду. Под влиянием внутриязыковых тенденций оно перестроило свою внутреннюю форму, изменив по аналогии с «8» схему построения и получило другой соединительный лексический элемент. Таким образом, модель построения числительного «9» расшифровывается, начиная с 19 века, как «один отсутствует десять». Лишь числительному обС С *oqər-d'ei* можно приписать внутреннюю форму «один десять», т.е. «один до десяти» (ср. аналогичное морфемное членение — 4, с. 36).

В материалах 18 века числительное «9» имело иной характер осмысления словоформ и различалось по диалектам соединительным лексическим элементом: Str. Nar. *okre-ſia-wei*, Tschl. *ockr-yenj-ei*, *ockr-uaj-ei* в составе числительного *ockr-uajei-thisarm* «90». В первом случае его можно соотнести с реципроковым суффиксом *-zc*, и внутренняя форма соответствует схеме «один с десятью». Во втором случае напрашивается сопоставление с существительным *kue*, N., B., Tas., Überflub, zu viel, kua, MO, OO., Tschl. (22, с. 123) (*yenj-* род.п.; *ye<kue* в результате утраты велярного компонента; *uaj* «лишний»). Вторая модель имеет вид «один излишка десять», «один лишний». Письменные источники 19 века свидетельствуют о смене словообразовательной модели числительным «9». Это изменение можно отнести на счет грамматической аналогии, которая стремится подобрать для «8» и «9» одинаковые формы, но видится и другая причина: ряд числи-

тельных «11—19» строился по принципу «один лишний десять» и, таким образом, развивалась омонимия форм для «9» и «11». Употребление параллельных форм фиксируется в современных идиолектах, ср. кетС *oqqor qwej köi* «9»; *oqqore qwejgöi* «11»; *teben okkor kwej köit poŋ* «Ему было девять лет»; *okkore qwejgöi t'el* «девять дней»; обС Ш *tab ūd'a oqərgBe·jet ias* «Она работала девять часов». Более того, имеются составные числительные, соединительный элемент которых представлен сочетанием двух противоположных по семантике слов: *t'adj* — «отсутствует»+ *-goj* «лишний». Слияние элементов, употребление которых в современных диалектах, как правило, дифференцировано (*-iädj* для «8» и «9»; *-goj* для «11—19»), служит подтверждением тому, что процесс смены модели — дело недалекого прошлого, и формы с -goj еще живы в сознании говорящих, ср. кетВ *narsārjm oqqir iadjgoj köi* «39» (букв. тридцать один отсутствует-лишний десять).

Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство, касающееся числительного «девять». В счетном ряду, записанном у ряда информантов, «девять» следует за «семью», например, обС Ш *sel'd'i, okkjn' atki, šedi' atki, köi* «7, 8, 9, 10» (букв. 7, 9, 8). Трактовать это можно как допускаемую при счете небрежность. Но регулярность проявления данной особенности в ряде территориально значительно удаленных друг от друга идиолектов наводит на мысль о том, что смена числительным «9» словообразовательной модели еще не прошла бесследно. Особенности, проявляющиеся при счете до десяти, являются результатом неизгладившегося в сознании говорящих приоритета модели над значением. Несмотря на абсолютно прозрачную морфологическую структуру числительного «девять», первый компонент которого остается без каких-либо фонетических изменений и полностью соответствует звуковой форме *okkjr* «один», его соотносят со значением «восемь». Аналогичная ситуация складывается в случае с употреблением числительных «восемьдесят» и «девяносто». Из сказанного следует заключить, что первый счетный ряд в селькупском языке, не имеющем письменной традиции, находится еще в стадии оформления.

Селькупские модели 18 века, характеризовавшие числительное «9», не имеют аналогов в других самодийских языках. Типологические параллели находим в угорских языках, где осмысление шло в русле «рядом у десяти» или «вне десяти», а также «один больше десяти». Но модели были двухкомпонентными, причем первые составные части числительных не были связаны с числительным «один», ср.

венг. *kilenc* «девять», первый компонент происходит от слова *kívül>kil* «наружи», «вне» → «вне десяти»; манс. *onto-low* «девять», где *onto* происходит от слова *onisəl* «рядом», «с», отсюда *onto low* первоначально обозначало «рядом у десяти». В состав хант. *ńjlə̑χ/ńjləɣ* вошло существительное *ńil* «нос». Лишь хантыйское числительное *əjərjön* составлено из компонентов: *əj* «один» + *ər/ərt* «слишком», «больше», «сверх» + *jöŋ* «десять», оно обозначало «одним больше десять» (14, с. 167). В периодизации угорско-самодийских языковых связей, предложенной Е.А.Хелимским, это явление, видимо, можно отнести к позднейшим хантыйско-селькупским ареальным параллелям (ср. 23, с. 10).

После смены числительным «девять» словообразовательной модели селькупский язык сблизился по характеру осмысления словоформы с самодийскими языками Саянского нагорья, ср. матор *obdenaschia* (vgl. (Sp.) нашта «бедный», eig. «ohne seiend»), тайг. *opti-njásc/h/-to*; караг. *obdujasi eig»* ohne seiend» (13, с. 28). Ю.Янхунен подчеркивает сложный характер словоформ и сопоставляет вторую составную часть с отрицательной основой **jäŋkɜ* (? *nom*? **jäŋkə̑* «*nicht, fehlend, Fehlen* ~ **jäŋkɜ-* (verb. ? **jäŋkə̑-)* «nicht dasein, fehlen». К этому же ряду относятся сельк. *čäŋkjqo*: Sg. 3, *čäŋki~čäŋka*, (D) Ke M täŋgu (13, с. 40). По схеме «один до десяти» образуется числительное «девять» в большинстве финно-угорских языков (16, с. 107; 14, с. 166). Историческую трактовку модели для «девяти», аналогичную модели «восьми», предлагает К.Редеи (см. 17, с. 807). Принцип вычитания лежит в основе конструирования числительного в енисейских языках (18, с. 128).

Северо-восточная ветвь самодийских языков и камасинский имеют принципиально иное построение словоформ. В ненецком языке *hasawaju'* составлено из *Hâsawa* «Samojede» и *ju'* «десять», что означает «самодийское десять», в некоторых диалектах оно выражается через *habeiji'* «хантыйское десять» (24, с. 195). Термины *хāса* или *хāсава* используются в ненецком языке в качестве самоназвания у определенных групп ненецкой народности, например, у тазовских ненцев, и числительное *хāсуйу'* или *хāсава йу'* означает «самодийский десяток». В названии *хаб'е йу'* термин *хаб'е* или *хаб'и* является нарицательным именем для иноплеменников и противостоит термину *хāсава* «мужчина, соплеменник». Г.Н.Прокофьев считает возможным связать нен. *хаб'и* с сельк. *қуп, қум (қумы)* «человек» (1, с. 15). В основе самоназвания восточной группы ненцев *хасава* лежит древ-

ний самодийский этноним *каса*, а *хаби* совпадает с термином, который ненцы употребляют для ряда народов Обь-Енисейского бассейна (см. 21, с. 69, 95). Следовательно, *habeiji'* должно было означать «иноплеменное десять».

В нганасанском и камасинском языках числительное «9» содержит в качестве первого компонента определительное местоимение со значением «другой»: нган. *намяйтӯмэ*, камас. *ātiiun* (25, с. 150). Вторая составная часть должна означать «десять», и все название следует понимать как «другой десяток». По мнению Г.Н.Прокофьева, такие названия могли возникнуть в силу необходимости разграничить между собой два значения для слова *thun*, которое означало в период вытеснения девятиричной системы счета десятиричной одновременно и «девять» и «десять» (1, с. 13, 18). На такой вывод ориентируют обозначения «9» и «10» в ненецком языке (ср. 1, с. 14, 15; 26, с. 102). А.Йоки видит в названии числа «9» следы прасамодийской семиричной системы в тех формах, которые образуются с помощью определительного слова со значением «другой, второй»: девятка была «другой, второй» во втором счетном ряду (27, с. 73).

Материал других самодийских языков позволяет соотнести нган. *-tiitэ*, камас. *-tun*, караг. *-tut* (в güdetut «20»), сельк. *-tot* (в *okərčangwel tot* «90») с существительным **ton* «Zahl», ср. ng. (C.) aor. Sg. I. Obj. *tua'bia'ama* «lesen», en. (M.) *va tutaś* «zählen»; ne Т *толась*, (L) О *tōHā* «rechnen, zählen»; sk. (Pr.) *torma* «счет, число» (13, с. 165), а также сельк. *toγol$_3$ugu* «сосчитать», *tōrgu* «читать». В селькупских диалектах *tot*, не имея значение «10», сохранилось при мультипликативном принципе образования в роли форматива в названиях круглых десятков (=10), ему можно, видимо, приписать значение «круглое число». Аналогично используется *-tut* в карагасском языке при ином обозначении «10». В этом проявляются реликты архаичных систем счета, для которых было характерно отсутствие этимологической связи между названиями «десяти» и компонентами обозначений круглых десятков. Следы древних способов счета обнаруживаются в финно-угорских, тюркских языках, ср. удм. *дас*, коми-зыр. *дас* «десять», удм. *вить-тон* «пятьдесят», коми-зыр. *веты-мын* «пятьдесят». Б.А.Серебренников объясняет это тем, что каждый десяток связывался с каким-нибудь именем существительным (28, с. 128). И в названиях «9» в нганасанском и камасинском языках проявляются, видимо, следы какого-то иного способа счета.

Сам. **ton* «число» сближается по семантической функции с финно-угорским **tenз* «Preis, Wert» (17, с. 521), которое также образует

названия круглых десятков (см. 29, с. 268). Из истории становления счета у разных народов известно, что круглые числа, соответствовали определенным количествам-совокупностям. В селькупском языке такую совокупность представляет лексема *sarjn* «вязка, связка шкурок десятками», в ненецком языке *-ju'* «10», которое восходит к определенному числу зарубок, ср. *юдась* «сделать зарубку на чем-либо», *юдак* «метка, зарубка на палочке для счета», *юдецё* «десяток» (30, с. 810, 811). Конкретное значение удм. *don, ton* «цена, равная десяти беличьим шкуркам» (31, с. 158), ср. ostj. O *tun* «Perle» / ostj. V *tän*, DN *tän*, Ni. *tan* «Brautgeld» / VDN O *tin* «Preis», Korfgeld (für eine Frau) / wog. KU P So. *tin* «Preis» (17, с. 521) также могла субстратно оказать влияние на становление некоторых самодийских числительных.

Особое место занимает энецкое числительное *êsâ, nêsâ* (24, с. 192). М.А.Кастрен сопоставляет эти формы с *eŋau, nëke* «другой, второй». Г.Н.Прокофьев подвергает это сопоставление сомнению, мотивируя тем, что чередование звуков *к* и *ӈ*, *с* и *s* в энецком языке не наблюдается, поэтому происхождение *neke<eŋau* «другой» не может считаться сколько-нибудь обоснованным (1, с. 13).

При материальном совпадении числительных от «2» до «7» во всех самодийских языках и от «1» до «7» во всех самодийских языках кроме селькупского, числительные «8» и «9» различаются по характеру осмысления и, следовательно, по словообразовательным приемам. Для числительного «8» имеются две принципиально разные модели: одна для селькупского, другая для остальных самодийских языков. Появление селькупской инновации приходится на время отдельного существования селькупских племен и восходит к древним этапам формирования селькупского этноса. Вторая инновация — числительное «9» — результат внутреннего развития языка. Селькупский язык проявляет логическую последовательность в осмыслении числительных, приближенных к «10», что нашло выражение в идентичности их словообразовательных моделей.

Сокращения: *камас.* — камасинский язык; *караг.* — карагасский язык; *койб.* — койбальский язык; *матор.* — маторский язык; *нган.*— нганасанский язык; *нен.* — ненецкий язык; *селък.* — селькупский язык; *вас.* — васюганский говор; *ел.* — елогуйский говор; *кетВ* — верхнекетский говор; *кетН* — нижнекетский говор; *кетС* — среднекетский говор; *обС* — среднеобские говоры; *турух.* — туруханский говор; *таз.* — тазовский диалект; *тым.* — тымский диалект; *эн.* — энецкий язык; *ОчСЯ* — А.И.Кузнецова, Е.А.Хелимский, Е.В.Грушкина, Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект, Москва, 1980; *Castrén* — материалы

М.А.Кастрена, использованные в работе; *C-L* — Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M.A.Castren und T.Lehtisalo. Herausgegeben von T.Lehtisalo, Helsinki, 1960 (MSFOu 122); *Hel.* — E.Helimsky. The Language of the First Selkup Books Szeged, 1983; *Str.* — Strachlenberg см.: K Donner. Samojedische Worterverzelchnisse. Gesammelt und neu herausgegeben von Kai Donner. Helsinki, 1932 (MSFOu 64).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Прокофьев Г.Н.* Числительные в самодийских языках// Советский Север, 1939, № 4.

2. *Поляков В.А.* Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск: СО, 1987.

3. *Хелимский Е.А.* К исторической диалектологии селькупского языка // Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул, 1985.

4. *Dulson A.* Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhaltnis zu den alten Volkstumsgruppen // СФУ, 1971, VII, № 1.

5. *Donner K.* Samojedische Worterverzeichnisse. Gesammelt und neu herausgegeben von Kai Donner. Helsinki, MSFOu 64, 1932.

6. *Castren M.A., Lehtisalo T.* Samojedische Sprachmaterialien. Gesammelt von M.A. Castren und T.Lehtisalo. Herausgegeben von T.Lehtisalo. Helsinki, MFSOu 122, 1960.

7. *Helimsky E.* The Language of the First Selkup Books. Szeged, 1983.

8. *Морев Ю.А.* К вопросу о развитии лабиализованных согласных в селькупском языке // СФУ, 1975, XI, № 2.

9. *Серебренников Б.А.* Вероятностные обоснования в компаративистике. Москва, 1974.

10. *Морев Ю.А.* Выпадение и вокализация согласных в селькупском языке // СФУ, 1975, XI, № 2.

11. *Хелимский Е.А.* Историческая и описательная диалектология самодийских языков. Автореф. докт. дисс. Тарту, 1988.

12. *Морев Ю.А.* К вопросу о происхождении аффрикат в селькупском языке // СФУ, 1975, XI, № 4.

13. *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

14. *Майтинская К.Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. Москва; 1979.

15. Современный коми язык. Фонетика, лексика, грамматика. Под ред. Проф. В.И.Лыткина. Сыктывкар. 1955.

16. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология мордовских языков. Москва; 1967.

17. *Rédei K.* Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Akademiai Kiado. Budapest, 1986.

18. *Дульзон А.П.* Кетский язык. Томск, изд-во ТГУ, 1968.

19. *Иванов Вяч.Вс.* К типологии числительных первого десятка в языках Евразии // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Ленинград: ЛО, 1977.

20. *Рамстед Г.И.* Введение в алтайское языкознание. Морфология. Москва, 1957.

21. *Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Ленинград: ЛО, 1976.

22. *Castrén M.A.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St.Petersburg, 1855.

23. *Хелимский Е.А.* Древнейшие угорско-самодийские языковые связи. (Анализ некоторых аспектов генетических и ареальных взаимоотношений между уральскими языками). Автореф. дисс. канд. филолог. наук. Тарту, 1979.

24. *Castrén M.A.* Grammatic der samojedischen Sprachen. St.Petersburg., 1854.

25. *Терещенко Н.М.* Нганасанский язык. Ленинград: ЛО, 1979.

26. *Honti L.* Die Bezeichnungen der IO und ihrer Vielfachen in den uralischen Sprachen // СФУ 1990, XXVI, № 2.

27. *Joki A.* Über einige Zahlwörter im Samojedischen // Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Tallin, 1975.

28. *Серебренников. Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Учебное пособие для вузов. Баку, изд-во "МААРИФ", 1979.

29. *Тепляшина Т.И.* Удмуртский язык // Языки народов СССР. Финно-угорские и самодийские языки. Москва: 1966.

30. *Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. Москва: "Советская энциклопедия", 1965.

31. Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки). Москва: 1976.

Valentina Bykonya

HISTORICO-ETYMOLOGICAL INTERPRETATION OF THE WORD-BUILDING MODELS OF THE COMPOUND NUMERALS "8" AND "9" IN THE SELKUP DIALECTS

The article is devoted to the analysis of nominating "eight" and "nine" in the Selkup dialects in comparison with other Samoyedic languages. This problem provokes interest that may be explained by the fact that in scientific literature on Samoyedic languages the Selkup numerals "eight" and "nine" are interpreted as neologisms since the way of their word-construction stands out against the Samoyedic material. A different way of modelling the words, and namely the substratum principle of the formation of the Selkup numerals "8" and "9", the principles of multiplying for the "8", the discriptive principle in nominating the "9" in other Samoyedic languages as well as the similarity of the Selkup models with those of the present-day Yeniseynian languages that is what caused considering the Selkup numerals to be borrowed from the Yeniseynian languages.

To the author's mind the Selkup innovation of the "8" can be traced back to the ancient period of developing the Selkup ethnos. The second innovation — the numeral "9" may be the result of the inner development of the language.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Любовь Абукаева
Йошкар-Ола

О ГЕНЕЗИСЕ ПОДЧИНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В языке помимо специализированных средств выражения грамматических значений существуют и второстепенные. Так, подчинительные отношения могут быть выражены не только при помощи подчинительных союзов и союзных слов, но оттенок подчинения могут придавать высказыванию и лексические единицы, а также морфологические средства. В марийском языке оттенок временного соотношения действий придают высказыванию наречия и частицы. Например, наречия **тунам** 'тогда', тенгече 'вчера' и др. выступают в предложении не только как лексические единицы, но и соотносят одну часть высказывания с другой. Среди морфологических средств особенно ярко подчинительные отношения могут выражать причастные и деепричастные формы глагола, отглагольные существительные, инфинитив, послелоги. Конструкции, образованные при помощи этих средств, В.М.Васильев обозначал как «сокращенные придаточные предложения» (1, с. 75). Вопрос об отнесении причастных и деепричастных конструкций в разряд предикативных частей сложноподчиненного предложения до сих пор остается спорным. Большинство отечественных исследователей марийского языка рассматривают обороты, образованные причастными и деепричастными формами глагола, как конструкции, осложняющие простое предложение (2, с. 75; 3, с. 136; 4, с. 136, 143). Однако некоторые зарубежные исследователи относят их в разряд придаточных частей сложноподчиненных предложений, заменяющих отсутствующие в марийском языке личные придаточные предложения (5, с. 51). Существует и третья точка зрения, высказанная Л.П.Васиковой. Рассматривая главным образом структурные особенности деепричастных конструкций, она утверждает: «В марийском языке предикативная деепричастная конструкция соединяется с предикативными частями сложного предложения без союза (что составляет основное структурное отличие) и находится в отношении гипотаксиса, как опреде-

ляющее к определяемому. Предложения с предикативной деепричастной конструкцией — это особый структурно-семантический разряд в системе бессоюзных сложных предложений» (6, с. 52).

Синонимичность таких конструкций и придаточных частей сложноподчиненных предложений в марийском языке очевидна.

Следует также отметить, что и сочинительные союзы и союзные средства (соединительные союзы **да**, **и**, союзная частица **-ат** и др.) могут оформлять подчинительные отношения (7, с. 44; 8, с. 21). При этом мы имеем дело с подчинением, выраженным при помощи сочинительных союзных средств.

Чем обусловлены такие отношения между вышеназванными конструкциями? Системные взаимосвязи средств выражения подчинительных отношений в современном марийском языке объясняются их историческим родством, генетическими связями. Эту проблему рассматривали в своих работах П.Равила (9), Д.Р.Фокош-Фукс (10), К.Е.Майтинская (11), И.С.Галкин (12). Попытаемся проследить основные тенденции в возникновении и развитии подчинительных отношений в марийском языке, соотношение подчинительных и синонимичных им конструкций в историческом аспекте.

Союзных сложных предложений в прафинно-угорском языке не было. Для выражения сложной мысли в древнемарийском языке использовались причастные, деепричастные, инфинитивные конструкции (12, с. 113), а также «следовавшие друг за другом (без союзов) предложения, оформленные как самостоятельные» (11, с. 384).

Марийский язык, используя все указанные средства выражения подчинительных отношений, располагал и другим способом их выражения — коллокацией, или примыканием простых предложений друг к другу, которая широко используется и в современном марийском языке. Две логически связанные между собой синтаксические единицы, располагаясь рядом, могли вступать в объектные, определительные и различные обстоятельственные подчинительные отношения. При этом значительную роль играло лексическое наполнение предложения и интонация как средство связи таких предложений.

При рассмотрении истории марийского языка исследователи, к сожалению, не располагают данными памятников письменности, которые могли бы достоверно высветить в числе других и проблемы исторического синтаксиса. Трудно строить какие-либо предположения относительно истории синтаксических единиц на материалах, относящихся к периоду XVIII-XIX веков, поскольку старый текстовый материал в основном включает в свой состав перевод религиозной литературы; структура перевода организована под влиянием

языка-оригинала, в частности старославянского, русского языков (13, с. 24-25). Следует также отметить, что специфическое содержание текста, целевые установки, а также уровень знания марийского языка самими переводчиками влияли на качество переводов, поэтому логичным усматривается при изучении синтаксических единиц привлечение диалектологического материала, фольклорных текстов, данных родственных языков и общетеоретических положений лингвистической науки.

Думается, что среди жанров устного народного поэтического творчества более конкретным и достоверным материалом могут стать тексты топонимических и исторических легенд и преданий. Другие жанры (сказки, пословицы, поговорки, былички) являются «кочующими». Их датировка, установление места возникновения, а следовательно, и языковой анализ является весьма сложным. Песенные жанры фольклора также весьма подвижны и изменчивы, особенно это касается частушек, тексты которых «создаются обычно постоянно, поэтому эти произведения чаще всего отражают современное состояние языка» (14, с. 15). Для молитвенных текстов характерна жанровая однородность, и они не могут заменить разножанровые письменные памятники, восходящие к древнемарийскому периоду, хотя, несомненно, и эти тексты могут быть привлечены в качестве источников при реконструкции синтаксических архетипов. На это справедливо указывает Ю.В.Андуганов в своей работе «Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Введение. Субстантивные словосочетания» (14, с. 5). Принимая во внимание эти положения, мы считаем, что материалы топонимических и исторических легенд и преданий могут привлекаться при разысканиях по историческому синтаксису по следующим причинам. Топонимические легенды и предания бытуют, как правило, в определенной местности, поэтому отражают языковые особенности ограниченной территории. Исторические легенды и предания, повествуя о событиях и фактах, имевших место в конкретный исторический момент и на определенной территории, позволяют установить не только географию, но и время возникновения и бытования текста. Учитывая именно эти особенности топонимических и исторических легенд и преданий, на их материале можно проследить оттенки объектных, определительных, обстоятельственных отношений, выраженных посредством примыкания простых предложений друг к другу. Примеры на:

1. Объектные отношения: Удырет пеш патыр лийын. Атяжат пален огыл (15, с. 174) 'Девушка была богатыршей. Даже отец об этом не знал'.

2. Временные отношения: Рушлан пӧртылаш жап шуын. Кутыжа йодын (15, с. 261) 'Русскому пришло время возвращаться домой. Царь спросил'.

3. Отношения цели: Онар деч вара кава гыч Керемет волен. Айдемым тӧрлаташ (15, с. 41) 'После Онара с неба на землю спустился Керемет. Навести порядок среди людей'.

4. Причинно-следственные отношения: Ондак ала-могай чер пижын. Шӱдӧ ен дене коленыт. Вара шужен ий толын. Орланеныт пеш (15, с. 145) 'Сначала напала какая-то болезнь. Люди умирали сотнями. Затем пришел голодный год. Страдали очень'. Иван Грозный лӱдыктен. Марий калык куржын Изи энер дек (15, с. 195) 'Иван Грозный напугал. Марийский народ бежал к Изиэнер'.

Предложения неравноправны, второе предложение не обладает семантической и информационной достаточностью, одно предложение строится для другого. Поэтому такие пары предложений легко трансформируются в сложноподчиненные. Ср.: Кунам рушлан пӧртылаш жап шуын, кутыжа йодын 'Когда русскому пришлось возвращаться домой, царь спросил'. Айдемым тӧрлаташ манын, Онар деч вара кава гыч Керемет волен 'Чтобы навести порядок среди людей, после Онара с неба на землю спустился Керемет'. Ондак ала-могай чер пижын, сандене орланеныт пеш 'Сначала напала какая-то болезнь, поэтому страдали очень'.

Цепное нанизывание предложений является наиболее древним способом выражения подчинительных отношений. Сами подчинительные отношения, значение подчинения не дифференцировались. До возникновения и развития специализированных средств и способов их выражения коллокация выступает как многофункциональная категория.

Однако коллокация, являясь таким универсальным способом выражения подчинительных отношений, в дальнейшем утрачивает свою первоначальную значимость. Человеческое мышление развивалось. Конкретность и точность выражения мысли, уточнение отношений между различными объектами действительности требовали от языка определенных, специальных средств выражения значений и их оттенков. Следуя по пути усовершенствования средств и способов выражения различных отношений, язык дифференцировал средства выражения новых значений, распределял, закреплял за ними новые, уже специализированные средства.

Можно допустить, что первоначально из цепи следующих друг за другом предложений выделились бессоюзные сложные предложения. Язык как бы отделял от всех остальных те предложения, которые имели более тесные смысловые связи.

В лингвистической науке до сих пор продолжаются споры о том, какое из явлений более раннее: бессоюзная или союзная связь предложений. А.М.Пешковский считал, что сочинение древнее подчинения, «как все простое древнее сложного». Бессоюзие, полагал он, древнее в свою очередь и сочинения и подчинения (16, с. 473). Однако известно и высказывание Е.Ф.Корша о том, что бессоюзная связь предложений, на смену которым пришли подчинительные конструкции с относительными местоимениями, — явление более позднее, чем конструкции с сочинительными союзами (17, с. 154).

Что касается марийского языка, очевидно, сочинительная связь возникла позднее бессоюзной. Во-первых, большинство союзов, оформляющих сочинительную связь в марийском языке, заимствовано из других языков (русского, чувашского, татарского). Во-вторых, структура различных типов сложносочиненных предложений марийского языка идентична структуре сложносочиненных предложений соответствующего типа русского языка.

Прозрачная смысловая связь предложений, их четкое построение, твердый порядок расположения частей, интонация объединяли простые предложения в сложные. При этом большое значение имело лексическое наполнение компонентов новой синтаксической конструкции, а более тесную (по сравнению с коллокацией) связь позволяли устанавливать местоименные слова, которые отсылали слушателя от одной части высказывания к другой. При этом семантические связи между предложениями конкретизировались. Например: Курган лийын *туге*: Кӱльмезь патыр йыдалже гыч погынышо рокым почкалтен (15, с. 142) 'Курганы образовались так: богатырь Кюльмезь вытряхивал землю из своих лаптей'. Марий-влак кагазеш возен кертын огытыл: *тунам* кагазшат тугай лийын огыл (15, с. 146) 'Марийцы не писали на бумаге: тогда и бумаги-то такой не было'.

Характер отношения между высказываниями позволял устанавливать строгое расположение частей сложного предложения по отношению друг к другу и соотношение глагольных форм в обоих частях высказывания. Например: Йывансолан «Чыкма» мыскылтыш лӱмжӧ ило. Тудо (Йыван — *Л.А.*) Чыкма могыр гыч шылын толын (15, с.195-196) 'Деревня Йывансола имеет еще про-

звище Чыкма. Он бежал и переселился со стороны Чыкмы (Козьмодемьянска)'. В приведенных примерах семантически зависимая часть находится в препозиции. Эта особенность характерна для большинства сложноподчиненных предложений марийского языка, в особенности для предложений нерасчлененной структуры. Нерасчлененные сложноподчиненные предложения с препозитивной придаточной частью — явление более древнее по сравнению со сложноподчиненными предложениями нерасчлененной структуры, в которых придаточная часть следует за главной, поскольку последние развились в период становления марийского литературного языка под влиянием русского языка и не имеют значительных различий от соответствующего типа сложноподчиненных предложений современного русского языка.

Соотношение глагольных форм частей сложного предложения также определяет характер их семантической связи. Например: Er γəna kən'el tuγ̈lektəm Jum^{a}n üəγ̈r βɣ̈tlan βolaleš Am morgen stand ich auf und ging hinaus — Gottes tochter steigt herab, um wasser zu holen (18, с. 385). Эр гына кынелын тӱтӧ лектым — Вынем кашташ покшымжо чот возын (19, с. 53) 'Утром встала, вышла на улицу — На колодезную жердь лег иней'.

В первом примере речь идет об одновременно происходящих действиях. Глагол лектым, который стоит в первой части бессоюзного сложного предложения, имеет форму прошедшего очевидного времени изъявительного наклонения. Во второй части — волалеш — форму настояще-будущего времени изъявительного наклонения. Содержание данного предложения можно передать при помощи послеложной конструкции: Эр гына кынелын тӱтӧ лекмем годым юмын ӱдыр вӱдлан вола ыле 'Когда рано утром выходила на улицу, дочь бога спускалась за водой'. Конструкция, образованная при посредстве причастной формы глагола и послелога, передает те же отношения одновременности действий.

Во втором примере такая замена невозможна. Действие, о котором говорится в первой части бессоюзного сложного предложения, следует за событием, о котором сообщается во второй. Глагол лектым стоит в форме прошедшего очевидного времени изъявительного наклонения, глагол возын — в форме прошедшего неочевидного времени изъявительного наклонения.

Таким образом, характер синтаксической связи определяет не только простое следование друг за другом предложений, но и соотношение глагольных форм частей сложного предложения.

Бессоюзные сложные предложения наряду с коллокацией отражают один из ранних этапов формирования подчинительных отношений. До возникновения сложноподчиненных предложений сложные мысли в марийском языке выражались не только при помощи причастных, деепричастных, инфинитивных и послеложных конструкций, но и простых, сложноподчиненных, бессоюзных сложных предложений (20, с. 276). Цепное нанизывание предложений, по-видимому, стало основой для формирования предложений с сочинением и подчинением. Процесс формирования сложных предложений, однако, не сводится лишь к объединению простых высказываний в сложные. Последние примеры свидетельствуют, что многие типы сложных предложений могли развиться на основе бессоюзных сложных предложений путем переосмысления в их составе местоименных слов и частиц и развития подчинительных союзов и союзных слов. Старый принцип соединения синтаксических групп и целых предложений (паратаксис) положил основу для развития нового принципа, нового строя предложений со взаимной связью как членов предложений, так и предикативных частей в сложном предложении.

Таким образом, можно проследить исторические взаимосвязи между простыми и сложными и различными типами сложных предложений. Исторически оказывается, что простые предложения, следуя друг за другом, выражали различные типы отношений: дополнительные, определительные, обстоятельственные. Выражение смысловых отношений осуществлялось при помощи суперсегментных средств (порядок следования частей, интонация), соотношения глагольных форм.

В прошлом, очевидно, сочинительные и подчинительные связи были менее дифференцированы. Местоименные слова в начале вводились в предложение как анафорические. Впоследствии они стали многофункциональными и выступали как средства связи главной и придаточной части сложноподчиненного предложения.

В процессе развития и совершенствования языка многозначность ряда средств и способов выражения различных отношений и оттенков значений сужается. Возникают новые формы, более интенсивно используются служебные слова (послелоги), происходит перегруппировка в составе грамматических форм, которыми располагал язык. Несколько синонимичных языковых форм, употреблявшихся ранее без четких различий, распределяли между собой оттенки значений. Язык создавал стройную систему синтаксических связей в предложении.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев В.М.* Записки по грамматике языка народа мари. Материалы для этимологии и синтаксиса. Казань, 1918.

2. *Исанбаев Н.И.* Деепричастия в марийском языке. Йошкар-Ола, 1961.

3. *Валитов Г.Н.* О субъекте деепричастных конструкций в марийском языке // Ученые записки Тартуского государственного ун-та. 1980.

4. *Учаев З.В.* Марий йылме. Теорий. 5-9 классылан учебник. Йошкар-Ола, 1993.

5. *Matsumura K.* Subordinate claus Formed By The me-Participle in Mari // Journal of intercultural Studies. Ekstra Series No. 1. Kansai University of Foreign Studies, 1986.

6. *Васикова Л.П.* Синтаксическая структура деепричастных конструкций в финно-угорских языках // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. М.: Наука, 1990.

7. *Васикова Л.П.* Сложные предложения в современном марийском языке. Часть 1. Йошкар-Ола, 1982.

8. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола, 1961.

9. *Ravila P.* Sentence structure // *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Stockholm, 1960.

10. *Fokos-Fuchs D.R.* Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachwissenschaft. Wiesbaden, 1956.

11. *Майтинская К.Е.* Вопросы сравнительного языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974.

12. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Йошкар-Ола, 1986.

13. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. Йошкар-Ола, 1975.

14. *Андуганов Ю.В.* Историческая грамматика марийского языка. Синтаксис. Часть 1. Введение. Субстантивные словосочетания. Йошкар-Ола, 1991.

15. Марий калык ойпого. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Сост. В.А.Акцорин. Йошкар-Ола, 1991.

16. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.

17. *Георгиева В.Л.* История синтаксических явлений русского языка. М.: Просвещение, 1968.

18. *Wichmann Y.* Volksdihtung und Volksbräuche der tcheremissen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LIX. Helsinki, 1931.

19. Мурлтена мо вара. Сост. Л.А.Александрова. Йошкар-Ола, 1991.

20. *Гордеев Ф.И.* К вопросу о происхождении сложноподчиненных предложений в марийском языке // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Вып. 3. Йошкар-Ола, 1964.

Lyubov Abukayeva

ON THE GENESIS OF SUBORDINATION IN THE MARI LANGUAGE

The system interdependence of the means of expression of subordination in the Mari language may be explained by their historical kinship, by the genetic ties. The author traces those ties on the textual material of toponymic and historical legends and myths. As a rule toponymical legends and myths circulate in a certain area, so they mirror the linguistic perculiarities of a certain territory. Narrating the events which took place at a concrete historical period and on a certain territory the historical legends and traditions make it possible to find out both the location and the time of the text come into existence.

The earliest way of expressing subordination is collocation or, in other words, adjoining of two simple sentences. Being arranged side by side two syntactical units logically connected with each other could enter into objective, attributive and different adverbial subordinate relations. The lexical filling of sentences, intonation as a means of linking sentences and sentence-order played a considerable role in it. The subordinate links themselves, the types of subordination were not differentiated, collocation being a polyfunctional category.

Later on collocation began to lose its original significance. The human thinking kept on developing. The exactness and accuracy of expressing thoughts, more exact definition of relationship between different objects of reality required special linguistic ways of expressing meanings. The language differentiated and regulated those ways of expressing new meanings and made them linguistically fixed.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Елизавета Черных
Ижевск

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕПЕРМСКОГО ЖИЛИЩА
(по материалам поселений I тыс. до н.э. — первой пол. II тыс. н.э.)

Анализ традиционного жилища как исторической категории, в развитии которой находит отражение культурная преемственность, возможен только на основе изучения и обобщения фактического материала. Не случайно оно вызывает всесторонний интерес представителей разных наук — этнологов, социологов, искусствоведов, культурологов и археологов, — использующих свои специфические методы и источники.

Жилище пермских народов (коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов) — издавна населяющих центральные и северные районы Приуралья, — стало объектом изучения сравнительно поздно — с 80-х годов XIX в., хотя некоторые отрывочные сведения о нем можно найти в дневниках путешественников и материалах первых академических экспедиций XIX в. [20, 22, 52, 64]. Трудно переоценить вклад в изучение быта и традиционных построек народов Поволжья и Приуралья в XIX в. ученых и писателей, священников и просто государственных служащих. В работах М.Кастрена [42], А.Риттиха [75], А.И.Герцена [21], В.М.Бехтерева [11], Д.Н.Островского [63], Н.Добротворского [31], Н.Попова [73], Н.Рогова [76], Н.Г.Первухина [65], Г.Е.Верещагина и других энтузиастов собран интереснейший материал по различным типам жилищ и поселений, строительным обычаям и связанным с ними обрядам местных народов. Подвижническая деятельность этих людей, их наблюдения за повседневной жизнью и бытом народа во многом предопределили появление в конце XIX в. специальных работ по истории жилища финно-угорских народов. Несомненно, заслуга первого опыта систематизации и сравнительного анализа жилых построек финно-угров принадлежит членам созданного в Гельсингфорсе в 1883 г. Финно-угорского общества (Suomalais-Ugrilainen Seura) А.Хайкелю и У.Г.Сирелиусу [99, 100].

В 1895 г. в «Этнографическом обозрении» была опубликована работа Н.Н.Харузина, появление которой сам автор объяснял необходимостью довести до русских исследователей замечательный труд А.Хайкеля. «Очерки истории развития жилища у финнов» содержат, пожалуй, единственный в дореволюционной отечественной историографии специальный анализ жилища коми и удмуртов в контексте представленной автором концепции развития современного финно-угорского жилища, которое, по его мнению, является «продуктом долгого постепенного развития финнов, результатом взаимодействия собственного самостоятельного роста финского племени с одной стороны, и влияния на них соседей с другой» [92, с.2]. В отличие от финна А.Хайкеля и русского этнографа И.Н.Смирнова, считавших исходным типом финно-угорского жилища землянку [99, с. XXIII], эволюционировавшую позднее в наземный шалаш («чом»), а от него — в бревенчатую постройку «керку» [85, с.87; 86, с.193], Н.Н.Харузин полагал, что древнейшим прототипом жилища финно-угров являлся конический шалаш. Вывод этот основывался на ошибочном тезисе исследователя, согласно которому все финно-угорские народы в прошлом были кочевниками, вели примитивный образ жизни и не имели постоянных поселений [92, с.3-4].

Тот факт, что именно этнография стала на первых порах основой для изучения древнепермского (да и в целом финно-угорского) жилища, вполне понятен. Известия письменных источников по ранней истории интересующих нас народов крайне скупы и противоречивы, а подлинные остатки самих древних объектов не были известны вовсе. Даже после того, как начались первые раскопки на поселениях Камской «чуди», жилые сооружения на них были выявлены не сразу. В XIX в. археологические исследования поселений ограничивались их выявлением, описанием, снятием планов и лишь небольшими рекогносцировочными раскопками, направленными, главным образом, на выборку из культурного слоя вещественных остатков жизни древних народов. Следы жилых построек и других сооружений оставались при этом вне внимания исследователей. Конечно, были и исключения. Так, еще в 1819 г. советник Пермской Казенной Палаты В.Н.Берх, в поисках легендарной Биармии предпринявший раскопки древних поселений близ сел Искор, Урол и Пянтег, упоминает «битые из глины печи» [10, с. 66-97]. Более совершенной методики раскопок придерживался С.И.Сергеев, изучавший послойно культурные отложения Искорского городища и селища у с. Верх-Боровского и обращавший внимание не только на вещи, но и на остатки древних сооружений [78, с. 25-40]. Но, пожалуй, единственным упоминанием характера жилищ, обнаруженных в ходе археоло-

гических раскопок дореволюционного периода, является описание Ф.Д.Нефедовым землянок на Котловском городище [54, с. 45].

Таким образом, в дооктябрьский период вопросы происхождения и генезиса древнейших типов жилища финно-пермских народов решались преимущественно этнографами на основании изучения современных жилищ. Метод ретроспекции хоть и использовался (например, И.Н.Смирновым, Н.Н.Харузиным), но возможности его были весьма ограничены, прежде всего в силу отсутствия надежной источниковой базы.

Следует отметить, что и в первые годы советской власти эта проблема решалась главным образом в русле этнографических исследований. Но методологический уровень работ значительно вырос. Их отличает детальность анализа различных типов народного жилища и, что крайне важно, обращение к социологическим аспектам. Наиболее полным исследованием по истории удмуртского народного зодчества до наших дней остается работа А.И.Пинг, в которой дано подробное описание и систематизация всех типов построек, встречавшихся на удмуртской усадьбе. Ею высказано предположение о происхождении наиболее архаичных построек типа «куа» от ветрового заслона [67, с. 93-94], позже поддержанное В.Н.Белицер [8, с. 134] и другими исследователями. Но, придерживаясь стадиальной теории Н.Я.Марра и полагая, что формы жилища отражают лишь определенный социально-экономический этап развития человеческого общества, А.И.Пинг, вслед за М.О.Косвеном, древнейшим типом жилья считала амбар-кенос, сохранивший черты, сближающие его с «длинным домом» первобытного коллектива родственников и материнским родом [47, с. 19; 67, с. 86-89].

Особое место среди этнографических работ по праву занимают труды В.Н.Белицер. Ей принадлежит первая попытка типологического исследования жилища народов коми, в основу которого был положен принцип стационарности. Несмотря на то, что автор использовала уже готовую типологию русского жилища, детальный источниковедческий анализ, глубокое знание предмета позволили ей сделать вывод о самостоятельном генезисе некоторых видов планировки жилища коми, а также поставить вопросы его глубоко местных исторических корней [9]. Происхождения и особенностей удмуртского жилища В.Н.Белицер кратко касается в другой своей работе. Рассматривая локальные различия в материальной культуре удмуртов (а эти особенности в приложении к жилищу она видела во внутреннем устройстве: планировка, отопление, убранство дома), автор объясняла их особенностями этнической истории удмуртского народа [8, с. 133-134].

По-настоящему систематический и организованный характер изучения жилища приобретает в 1960-1970-е годы. В это время выходят монографические исследования Л.Н.Жеребцова о народном жилище коми-зырян, целый ряд публикаций по традиционному зодчеству удмуртов. Л.Н.Жеребцов, систематизировав обширный материал, дал типологическую характеристику жилищ Европейского Северо-Востока, определил ареалы отдельных типов жилищ коми [32, 33]. Привлечение письменных источников позволило автору выявить общие для жилища коми тенденции в XVII-XIX вв. Но предложенная им схема ранних этапов развития жилища в наше время имеет лишь историографический интерес.

Попытка дать характеристику общему и особенному в жилищах коми и удмуртов была предпринята эстонским этнологом А.Ю.Петерсоном [66], собравшим в 70-х годах богатый этнографический материал в различных районах проживания удмуртов и коми.

Характерной чертой этого периода можно назвать обращение к проблеме истории народного жилища архитекторов и искусствоведов [30, 48, 97, 98]. Поставив перед собой задачу выявления архитектурно-художественных достоинств народных построек, исследователи не могли не затронуть вопросы истоков того или иного явления в традиционном зодчестве. Пожалуй, впервые в полной мере в этих работах привлекается известный тогда археологический материал. Правда, в предложенной Е.Ф.Шумиловым схеме генезиса древнего жилища (автор следует за уже известной концепцией И.Н.Смирнова — «землянка-полуземлянка-шалаш»), имеются противоречия, очевидные на современном этапе археологического изучения [98, с. 247-248].

В последние годы было положено начало еще одному перспективному направлению в изучении жилища. Речь идет об обращении к семиотическим аспектам, выявлению определенных стереотипов в представлениях народа о наиболее приемлемом типе жилища через его символическую, знаковую функцию [91, 96].

Исходя из вышеизложенного, весь опыт изучения финно-пермского жилища на основе исторических и этнографических материалов свидетельствует о необходимости подведения под накопленную базу прочного фундамента из археологических источников, без учета которых невозможно решать проблемы происхождения и развития его отдельных типов и наиболее важных элементов.

На данный момент археологами Приуралья накоплен значительный фактический материал по поселениям и жилищам эпохи железа, требующий систематизации и интерпретации. В начале эпохи железа (I тыс. до н.э.) часть Северного Приуралья, Прикамье, северные районы Башкирии и частично Среднее Поволжье входили в

культурный ареал, представленный памятниками ананьинской культуры. Несмотря на локальные различия (вполне объяснимые при таком обширном ареале), памятники этой культуры (общности), по мнению исследователей, оставлены населением, говорившим на слабодифференцированных диалектах единого прапермского языка. Дальнейшая смена культур в регионе носила, в основном, плавный поступательный характер. Иноэтничные включения, бесспорно, имели место в различные периоды, но они существенно не меняли этнической карты региона, основное ядро которого всегда составляло автохтонное финно-пермское население. Длительное проживание в сходных природно-климатических условиях, близость хозяйственного уклада и этнической истории, безусловно, послужили теми объединяющими факторами, под воздействием которых сложились общие для этих народов типы традиционного жилища.

Систематическое изучение жилищ ананьинской культуры началось сравнительно недавно. До 1960-х годов о домостроительстве племен раннего железного века Приуралья исследователи могли судить лишь на основании сооружения Конецгорского селища, известного как «длинный» дом родового коллектива [35, с. 200-204]. Предложенная модель надолго закрепилась в научной литературе, а реконструируемый на ее основе уровень социальной организации прикамских обществ, на фоне новых исследований в области социально-экономических отношений в первобытности, мог бы с успехом иллюстрировать положение о заметном отставании лесных племен от их южных соседей. Однако последующие раскопки в Прикамье и Приуралье не подтвердили тезиса о типичности данной формы жилища, пришедшей на смену углубленным жилищам эпохи бронзы [36, с. 208]. Что же касается реконструкции конецгорского жилища, то сохранившиеся (к сожалению, фрагментарно) полевые чертежи и дневники А.В.Збруевой как, впрочем, и новейшие археологические материалы, убеждают в необходимости пересмотра предлагавшейся модели. Есть основания считать, что изученное сооружение не являлось жилым, или, по крайней мере, таким жилищем, каким его видела А.В.Збруева.

Во-первых, размещение сооружения на площадке не характерно для планировки прикамских поселений этого времени. Впадина его как бы прорезает мыс, рассекая его на две части, при этом контуры углубления имеют слегка изогнутую форму наподобие рвов простейших мысовых городищ [36, рис. 27]. Любопытно, что на последнее обстоятельство более 20 лет назад обратил внимание Л.П.Гуссаковский. В рукописях исследователя сохранилась запись, где он, анализируя особенности данного памятника, находит ему аналоги среди...

культовых сооружений Приднепровья [29]. Но в то время еще не были известны подобные же материалы в Прикамье. Исследованиями пермских археологов установлено, что в поздний период на ананьинских поселениях возникают своеобразные культовые сооружения в виде глубоких траншей. В заполнении канав обнаружены очаги, большое количество углей и золы, скопления сырых и пережженных костей, бытовые вещи, захоронения людей и животных [14, с. 145-146]. Подобные комплексы известны и в последующий период — на гляденовских городищах. Тем не менее, следует отдать должное проницательности исследователей 1930-х годов. Не располагая подлинными остатками жилищ, они все же пришли к важному выводу, а именно: жилищем ананьинцев была не землянка, как это считалось прежде, а наземный дом [34, с. 87; 74, с. 42].

В настоящее время жилища ананьинской культуры изучены почти во всем ее ареале: в Вычегодском крае, Верхнем и Нижнем Прикамье, в бассейне Вятки, на Нижней Каме и в Поволжье (рис. 1). Возросший методологический уровень исследований, раскопки поселений большими площадями значительно расширили круг источников, позволяющих определить не только направление эволюции домостроительства на всем протяжении существования культуры, но и особенности, локальные различия построек, неизбежные на столь обширной территории. Жилища изучены как на временных сезонных поселениях, так и на поселениях, функционировавших в течение длительного времени. Подавляющее большинство жилищ имеют слабоуглубленное в грунт (0,2-0,3 м) основание, прямоугольную форму, выступы в торцевой стене, визирующие место входа. Выступы имеют довольно архаичный облик. Как представляется, это своеобразный рудимент прежних соединительных коридоров в многокамерных домах энеолита-бронзы.

Учитывая, что основания раннеананьинских жилищ нередко впущены в котлованы полуземлянок предшествующего времени (Заюрчимское I, Еловское I поселения), а также преемственность материальной культуры памятников обеих эпох, в стремлении строителей вывести стены построек на поверхность следует видеть реальное проявление тенденции к «вырастанию» дома из земли.

Многокамерные дома для Прикамья нехарактерны, хотя в некоторых постройках и можно допустить наличие нескольких отделений. На это указывают ряд столбовых ям, которые могли остаться от перегородки, делившей дом на два отделения (как, например, в жилище 2а Заюрчимского I поселения): дальнее от входа — с очагом в центре и нарами для сна и ближе — неотапливаемое (рис. 2-Г).

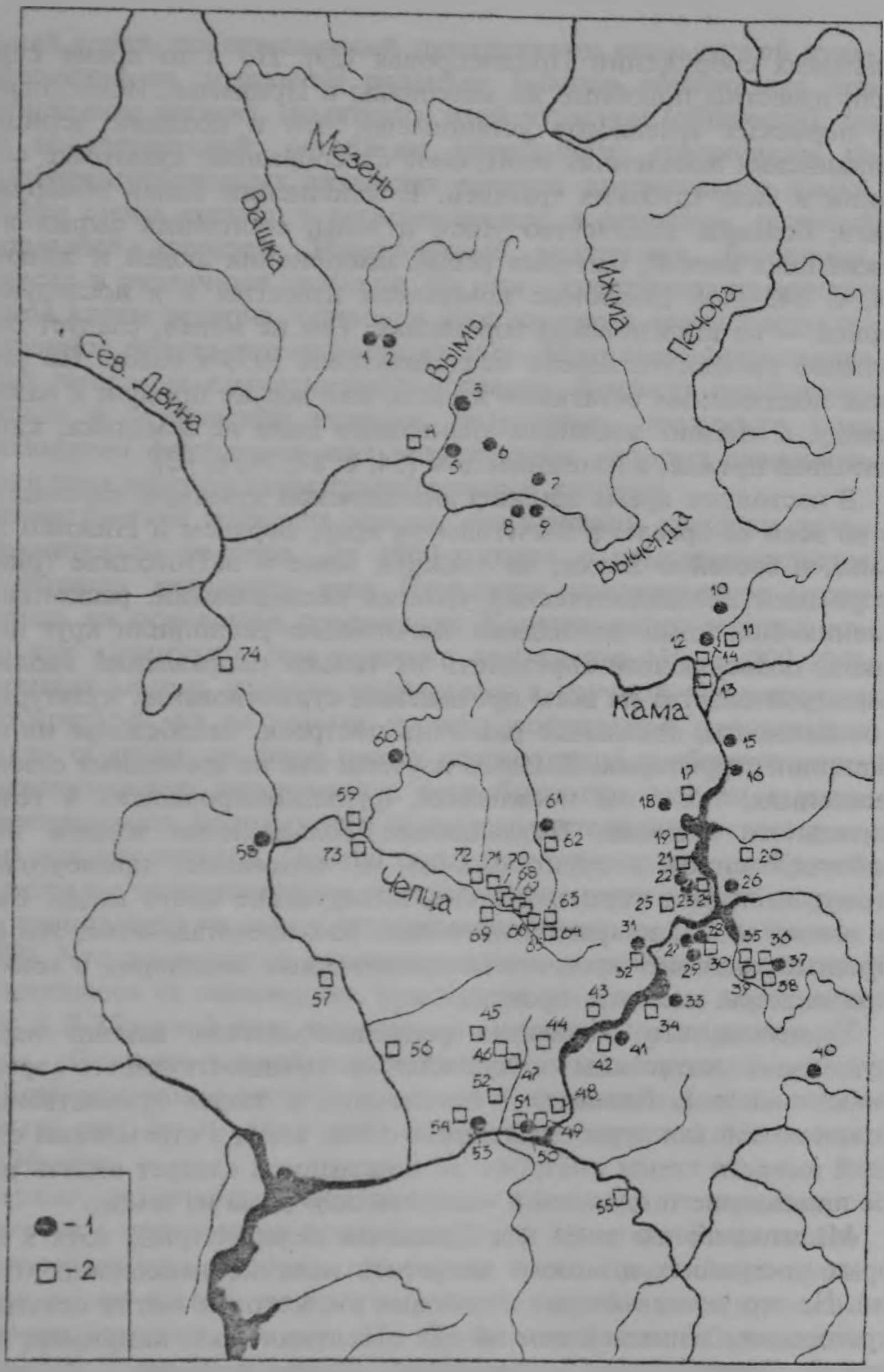

Мезень
Вашка
Сев. Двина
Вымь
Ижма
Печора
Вычегда
Кама
Чепца
1 - 1
2 - 2

Рис. 1.

Рис. 1. *Карта поселений Приуралья раннего железного века — средневековья с остатками исследованных жилищ*: 1 — городище, 2 — селище: 1. Усогорск III, поселение; 2. Чойновты V, поселение;3. Жигановское поселение; 4. Карыбъывское городище; 5. Ягу-Яр, поселение; 6. Висское II поселение; 7. Борганьёль, поселение: 8, 9. Шойнаты II, VI, поселения; 10. Васюковское II поселение; 11. Искорское городище; 12. Корнинское городище; 13. Петуховское городище; 14. Покчинское селище; 15. Пеняхинское селище; 16. Чашкинское II селище; 17. Родановo городище; 18. Вакинское селище; 19. Кыласово городище; 20.Лаврятское городище; 21. Назаровское городище; 22. Зародятское селище; 23. Коновалятское селище; 24. Опутятское городище; 25. Черновское I городище; 26. Конецгорское селище; 27. Заюрчимское VI селище; 28. Заюрчимское I поселение: 29. Половинное I поселение; 30. Федотовское городище; 31. Камский Бор II, поселение; 32. Горюхалихинское городище; 33. Гремячанское поселение; 34. Осинское городище; 35. Елкинское городище; 36. Верх-Саинское I городище; 37. Бартымское I селище; 38. Лобач. городище; 39. Подкаменное городище; 40. Рахмангулово поселение; 41. Еловское I селище; 42. Калиновское городище; 43. Верхне-Рождественское городище; 44. Сосновское городище; 45. Пек-Жикья, городище; 46. Постольское городище; 47. Чужъяловское городище; 48. Кухтинское городище; 49. Чеганда I, городище; 50. Быргындинское IV поселение; 51. Зуево-Ключевское I городище; 52. Кузебаевское I городище; 53. Икское IV селище; 54. Верхне-Утчанское городище; 55. Казакларовское I городище; 56. Аргыжское городище; 57. Буйское городище; 58. Искра, поселение; 59. Никульчинское городище; 60. Грехневское поселение; 61. Русиновское II селище; 62. Шудьякар, городище; 63. Варнинское II городище; 64. Варнинское I городище; 65. Поломское II городище; 66. Поломское I городище; 67. Гурьякар, городище; 68. Весьякар, городище; 69. Маловенижский Поркар городище; 70. Иднакар; 71. Донлыкар; 72. Кушманское городище; 73. Кривоборское городище; 74. Подгорбуновское городище.

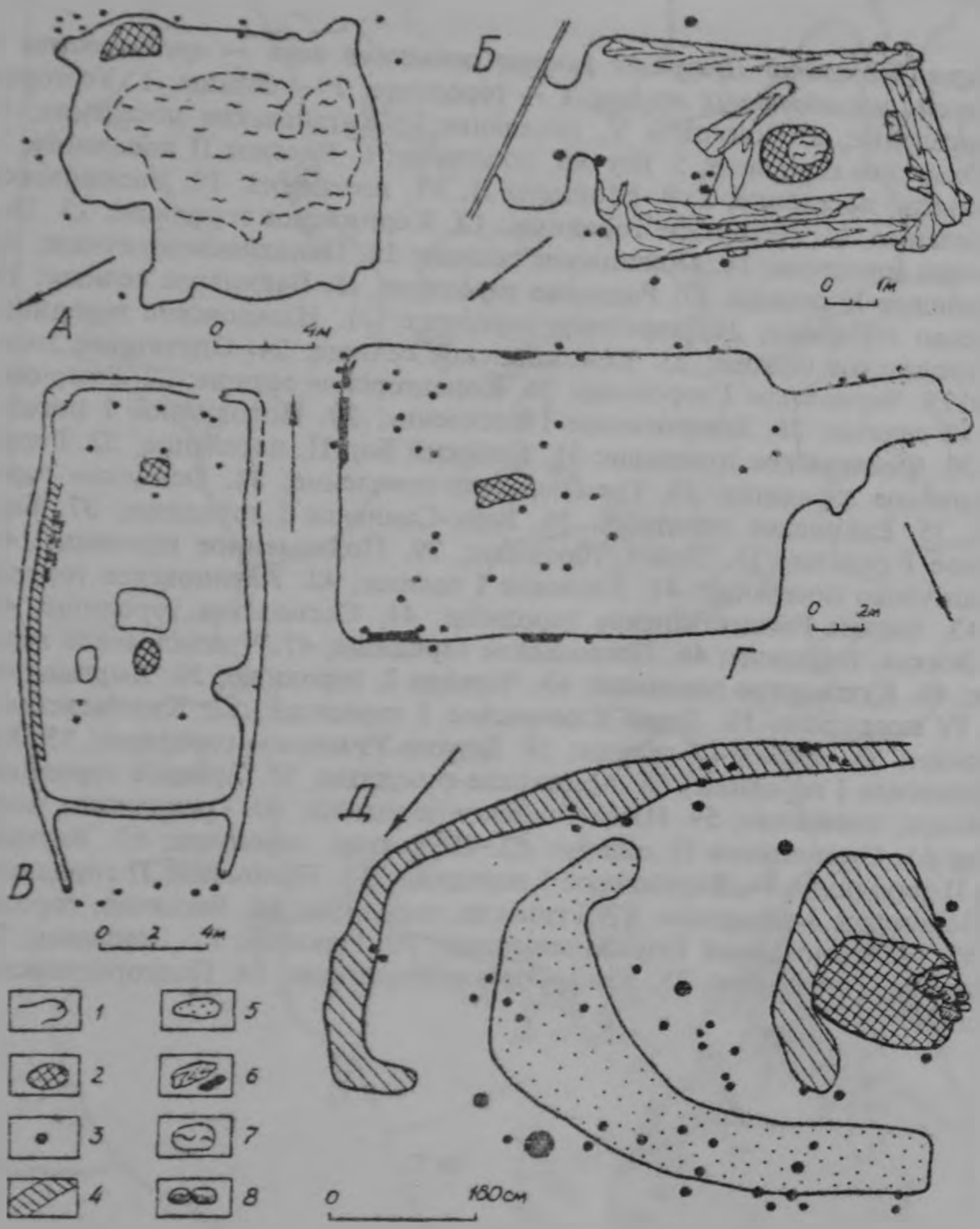

Рис. 2.

Жилища Прикамья. А — Заюрчимское VI поселение; Б — Аргыжское городище; В — Федотовское городище; Г — Заюрчимское I поселение;Д — Чужъяловское городище.

Условные обозначения: 1 — границы сооружений; 2 — очаги; 3 — столбовые ямы; 4 — сырая глина: 5 — песок; 6 — древесный тлен и обугленное дерево; 7 — зола; 8 — камни.

Последнее могло использоваться в холодное время для содержания скота, что широко практиковалось в этот период и позднее в европейских культурах. В то же время можно отметить появление камерности в результате «сращивания» двух функционально различных построек — жилой и хозяйственной (рис. 2-А). Таковыми могли быть, на наш взгляд, жилища Г-образной и Т-образной формы (по классификации С.Н.Коренюка — 44, с. 83). Для внутренней планировки домов общие черты следует видеть в многоочажности. Открытые очаги-кострища располагались, главным образом, по длинной оси жилого помещения. Для северных районов более характерны обычные кострища, для южных — очаги на глинобитных основаниях, обкладка из галечника или крупных камней. Размеры жилищ — самые разнообразные, но все же некоторые закономерности выделить можно. Так, в таежной зоне Прикамья преобладали жилища площадью 80-100 кв. м., на Нижней Каме и Вятке — 40-80 кв. М.

В конструкции стен использовались и столбовая и срубная техники. Причем, как показывают результаты картографирования, различные варианты столбовой конструкции, по всей видимости, более характерны для поселений таежной зоны; в зоне смешанных лесов в домостроительной технике чаще использовался сруб. Знакомство ананьинцев с техникой рубки «в угол» документируется раскопками жилища 9 Аргыжского городища (рис. 2-Б). Фактов, позволяющих говорить об использовании сруба как жесткой конструкции на поселениях таежного Прикамья в рассматриваемую эпоху, пока недостаточно. В северных районах стены жилищ, использовавшихся для проживания в зимнее время, складывались, надо думать, из нетолстых бревен и крепились в углах (а иногда и вдоль стен) вертикальными столбами-подпорками, в силу чего стены не могли быть очень высокими, необходимая высота достигалась устройством шалашевидного покрытия. Характерно, что этот вариант реконструкции весьма близок той примитивной постройке (нечто среднее между шалашом и низкостенным срубом), в которой этнографы видели переходный тип в эволюции финно-угорского жилища [92, с. 16-17; 9, с. 219]. С.Н.Коренюк допускает также использование пазовой техники, при которой горизонтально уложенные бревна крепились в пазы вертикально поставленных столбов [44, с. 84].

Жилища конца I тыс. до н.э. — начала новой эры достаточно хорошо известны в литературе, благодаря публикациям О.Н.Бадера и В.А.Оборина [5], В.Ф.Генинга [17, 18, 19], Ю.А.Полякова [68]. Материалы раскопок городищ Чеганда I, Кухтинского, Осинского, Федотовского, селищ Скородум, Барановского характеризуют не только отдельные особенности жилищ рубежа н.э., но и дают необходимые

факты для исторических реконструкций. Жилые постройки, по всей видимости, окончательно выводятся на поверхность. Наземный дом становится господствующим типом в Прикамье. В целом же, в пьяноборско-гляденовскую эпоху конструктивные особенности жилищ предшествующего времени находят свое дальнейшее развитие. Изменения затрагивают, главным образом, внутреннюю организацию жилища. Плановая структура его приобретает стабильность, характеризующуюся сочетанием одного-двух очагов на глинобитном основании и ямы-кладовки в центре. Возможно, в это же время в Верхнем Прикамье появляется традиция устраивать при входе обширный тамбур, занимавший торец постройки. В федотовских жилищах, по мнению В.Ф.Генинга, тамбур был образован выпуском бревен длинных боковых стен. Но в таком случае непонятным становится присутствие дренажной канавки внутри дома. Перегораживавшая основание и делившая постройку на два помещения — жилое и входной тамбур (рис. 2-В), она достаточно очевидно указывает на наличие двух самостоятельных построек. Скорее всего, тамбур на первых порах был легкой шалашевидной постройкой, примыкавшей к стене дома, как это засвидетельствовано в этнографии коми-пермяков [76, с.112].

Следует пересмотреть и некоторые детали реконструкции чеганского дома [18, с.21. Рис.5]. Перекрытие дома — двухскатное, на четырех рядах столбов-подпорок —выглядит чересчур громоздким. Думается, древние зодчие были более рациональны в подходе к строительству. По мнению В.Ф.Генинга, сруб, составлявший основу дома, состоял из 7-8 венцов. Такой сруб вполне мог служить несущим в системе перекрытий. Фронтон дома при этом выполнялся из самцов-бревен, в края которых врубались слеги. Этот прием экономичен, прост в техническом исполнении и известен многим народам Восточной Европы, в том числе и пермским, с глубокой древности.

Дальнейшая эволюция конструктивного и планировочного решения дома на рассматриваемой территории проходит, как следует из археологических материалов, в русле тенденций, наметившихся в предшествующую эпоху, но с учетом конкретной политической и этнической ситуации, сложившейся в различных районах Приуралья в середине I тыс. н.э. Изменение культурной ситуации в это время исследователи связывают с появлением в регионе новых групп населения, при участии которых складываются новые археологические культуры — ванвиздинская на Европейском Северо-Востоке, ломоватовская в Верхнем Прикамье, поломская на р.Чепце, неволинская в Сылвинском бассейне, верхнеутчанская — в Прикамской Удмуртии, еманаевская — в бассейне Вятки [25, с. 14-23].

На поселениях ванвиздинской культуры, несмотря на широкий размах работ, осуществляемых археологами Коми республики, остатки жилищ крайне немногочисленны и малоинформативны — очевидно, сказались естественно-географические и экономические условия региона. В вычегодско-печорском ареале культуры основным типом жилища являлся наземный дом. Основными признаками для его выделения служат либо контуры зольного слоя, образовавшегося в результате частого переноса очагов внутри жилища, как это было зафиксировано на поселении Вис II [12, с.137-139], либо остатки крупных кострищ с мощным слоем утля и прокала, вблизи которых залегала основная масса находок — на поселениях Шойнаты II, VI, Усогорск III, Чойновты V [45, с.54; 46, с.93; 53, с.89-90].

Совершенно иной тип жилища выявлен в западном ареале культуры. На Подгорбуновском городище на р.Юг Л.Д.Макаровым были раскопаны пять полуземлянок прямоугольной формы, размерами 2,75-3,3 × 3,2-6,0 м. Остатки построек VIII-IX вв. располагались двумя параллельными рядами вдоль западного края площади городища, наклонная поверхность которой при строительстве выравнивалась. В результате полы жилищ западного ряда оказались врезанными в склон, а высота земляных стенок достигала 0,6 м. Котлованы жилищ восточного ряда имели глубину 0,5-0,55 м. Очаги — открытые кострища занимали центральное положение в постройке. Вдоль стен устраивались деревянные нары для сна, в одном из углов находилась небольшая хозяйственная яма. Очевидно, верхняя часть стен полуземлянок представляла собой невысокий сруб, служивший опорой для двухскатной или шатровой кровли [51, с.69-73].

В таежной зоне Прикамья наиболее ранние жилые комплексы, датируемые IV-VI вв., исследованы и на городищах, и на селищах. В их конструкции и планировочном решении находит отражение, как представляется, тесная связь между формами хозяйственной деятельности населения и функциональным назначением поселений и жилищ. Первые исследователи Опутятского городища высказали предположение, что т.н. харинские городища не являлись местами постоянных поселений [4, с.72; 16, с.115-123]. Позднее, в обобщающей публикации, В.Ф.Генинг определяет данное городище как крупный центр, приспособленный для производственной и бытовой деятельности населения, обитавшего в бассейне р.М.Туй [19, с.132-133]. Этим задачам была подчинена планировка поселка, его функциональное зонирование. Жилища и хозяйственные постройки занимали южную половину городища. С остатками наземных жилищ автор вполне обоснованно связывает комплексы, включавшие про-

калы (до 1,5м в диаметре) от очагов и хозяйственные ямы правильной прямоугольной формы размерами 1,4-1,8 × 1,0-1,4 × 1,0-1,2 м. Ямы имели деревянную обшивку, а очаги — дополнительные наземные конструкции, возможно, ограждения из камней песчаника. Любопытно, что очаг и яма в каждом комплексе (за исключением комплексов K и N) располагались на одной оси, перпендикулярной склону. Если допустить, что эта ось являлась одновременно продольной осью построек, то они в таком случае оказываются ориентированными торцовыми стенками на СВ и ЮЗ, к центру площадки и ее краю.

Аналогичная планировка наблюдается на Черновском I и Горюхалихинском городищах, культурная принадлежность которых до сегодняшнего дня остается дискуссионной. На Черновском I городище в 1960 г. В.А.Обориным, в мысовой части площадки, открыты жилые комплексы в виде глинобитных площадок с очагом и хозяйственной ямой [57, с.95-99]. В 1983 г. Н.В.Соболева исследовала еще три подобных комплекса [87, с.177-178]. Глинобитные площадки, несомненно, представляли собой глиняные полы наземных жилищ, располагавшихся в ряд, вдоль края мыса. Жилище 1960 г. реконструируется как прямоугольная постройка, размерами 6,0 × 4,8 м. Основу стен составляли столбы диаметром 8-15 см, установленные попарно на расстоянии 1-1,5 м. Свободное пространство между стенами и вымосткой пола занимали деревянные нары шириной 1,5-2,0 м. При таком устройстве очаг и хозяйственная яма занимали в помещении центральное место. Границы построек, раскопанных в 1983 г., в грунте не фиксировались. Столбовые ямы отсутствовали, что позволяет допустить наземную бревенчатую конструкцию. Очаг и яма в помещении располагались на одной оси (как это уже отмечалось на Опутятском городище), ориентированной с востока на запад. При достаточно плотном расположении глинобитных вымосток относительно друг друга (3-4 м) вероятные размеры дома могли быть в длину 6 м, а шириной — не более 5 м. Вход, очевидно, находился в западной торцовой стене дома, обращенной к центру площади. Материалы раскопок Горюхалихинского городища до сих пор не опубликованы, но есть основания предполагать наличие на его площадке подобных же комплексов [69, с.125-126].

Жилища, исследованные на селищах, весьма своеобразны. Небольшие по площади селища располагались в пойме или на низком пологом склоне надпойменной террасы. Раскопками на Коновлятском селище изучены жилища каркасно-столбовой конструкции, с открытым кострищем и ямой для хранения продуктов [68, с. 207-218;

24, с.80, рис.12], близкие летним кухням хантов, — пирамидальным сооружением с шестью опорными столбами и округло-четырехугольным основанием, — служившим прежде сезонным жильем [88, с. 216].

На Русиновском II селище изучена небольшая усадьба с жилищем и расположенными рядом погребом и ямой-кладовкой [27, с.16. Табл.3]. Небольшая площадь постройки (около 15м^2), столбовая конструкция стен, очаг, устроенный перед входом в жилое помещение, — признаки такой постройки. В таком доме могла жить семья из 5-7 человек, выделявшаяся на определенное время (например, на период заготовки кормов) в самостоятельную производственную единицу. Аналогии подобным сооружениям известны в традиционном хозяйстве коми [32, с.70, 88; 43, с.34-51], а также обских угров [88, с.214].

Среди селищ ломоватовской культуры изучены и долговременные поселки с постоянными прочными жилищами. Так, на Зародятском селище раскопаны остатки не менее 6 жилищ бревенчатой конструкции [17, рис.10]. В их конструкции, по мнению исследователей, наиболее ярко проявляется местная линия в домостроительной культуре [6, с.23]. Преемственность с предшествующими гляденовскими жилищами прослеживается в наземной бревенчатой конструкции стен, оконтуренных по периметру дренажными канавками, форме построек, устойчивом сочетании в интерьере очагов открытого типа и хозяйственных ям, в устройстве очагов и ям.

Учитывая эти особенности, представляется обоснованным включение в общую линию генезиса прикамского жилища и жилищ Опутятского, Черновского I и Горюхалихинского городищ. В свою очередь, дальнейшее развитие гляденовских традиций можно видеть в более поздних ломоватовских жилищах Зародятского селища, Назаровского и нижнего слоя Лаврятского городищ.

На Назаровском городище, крупнейшем в своей территориальной группе (устье р.Очер) и, несомненно, бывшем племенным центром, в ходе раскопок остатки жилищ не были обнаружены. Но упоминавшиеся исследователем глинобитные площадки [71, с.196-197] заставили обратить более пристальное внимание на планиграфию сооружений городища. В отчете Ю.А.Полякова за 1977 г. интересующие нас площадки обожженной глины располагались в ряд, параллельно валу. На одной из них, прямоугольной в плане, размерами 4,8 × 1,0 м, находились два очага [70, с.9]. Севернее площадок обнаружен еще один ряд сооружений, включавших зольники, мощностью слоя 10 см и размерами в плане 4 × 4 и 5,8 × 2,8 м. С зольниками соотносятся глинобитные очаги диаметром 1,0-1,5 м и ямы-

кладовки, размерами 1,85-2,1 × 1,3-1,4 × 0,65-0,9 м. Эти остатки могли быть сохранившимися частями полов прямоугольных жилищ, располагавшихся двумя рядами вдоль восточного склона городища. Такая планировка уже отмечалась выше как характерная.

Лаврятское жилище во многих своих чертах напоминало жилища Зародятского селища. Его основание прямоугольной формы было выделено канавками шириной 30-35 см. Внутри периметра находились глинобитный очаг и яма-кладовка [55, с. 109-110].

Материалы раннесредневековых поселений Верхнего Прикамья дают первые свидетельства усадебной застройки. Группы из 3-4 жилищ и размещенных рядом хозяйственных построек выделяются на Опутятском городище [93, с. 13]. Обособленные дворы с жилыми и хозяйственными постройками, принадлежавшие большим патриархальным семьям, ведшим самостоятельное хозяйство, отмечены на Зародятском селище [24, с. 165].

Материалы по жилищам VI-IX вв. в бассейне Чепцы опубликованы В.А.Семеновым. В общих чертах это были наземные срубные постройки, без фундамента, с двухскатной крышей и входом-крыльцом вблизи одного из углов длинной стены. Пол чаще устраивался из смеси глины и песка или гравия [79, с. 150-151]. Единство домостроительной традиции наблюдается во внутреннем устройстве, обязательным атрибутом которого был очаг, хозяйственная яма и нары. Автор указывает на общность черт с домостроительством пьяноборской эпохи, но в то же время отмечает своеобразие поломского жилища. Это своеобразие, по мнению исследователя, обусловлено влиянием иных, хотя и близких по происхождению, этнических групп, в первую очередь азелинских [81, с. 25-26]. Но на сегодняшний день на Вятке не известны жилищные комплексы первой половины I тыс. н.э. Л.И.Ашихминой исследованы жилища середины - третьей четверти I тыс. на Буйском городище [3, с. 155-156], но имеющихся фактов все же недостаточно для конкретных выводов.

Первые сведения о жилищах неволинской культуры V-IX вв. появились в литературе в конце 1950-х годов [17, с. 211; 58, с. 206]. Но начало их систематическому выявлению и изучению было положено широкомасштабными раскопками Камско-Вятской археологической экспедиции, проводимыми в бассейне Сылвы с конца 1970-х годов. К настоящему времени арсенал исследователей насчитывает около трех десятков жилых построек различной сохранности с четырех городищ (Верх-Саинское I, Елкинское, Лобач и Подкаменное) и

двух селищ (Бартымское I, Кишертское I*). Наиболее результативными оказались исследования Верх-Саинского I городища, раскопанного почти полностью** , и Бартымского I селища, где вскрыты остатки нескольких усадеб.

Материалы раскопок свидетельствуют о большом разнообразии жилищ неволинского населения. На Верх-Саинском I городище и Бартымском I селище изучены полуземлянки и жилища со слегка углубленным основанием [15, с. 45, 47]. Они имели, за небольшим исключением, квадратную в плане форму и небольшую площадь — 10-20 кв.м Котлованы полуземлянок опущены в грунт на 0,4-1,0 м. Внутреннее устройство тех и других однотипно. Помещения отапливались очагами-каменками, занимавшими один из углов, чаще южный. Размеры очагов 0,6-0,7 × 0,75-0,93 м, сложены они из камней насухо, почти вплотную к стенкам. В тех случаях, когда можно определить местоположение входа (по характерным выступам в стене или вырезанным в грунте ступеням), очаг находился либо справа от него, либо — у противоположной стены. Лишь в двух жилищах-полуземлянках прослежены в стене материковые выступы шириной до 1,5 м, которые могли быть использованы в качестве лежанок. В остальных для отдыха, очевидно, использовались постеленные на пол ветки или шкуры животных. Отсутствие правильной геометрической формы у большинства полуземлянок, а также устройство очагов вплотную к земляным стенкам котлованов служат доказательством, на наш взгляд, отсутствия у них деревянной облицовки. Следы перекрытий не сохранились. В данной ситуации возможен вариант устройства шатрового перекрытия без центрального столба, посредством парного соединения наклонных бревен, количество которых могло быть различным — от 4 до 12. Нижними концами они упирались в бревенчатую раму, устанавливающуюся по верхнему срезу котлована. Остов покрывался жердями, корой и присыпался землей. Подобные перекрытия широко бытовали у обских угров [88, с. 198], так устраивали зимнее жилище кеты [72, с. 146]. В близких северо-восточных районах Башкирии еще в начале XX в. встречались полуземлянки, края которых были укреплены рамой, рубленой из двух-трех рядов бревен, присыпанных снаружи дерном [94, с. 42-46].

---

* Кишертское I поселение — памятник многослойный, поэтому культурная принадлежность наземного столбового жилища не совсем ясна.

** Пользуясь случаем, искренне благодарю своего научного руководителя Р.Д.Голдину за предоставленную мне возможность использовать в работе материалы раскопанных ею поселений и постоянную помощь в работе.

Среди прямоугольных построек по степени углубленности выделяются два вида — со слабоуглубленным основанием и полуземляночные. Примечательно, что преобладающая часть таких жилищ была изучена на городищах с крутым наклоном поверхности (Лобач, Елкинское). Для нивелировки пола в таких условиях приходилось срезать поверхность, в результате чего одна из стен оказывалась врезанной в склон на 0,25-0,45 м. В этом случае различия между сооружениями наземного и полуподземного типа становятся достаточно условными, что и подтверждает анализ остальных элементов дома. Лишь две прямоугольных полуземлянки изучены на горизонтальной плоскости Верх-Саинского I городища (№ 6, 18). Плановая схема их ничем не отличалась от квадратных полуземлянок. Прямоугольные дома с остальных поселений различались как размерами, так и конструкцией и планировкой. Елкинские жилища небольшие по площади — 10-20 кв.м — отапливались угловыми или пристенными очагами. Вход находился в одной из длинных стен, близ одного из углов [15, с. 42]. Стены построек были рублены из бревен. Жилища городищ Лобач и Подкаменное отличались большими размерами — 20-40 кв. м. Отопительные устройства — глинобитные очаги и очаги-каменки — размещались в углу, справа от входа или в центре. На городище Лобач в интерьер дома, как правило, включались еще и хозяйственные ямы. На подкаменном городище постройка была срубной, с тамбуром-входом в торцовой стене [23, с.62]. На Лобаче отмечены обе техники (срубная, столбовая).

Необычны для рассматриваемого региона сооружения округлой формы. Одна такая постройка изучена на Верх-Саинском I городище, одна — на Бартымском I селище. Обе имели котлованы глубиной 0,45-0,7 м, диаметром 4-5 м. Для отопления использовались открытые кострища, слегка смещенные от центра к стене. В Верх-саинской постройке по периметру стен отмечены нешироккие уступы, которые могли использоваться для сидения, но никак не для сна. Остов сооружений мог быть каркасно-столбовым. Каркас покрывался тонкими жердями, ветками, «тисками» сшитыми из кусков коры или бересты (в засыпи котлована были обнаружены обожженные куски коры толщиной 20-40 мм) и присыпался землей. Рассматриваемые сооружения вряд ли были временными или промысловыми. Примечательно их место в планировочной структуре поселений. На Верх-Саинском I городище сооружение 12 являлось композиционным центром жилой застройки. На Бартыме круглая постройка находилась в стороне от основного комплекса жилых и хозяйственных сооружений, но рядом с ней обнаружено одновре-

менное поселку кладбище [26, рис. 2]. Возможно, данные сооружения выполняли общественную функцию. Следует заметить, что у многих народов круглую форму имели те постройки, назначение которых было связано с более консервативной и устойчивой стороной жизни племени — дома шаманов, вождей.

В южных районах Прикамья жилища середины — второй половины I тыс. н.э. представлены несколькими типами. Наиболее многочисленны и разнообразны наземные постройки. Они изучены на Сосновском, Постольском, Чужьяловском, Казакларовском городищах [37, с. 116-119]. Выделяются постройки больших размеров (100-120 кв. м) и небольшие дома площадью 30-40 кв. м. «Большие» дома изучены на Сосновском и Постольском городищах. Это были прямоугольные сооружения. Основу стен составлял сруб, поставленный без фундамента прямо на выровненную поверхность. Вход располагался в южной торцовой стене. Как и чегандинские, эти дома не имели при входе тамбура или крыльца. Плановая схема определяется центральным положением одного-двух очагов с каменной обкладкой, несколькими невыразительными хозяйственными ямами и нарами-лежанками вдоль стен. С интерпретацией данных построек как рядовых жилищ не позволяет согласиться ряд обстоятельств. В первую очередь, это размеры дома. В Прикамье в I тыс. н.э. дома, превышающие по площади 80 кв.м, — уже большая редкость. Во-вторых, требует пояснения наличие значительного свободного пространства в доме. Так, в сосновском жилище между очагом и западной стеной здания свободная площадь составляла около 13х5 м, а в постольском — 11х4м. Для древнего жилища такое нерациональное использование жилой площади представляется сомнительным. Думаю, что данные сооружения можно трактовать как общественные дома, присутствие которых достаточно характерно для поселений позднепервобытной общины. Оба дома при этом занимали на площади поселений центральное, или близкое к центральному, место. По обе стороны от них, вдоль склонов, располагались комплексы из очагов, хозяйственных и столбовых ям [60, рис. 2]. Характер этих комплексов во многом напоминает жилые объекты Опутятского городища. Возможно, и здесь в них можно видеть остатки наземных жилищ, верхние части которых были полностью разрушены. Несомненно одно — композиционная структура поселков на Сосновском и Постольском городищах имела очевидное сходство. Центром застройки, ее архитектурным акцентом служил «большой» дом. Вокруг него стояли жилища меньшей площади и более легкой конструкции — дома отдельных семей. Размеры таких жилищ могли составлять 30-40 кв.м, как это было зафиксировано на одновременном Чужья-

ловском городище [61, с. 74]. Изученные на нем остатки принадлежали наземным жилищам несколько иной конструкции. Пол в рассматриваемых конструкциях был земляной, но иногда подсыпался, как в более поздних поломских, смесью из песка и глины. В центре устраивался очаг на глиняной подушке, облицованной камнями. Рядом с очагом иногда находилась яма, использовавшаяся как выгребная, либо для хранения продуктов. О характере стен позволяют судить некоторые косвенные данные — это полосы глины шириной 20-30 см и толщиной 10-15 см по периметру сооружений, а также регулярно чередующиеся следы столбовых ям, расположенных попарно, на расстоянии 1,5-2,0 м (рис. 2-Д). При публикации материалов глина была интерпретирована как своеобразный изолятор под стены жилищ. Но в таком случае непонятна функция парных столбов под стенами. Думается, здесь возможен вариант с плетневой конструкцией, глина при этом служила для обмазывания каркаса, но могла использоваться и для утепления (завалинка в основании стен). Плетни как фрагменты стен хозяйственных построек до последнего времени еще встречались в южных районах Удмуртии [97, с. 221]. Можно предположить и такой вариант реконструкции стен, как закладывание тонких бревен или жердей между парами врытых в землю стоек. Этот прием был известен в лесной зоне Восточной Европы и рассматривается как один из наиболее архаичных [95, с. 136].

Во второй половине I тыс. н.э. в южной и юго-восточной частях рассматриваемого региона появляются жилища полуземляночного типа. Их рассмотрение, судя по материалу, связано с различными культурными традициями. Полуземлянка, исследованная Т.И.Останиной на Кузебаевском I городище [62, с. 66-67], имела квадратную в плане форму со стенами длиной 6,6 м. Вдоль стен котлована сохранились ленты углистого слоя — следы сгоревших бревенчатых стен. Очаг, оборудованный на глиняной подушке, был устроен в центре помещения. Морфологические особенности, равно как и обломки именьковской керамики в жилище, позволяют видеть в носителях данной традиции именьковские племена Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. Сложнее вопрос об этнической принадлежности племен, оставивших полуземлянки на Ново-Турбаслинском II поселении [49, с. 151-162], Уфимском городище [2, с. 31-32], поселении Рахмангулово в Красноуфимском районе Свердловской области*. По форме, конструктивно-планировочным элементам,

---

* Автор выражает признательность А.В.Старикову за возможность ознакомиться с еще не опубликованными материалами раскопок 1991 г.

размерам они близки уже упоминавшимся полуземлянкам Верх-Саинского городища. Правда, в новотурбаслинских жилищах в качестве отопительного устройства упоминается чувал [50, с. 24], но имеющиеся материалы не позволяют безоговорочно согласиться с подобной интерпретацией.

Жилища X-XIV вв. сравнительно полно изучены в Верхнем Прикамье и на Чепце, на их долю приходится около 30% всех известных в настоящее время жилых объектов Прикамья эпохи железа. Этнографические особенности жилища коми-пермяков рубежа I-II тысячелетий стали известны в науке в середине 30-х годов, после раскопок М.В.Талицкого на Родановом городище [90, с. 33-96]. Исследователь выделил на городище два основных слоя и связанные с ними типы жилищ, количество же построек, судя по дневникам раскопок, превышало 20 [89]. Выводы автора в основных чертах подтвердились последующими раскопками на родановских городищах (Лаврятском, Кыласовом, Шудьякар), материалы которых частично опубликованы [5, с. 203; 59, с. 9-10; 27, с. 17-19]. Жилищем родановцам служил наземный срубный дом, с земляным полом на раннем этапе и глинобитным — на позднем. Расположение очага в жилищах X-XII вв. различно — как в центре, так и в углу или у стены (Шудьякар, Калиновское, Кыласово). Велико видовое разнообразие очагов — на уровне пола, в углублении пола, на глинобитном основании, с каменной кладкой и без нее. На позднем этапе внутренняя организация жилья еще более усложняется. Появляются многокамерные дома, причем очаги устраиваются в обоих помещениях; но функции их различны. Перед входом находился крытый тамбур. Размеры тамбуров 1,5-2 × 1,5-3 м близки размерам сеней «керкаводзь» в традиционных жилищах коми-пермяков [9, с. 178]. Термин этот буквально означает «место перед домом». Как представляется, такие постройки по своим конструктивным особенностям (удлиненный план, двучастность, сени-тамбур перед входом, сложный интерьер) уже близки курной избе «керку». Генетическую связь родановских жилищ с предшествующими ломоватовскими и гляденовскими отмечали еще О.Н.Бадер и В.А.Оборин [5, с. 203]. Родство прослеживается и с позднейшими жилищами коми, известными по раскопкам в Орлегородке [56, с. 145-164] и этнографическим материалам [73, с. 457-458; 76, с. 91, 104; 9, с. 200].

Известны на родановских поселениях и жилища сезонного характера, использовавшиеся лишь в летнее время для промысловых и производственных целей. Это были прямоугольные постройки столбовой конструкции, небольших размеров [59, с. 10; 7, с. 123]. В кон-

структивном плане они находят аналоги в промысловых постройках типа «зоча чом» и «кер-чом», строившихся охотниками коми на кратковременных стоянках [43, с. 47-48]. Усложненный же вариант «чома» — сдвоенные трехстенные «чомы» — возможный прототип, по мнению этнографов, построек типа «куа» удмуртов, «кэлы» коми или «кудо» марийцев.

Материалы чепецких городищ IX-XIII вв. хорошо известны по работам А.П.Смирнова [83, с. 26-61; 84], М.Г.Ивановой [38, с.93-106; 39, с. 3-26; 40, с. 3-36], В.А.Семенова [80, с. 48-77]. Предпринята попытка проследить эволюцию чепецкого жилища, его место среди одновременных построек Приуралья [41, с. 143-155]. Материалы таких городищ как Иднакар, Гурьякар, Весьякар позволяют уточнить тезис о том, что родановский дом «несомненно развивается из гляденовского», а «дом чепецкой культуры отдаленно напоминает пьяноборские жилища» [6, с. 23]. Близость между родановским и чепецким жилищами несомненна. Их роднит обычай устройства глинобитных полов и очагов, ям-кладовок, обшитых деревом. Такие же элементы, как очаг-каменка, земляные или деревянные полы, отсутствие оформленных выходов, с известной осторожностью, можно связать с позднепьяноборским или мало изученным пока азелинско-еманаевским компонентом.

Что касается жилища Перми Вычегодской X-XIV вв., то здесь вновь приходится констатировать отсутствие сколь-нибудь репрезентативных остатков. Известны находки очагов, ям-кладовок и фрагментов срубов на Карыбъйывском городище и Жигановском поселении, которые отождествляют с отдельными частями жилых построек [82, с. 5-15; 77, с. 75-79]. Но они не дают полной информации о жилищах Вычегодского края, хотя и позволяют предварительно считать их конструктивно и планировочно близкими к жилищам чепецкой и родановской культур.

В заключение изложенного можно подвести некоторые итоги. Археологическая изученность жилищ Западного Приуралья в настоящее время позволяет говорить об относительно непрерывной их эволюции на протяжении раннего железного века — средневековья. Но вместе с тем, существует и заметная неравномерность в качественном и территориальном, пространственном распределении имеющихся источников. Под качественным подразумевается распределение жилищ по типам поселений: насколько полны и выразительны материалы городищ, настолько и фрагментарны эти данные по открытым поселениям. Если для раннего железного века жилые сооружения изучены на 10 селищах и 5 городищах, то для первого тыс. н.э. они известны лишь на 5 селищах, а для X-XIV вв. и того

меньше — только на 3. Между тем, учитывая особенности этнокультурной истории пермских народов, именно характер сельского жилища, сельского расселения может пролить свет не только на роль различных факторов в генезисе традиционного жилища, но и дать объективную картину социально-экономической структуры древних обществ Приуралья.

Пространственная локализация жилищ ананьинского времени указывает на сравнительно хорошую изученность Среднего и Верхнего Прикамья, Вычегды, хуже исследованы Нижняя Кама, Вятка, бассейн Белой. I тысячелетие довольно полно документируется памятниками Верхнего Прикамья, Чепецкого и Сылвинского микрорегионов. Напротив, Средняя Кама, за исключением большой части Прикамской Удмуртии, выглядит «белым пятном». Крайне мало достоверных остатков жилищ в бассейне Вятки, где в последние годы (рис. 1) выделены памятники еманаевской и кочергинской культур второй половины I — первой половины II тысячелетия. Вятские поселения первой пол. II тыс. н.э. дают уже преимущественно постройки древнерусского типа, хотя местный финно-пермский субстрат на них несомненно присутствовал. Не изучены пока жилищно-поселенческие комплексы начала II тысячелетия н.э. и на памятниках Среднего Прикамья и Южной Удмуртии. Слабая изученность регионов, особенно тех из них, которые находились на стыке различных культур — зон активного взаимодействия этнических групп, затрудняет не только более четкое определение ареалов отдельных типов и элементов жилища, но и динамику взаимодействия различных строительных традиций, направления и пути проникновения культурных новаций. Совершенно очевидным на сегодняшний момент следует признать факт о типичности для пермских финнов наземного жилища, генетически восходящего к жилищам раннего железного века, когда в Западном Приуралье оформляется ананьинская культурная общность. В начале новой эпохи прапермское жилище уже предстает в виде наземной постройки со слегка углубленным основанием, тогда как к западу и востоку от Волго-Камья еще широко бытуют полуземлянки. С поднятием жилища на поверхность связан и поиск оптимального конструктивного решения стен. При строительстве основного жилища, первоначально в южных районах общности, все чаще применяется срубная техника. Жилище приобретает преимущественно прямоугольный план, что, очевидно, более всего соответствовало технологическим, пространственным и символическим представлениям прапермян.

Одновременно усложнение конструктивной схемы жилища наблюдается в появлении дополнительного элемента — небольшого

тамбура при входе, образованного либо выпуском бревен длинных боковых стен, либо за счет самостоятельной пристройки к торцу дома. Как следует из материалов раскопок, тамбур характерен, главным образом, для построек Верхнего Прикамья, где он отмечается в жилищах на протяжении всего периода железного века (от ананьина до родановских домов X-XIV вв.). В южных районах Прикамья (чегандинские, мазунинские жилища), а также на Чепце, тамбур при входе не получает широкого распространения. Сыграл ли здесь решающую роль более мягкий климат, или устройство и месторасположение входа определялось иными факторами (особенности культурных контактов, взаимодействия с соседями), или их совокупностью? Но известно, что эта линия находит продолжение в традиционных удмуртских постройках, вход в которые редко имел дополнительно оформленную часть, а чаще представлял собой, как свидетельствуют материалы исторической этнографии, небольшую дверь с невыразительным предмостьем, а иногда и просто бревном, положенным у двери.

Общие черты присущи и внутренней организации древнего жилища Прикамья. В течение всего рассматриваемого периода она по существу определялась своеобразной осью «вход-очаг». В многоочажных жилищах раннего железного века очаги, как правило, располагались на этой центральной оси. С появлением в интерьере пьяноборско-гляденовской эпохи хозяйственной ямы она в большинстве случаев вписывается в заданную парадигму. Наличие этой заданности имело, по всей видимости, семантический смысл, уходящий корнями в глубокую древность [1, с. 29], а, с другой стороны, играло определенную стабилизирующую роль в длительной эволюции жилища.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Арутюнов С.А., Васильев В.И., Джарылгасинова Р.Ш.* Древние уральско-восточноазиатские параллели (на материалах жилища) // СЭ. 1991. № 2.

2. *Ахмеров Р.Б.* Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. 1952. Вып. 48.

3. *Аникмина Л.И.* Раскопки Буйского городища // АО-1978. М., 1979.

4. *Бадер О.Н.* Очерк шестилетних работ Камской археологической экспедиции // Уч. зап. ПГУ. Харьков, 1953. Т. 9. Вып. 3.

5. *Бадер О.Н., Оборин В.А.* На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

6. *Бадер О.Н., Оборин В.А.* Очерк работ КАЭ в 1955 и 1956 гг. // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1960. Т. 12. Вып. I.

7. *Белавин А.М.* Производственные поселки у финно-угров в конце I-начале II тыс. н.э. (По материалам Березниковского микрорайона Верхнего

Прикамья) // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.

8. *Белицер В.Н.* Народная одежда удмуртов. Материалы к этногенезу// Труды ИЭ. М., 1951. Т. 10.

9. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми // Труды ИЭ. Новая серия. М., 1958. Т. 45.

10. *Берх В.Н.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821.

11. *Бехтерев В.М.* Вотяки. Их история и современное состояние // Вестник Европы. 1880. Т. 8.

12. *Буров Г.М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.

13. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Известия РГО. СПб., 1884. Т. 20.

14. *Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1967, № 148.

15. *Водолаго Н.В.* Материалы к археологической карте неволинской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1984. Вып. 2.

16. *Генинг В.Ф.* Памятники харинского времени в Прикамье // КСИИМК. 1955. Вып. 57.

17. *Генинг В.Ф.* Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФ АН СССР. Казань, 1959. Вып. 2 (Серия гуманитарные науки).

18. *Генинг В.Ф.* История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10.

19. *Генинг В.Ф.* Опутятское городище — металлургический центр харинского времени в Прикамье (2-я половина V — 1-я половина VI вв. н.э.) // Памятники эпохи средневековья в Верхнем Прикамье. Ижевск, 1980.

20. *Георги И.Г.* Описание обитающих в Российском государстве народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть первая, о народах финского времени. СПб. 1795.

21. *Герцен А.И.* Вотяки и черемисы // ВГВ. 1838. № 1, 3, 5.

22. *Гмелин И.Г.* Известия о Казани и о казанских инородцах (1733) // Известия ОАИЭ при Казанском университете. Казань, 1903. Т. 19. Вып. 5-6.

23. *Голдина Р.Д.* Подкаменное городище — памятник неволинской культуры в бассейне р.Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск. 1984. Вып. 2.

24. *Голдина Р.Д.* Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985.

25. *Голдина Р.Д.* Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Ижевск, 1987.

26. *Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Бартымский могильник неволинской культуры в бассейне р. Сылвы // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып. 1.

27. *Голдина Р.Д., Кананин В.А.* Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.

28. *Горюнова Е.И.* Развитие жилища у мордвы // Труды ИЭ. 1963. Т. 86.

29. *Гуссаковский Л.П.* Черновик отчета о раскопках на Никульчинском городище // Рукописный архив КГОИАЛМ. Киров.

30. *Дектерев С.А.* Климат и архитектура народного жилища. Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1989.

31. *Добротворский Н.* Пермяки // Вестник Европы, 1883. № 3, № 4.

32. *Жеребцов Л.Н.* Крестьянское жилище в Коми АССР. Сыктывкар, 1971.

33. *Жеребцов Л.Н.* Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII — начале XX в. М.: Наука, 1972.

34. *Збруева А.В.* Галкинское городище // МИА. 1940. № 1.

35. *Збруева А.В.* Коллективное жилище в Прикамье // ВДИ. 1940. № 2.

36. *Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. 1952. № 30.

37. *Иванов В.А., Останина Т.И.* К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.

38. *Иванова М.Г.* Кушманское городище // Вопросы археологии Удмуртии. Ижевск, 1976.

39. *Иванова М.Г.* Городище Гурьякар. Результаты исследований 1979 г. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск, 1982.

40. *Иванова М.Г.* Городище Идна-кар (Результаты исследований 1975-1977 гг.) // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985.

41. *Иванова М.Г., Черных Е.М.* Жилые сооружения городища Идна-кар IX-XIII вв. (раскопки 1990 г.) // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола. 1992. (АЭМК. Вып. 21).

42. *Кастрен А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири 1838-1844, 1845-1849 // Собрание старых и новых путешествий. М., 1860. Часть II.

43. *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. М.: Наука, 1983.

44. *Коренюк С.Н.* Жилища раннеананьинских поселений южно-таежного Прикамья // Взаимодействие древних культур Урала. Пермь, 1990.

45. *Королев К.С.* Поселение Шойнаты II на Средней Вычегде // Археологические памятники Печоры, Северной Двины и Мезени. Сыктывкар, 1977. (МАЕСВ. Вып. 6).

46. *Королев К.С.* Поселение ванвиздинской культуры Шойнаты VI // Памятники материальной культуры на Европейском Северо-Востоке. Сыктывкар, 1986. (МАЕСВ. Вып. 10).

47. *Косвен М.О.* Распад родового строя у удмуртов // «На удмуртские темы» / УЗ НИИ народов Советского Востока. М., 1931. Вып. 2.

48. *Кудрявцева Т.П.* Народные постройки удмуртов // Проблемы истории архитектуры. М., 1974. Вып. 1.

49. *Мажитов Н.А.* Поселение Ново-Турбаслинское II // АЭБ. Уфа, 1962. Т. I.

50. *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VI-VIII вв. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М.: Наука, 1981.

51. *Макаров Л.Д.* Подгорбуновское городище — многослойный памятник в бассейне Северной Двины // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1984. Вып.I.

52. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии инородцев якото: вотяков, черемис и чуваш. СПб., 1791.

53. *Мурыгин А.М.* Поселение Чойновты V на Мезени // Археологические памятники эпохи палеометалла в Северном Приуралье. Сыктывкар, 1978. (МАЕСВ. Вып.7).

54. *Нефедов Ф.Л.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893-1894 гг. // МАВГР. 1899. Т.3.

55. *Оборин В.А.* Памятники родановской культуры у села Таборы // КСИИМК. 1956. Вып.65.

56. *Оборин В.А.* Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье (XVI-XVII вв.) // Уч. зап./ ПГУ. Пермь, 1957. Т.10. Вып.3

57. *Оборин В.А.* Раскопки памятников железного века в Верхнем Прикамье // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып.2

58. *Оборин В.А.* Камская археологическая экспедиция // АЭБ. Уфа, 1964. Т.2.

59. *Оборин В.А.* Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // ВАУ. Свердловск, 1970 Вып.9.

60. *Останина Т.И.* Городище мазунинской культуры около станции Постол Удмуртской АССР // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1988.

61. *Останина Т.И.* Городище IV-V вв. у д.Чужьялово Удмуртской АССР // Новые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск, 1988.

62. *Останина Т.И.* Исследования Удмуртского республиканского краеведческого музея в Нижнем и Среднем Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

63. *Островский Д.Н.* Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Казань, 1873. Т.4. Вып.I.

64. *Паллас П.-С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Часть 3, II-я половина.

65. *Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Вятка, 1888.

66. *Петерсон А.Ю.* О некоторых общих чертах развития крестьянского жилища коми и удмуртов // Сельские поселения Удмуртии. Ижевск, 1981.

67. *Пинт А.И.* К истории удмуртского жилища // «На удмуртские темы». УЗ НИИ народов Советского Востока. М., 1931. Вып 2.

68. *Поляков Ю.А.* Коновалятское селище // Уч. зап. ПГУ. Пермь, 1960. Т.12. Вып.1.

69. *Поляков Ю.А.* Раскопки Горюхалихинского городища // АО- 1967. М., 1968.

70. *Поляков Ю.А.* Отчет о раскопках Назаровского городища в Ильинском районе Пермской области в июле 1977 года // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 7074.

71. *Поляков Ю.А.* Работы в бассейне р.Обвы // АО-1977. М., 1978.

72. *Попов А.А.* Жилище // Историко-этнографический атлас Сибири. М.-Л., 1961.

73. *Попов Н.* Этнографические заметки о пермяках // ЖМВД. СПб., 1852. Ч. 39.

74. *Прокошев Н.А.* Узловые проблемы ананьинской эпохи в Прикамье (VII-II вв. до н.э) // Записки УдНИИ. Ижевск, 1949. Вып. 11.

75. *Риттих А.Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. Казань, 1870. Т.14. Ч.I-II.

76. *Рогов Н.* Материалы для описания быта пермяков // ЖМВД. СПб., 1858. Т.29.

77. *Савельев Э.А.* Пермь Вычегодская. М.: Наука, 1971.

78. *Сергеев С.И.* Памятники древностей близ сел Искора, Губдора и Верх-Боровского Чердынского уезда // Труды ПУАК. Пермь, 1896. Т.3.

79. *Семенов В.А.* Материалы к истории жилищ и хозяйственных сооружений удмуртов в VI — первой половине IX вв. // Материалы археологических памятников Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1979.

80. *Семенов В.А.* Городище Весья-кар // Материалы средневековых памятников Удмуртии. Ижевск, 1985.

81. *Семенов В.А.* Этнокультурные компоненты поломской культуры // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск. 1989.

82. *Смирнов А.П.* Отчет о раскопках городища Карамыльк, близ села Карабив, Айкинской волости Устьвымского уезда Коми области, на правом берегу р.Вычегды // Записки Общества изучения Коми края. Устьсысольск, 1928. Вып.1.

83. *Смирнов А.П.* Донды-кырское городище // Труды НОИВК.М., 1929. Вып.4.

84. *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. М.-Л., 1952. № 28.

85. *Смирнов И.Н.* Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия ОАИЭ. Казань, 1890. Т.8. Вып.2.

86. *Смирнов И.Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия ОАИЭ. Казань, 1891. Т.9. Вып.2.

87. *Соболева Н.В.* Работы Краснокамского отряда экспедиции Пермского университета // АО-1893. М., 1985.

88. *Соколова З.П.* Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Труды ИЭ., 1963. Т.84. (Сибирский этнографический сборник. Вып.5).

89. *Талицкий М.В.* Дневник работ Верхнекамского отряда Камской археологической экспедиции в 1937 г. // Архив ЛОИА АН СССР. Ф.43. № 13.

90. *Талицкий М.В.* Верхнее Прикамье в X-XIV вв. // МИА. М., 1951. № 22.

91. *Теребехин Н.М., Семенов В.А.* Семантика традиционной деревенской среды у народов коми // Традиции и современность в культуре сельского населения Коми АССР. Сыктывкар, 1985.

92. *Харузин Н.Н.* Очерк истории развития жилища у финнов // Этнографическое обозрение. 1895. Т.24-25.

93. *Черных Е.М.* Жилища племен Прикамья I тыс. до н.э.—первой половины II тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.; МГУ, 1992. 07.00.06.

94. *Шитова С.Н.* Постройки типа землянок у башкир // Культура и быт башкир. Уфа, 1978.

95. *Шитова С.Н.* О древних чертах в строительной технике башкир // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983.

96. *Шкляев Г.К.* Обряды и верования удмуртов, связанные с жилищем // Фольклор и этнография удмуртов. Ижевск, 1989.

97. *Шумилов Е.Ф.* Архитектура удмуртской крестьянской усадьбы // Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып.I.

98. *Шумилов Е.Ф.* К вопросу о древнейших формах удмуртского народного творчества // Искусство Удмуртии. Ижевск, 1975. Вып.I.

99. *Heikel A.O.* Die Gebäude der Čeremissen, Mordwinen, Esten und Finnen // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1888. T. 4.
100. *Sirelius U.* Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Volker // Journal de la Societe Finno-Ougrienne. Helsingfors, 1906-1911. T. 6-10.

Elizaveta Chernykh

SOME RESULTS OF STUDYING AN ANCIENT PERMIAN DWELLING
(on researching the settlements of the I millennium B.C. and the first half of the II millennium A.D.)

At present the dwellings of the western reaches of the Urals have been so profoundly studied by archaeologists that it is possible to speak about their continuous evolution during the early Iron Age. It is obvious that the Permian Finns used overground dwellings originating from those of the early Iron Age. At that very time the Ananyino cultural community was developing in the western Ural areas. At the beginning of the new epoch a proto-Permian dwelling took a shape of an overground construction with a slightly deepened bedding whereas to the west and east of the Volga-Kama basin there were still half-raised dwellings of a dug-out type. With the dwelling base raised the design of the walls changed. Frame-work was often used in constructing the main dwelling.

The interior of the ancient dwellings of the Kama basin also had some features in common. During the period under study the interior of the dwelling was determined by a peculiar axis of "entrance - hearth".

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Сообщения

Иван Галкин
Йошкар-Ола

СЛОВА, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ЛЮДЕЙ МУЖСКОГО ПОЛА В СОВРЕМЕННОМ МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Этимология слов, обозначающих людей мужского пола в современном марийском языке, в основном уже ясна. Они рассматривались как в специальных этимологических словарях, так и в этимологических словарях финно-угорских и других языков (5, с. 192, 197; 7, с. 62; 2, с. 109; 3, с. 43; 15, с. 221 и т.д.). Правда, этимологии некоторых слов, например, *эрге* «сын», *ульмо* «мужчина, муж», требуют уточнения.

Необходимо также установить относительную хронологию возникновения рассматриваемых слов, проследить развитие их семантики и т.д.

Для обозначения людей мужского пола в современном марийском языке употребляются следующие слова: *марий*, Г *мары*, сев.-зап. *маре* «человек, мужчина, муж»; *пӧръеҥ*, г. *пӱэргы*, сев.-зап. *пӧргень* «мужчина»; *эрге*, Г *эргы* «сын»; *рвезе*, В *урвезы*, Г *ырвезы*, Й-Ол. *ӊрвазе* «молодой человек, парень», В *ульмо* «женатый мужчина», сев.-зап. *ӊльмо* «мужчина», Г *мылоец* «молодой человек, парень, молодец».

1. Марий «человек, мужчина, муж», а также самоназвание марийцев.

Считается, что это слово иранского происхождения и восходит к др.-иран. *marîya* «человек, мужчина, муж». Соответствия ему в значении «человек, муж, мужчина» имеются и в других индоевропейских языках: санкр. *marya*, древнеперс. *marîya*, перс. *märd*, скиф. *märd*, курд. *mari* «человек», фр. *mari* «муж, супруг», англ. *mairi* «жениться» (10, с. 201; 5, с. 192; 6, с. 63).

2. Пӧръеҥ «мужчина».

По мнению Ф.И.Гордеева, это слово является иранским заимствованием. Оно сложное, составными частями его являются: *пӧрь* (ср. скиф. *vir(a)* «мужчина», авест. *Viira*) + *ен* «человек» (ср. санскр. *janc* «человек» от *jan* — «рожать, производить, происходить», осет. *zänäg* «дети, потомство», авест. *zan* «производить, рожать» — 5, с. 197).

Однако мы не разделяем эту точку зрения и считаем, что оно состоит из трех составных частей: *пӧ-р-ен*, из которых *пӧ* — является финно-угорским **пи* «молодой мужчина, парень, сын», *-р-* представляет собой сохранившийся согласный самостоятельного слова *эрге* «сын», очевидно, тюркского происхождения (см. ниже), *ен* «человек» слово, очевидно, уральского времени (3, с. 43; 4, с. 32) и вряд ли оно заимствовано из иранских языков. ср. кетск. *ден* «люди». В кетский язык это слово вошло из китайского языка, ср. кит. *жень* «человек, люди» (2, с. 218).

Таким образом, слово *пӧрьен* по своему образованию сложное и позднего происхождения, сложившееся только на базе марийского языка, причем не раньше разделения древних мари на горных и луговых. Об этом свидетельствуют диалектные варианты его: Г *пӱэргы* < *пӱ* + *эргы*, сев.-зап. *пӧргень* < *пӧ* + *рг* + *ень*, Л *пӧ* + *р* + *ен*, где *-рг-* и *-р-* являются следами былого самостоятельного слова *эрге* «сын», что сохранилось в варианте горного наречия. Но в горном наречии не произошло присоединения слова *ен* «человек» к *пӱэргы* «мужчина» (4, с. 33).

3. Эрге «сын».

Обычно это слово этимологи сравнивают с финским *ylkä, yrkä* «мужчина, жених, парень» и саамским *irɛkɛe* «жених» (Мун: 56). Но вряд ли с этим можно согласиться. Скорее всего, оно заимствовано из тюркских языков, ср. к.-калп. *еркек адам* «мужчина», кирг. *еркек бала* «мальчик», туркм. *еркек оглан* «мальчик», др.тюрк. *erkäk* «муж, мужчина», и т.д. (4, с. 33; 2, с. 109; 3, с. 43).

Э.В.Севортян считает, что основным значением межтюркской формы **еркек* было «самец, особь мужского пола» (16, с. 298).

4. В ульмо «женатый человек», сев.-зап. ӊльмо «мужчина». Ф.И.Гордеев сравнивает его с эрзя-мордовским *ломань* «человек» (8, с. 13). На наш взгляд, для сравнения более подходит другое эрзянское слово *аля* «мужчина, парень, старший брат мужа». В марийском языке конечный элемент *-мо*, по-видимому, является суффиксальным, ср. также манси: *элмхолас* «человек».

В других диалектах марийского языка это слово не обнаружено. Историческое развитие его происходило следующим образом: **аляма*

> *альма* > *ольма* > *ульмо*. Здесь действовали три фонетических закона: огубление *а* > *о*, сужение *а* > *о* > *у* и выпадение. Все эти законы были присущи марийскому языку (11, с. 129).

5. Рвезе «молодой человек, парень».

Ф.И.Гордеев это слово считает поздним иранским заимствованием, вошедшим в марийский язык не раньше IV века нашей эры. «Это слово, — пишет Ф.И.Гордеев, — имеющее в диалектах различие в огласовках (ср. Г *ырвезы*, Й-Ол. *нрвазе*, малм. *урвезы*, В *эрвезы* < общемар. **ӓрвӓзэ*) по своей форме довольно близко стоит к осетинскому слову со значением «брат, родственник» (ср. дигор. *arwaade, erwaade* «брат», тагаур. *arwaad* «родственник», южн.-осет. *ärwädä*, авест. *brataa* «брат», др.перс. *brataa*, скиф. *brat* < *vrada* (5, с. 195).

По всей очевидности, Ф.И.Гордеев прав, относя слово *рвезе* к иранским заимствованиям, тем более, если учесть возможность перехода *д* > *з* в марийском языке, ср. *нудо* > *нузо* «золовка», *витле* «пятьдесят», *визыт* «пять». Значение «молодой» в современном марийском языке появилось путем отщепления из значения «молодой человек».

6. Г мылоец «молодой человек, парень, молодец».

Это слово, вне всякого сомнения, горным наречием заимствовано из русского языка, ср. русск. *молодец*.

Как видно из вышеуказанного, из шести слов, обозначающих людей мужского пола, в современном марийском языке четыре (*марий, эрге, рвезе, мылоец*) заимствованы из различных языков, одно (*ульмо*) является финно-угорским по своему происхождению и одно (*пӧръен*) исконно марийское, сложившееся из собственно марийских и заимствованного элементов.

Хронологически самыми древними следует считать исконные по происхождению, относящиеся к домарийскому времени, слова *ульмо, нльмо* «мужчина: женатый человек» и элементы сложных слов *пӧръен, пӱэргы* «мужчина»: *пӧ-, пӱ-* <**пи* «молодой мужчина, парень, сын», *-ен, дьэн* «чужой человек, без указания полового различия», ср. *ӱдырен* «девушка», *рвезьен* «молодой человек».

Далее, надо полагать, идут иранские заимствования *марий* «человек, мужчина, муж» и *рвезе* «молодой человек, парень», из которых первое (*марий*) относится к заимствованиям тех времен, когда предки пермских народов, мордвы и мари были в тесном контакте. Второе же (*рвезе*), как пишет Ф.И.Гордеев, — относится лишь к IV веку н.э. Относить слово *марий* к IV веку н.э. нельзя, оно, несомненно, старше на несколько сот лет своего собрата *рвезе*.

Что же касается слова *эрге* «сын», то оно проникло в марийский язык во времена тюркско-марийских контактов до перехода *е* > *и* в татарском языке, т.е. раньше XIV века (14, с. 6).

Самым молодым по возрасту является горномарийское *мылоец* «молодой человек, парень».

С семантической точки зрения рассматриваемые слова подразделяются по возрасту и семейному положению обозначаемых ими людей мужского пола: *марий* «мужчина взрослый, женатый», *ульмо* «мужчина взрослый, женатый», *пӧръен* «мужчина взрослый, женатый», *рвезе* «мужчина молодой, неженатый», *эрге* «мужчина молодой, неженатый», *мылоец* «мужчина молодой, неженатый».

Как видно, три слова употребляются для обозначения взрослых или женатых мужчин и три — для обозначения молодых и неженатых мужчин, т.е. парней. Однако между ними есть такие семантические особенности, которые служат твердой границей и не допускают их взаимозаменяемости. Так, нельзя сказать *пӧръен* вместо *марий* в буквальном смысле этих слов, ибо *пӧръен* обычно ассоциируется с понятием вообще *мужчина* в отличие от *женщины*. Здесь явно главным является различие по полу. Слово же *марий*, как правило, ассоциируется с понятием *муж, супруг*.

Слово *рвезе* в возрастном отношении «молодой мужчина, неженатый» заключает в себе прежде всего различие по полу у молодых людей, в противоположность слову *ӱдыр* «девушка». В последующем значение слова *рвезе* «молодой человек, парень» несколько абстрагировалось и стало обозначать просто *молодых людей*, ср. *рвезе ӱдыр* «молодая девушка», в этом ему помогла адъективация. Слово *эрге* воспринято марийским языком не просто как «самец», а прежде всего, как «мальчик, сын». Не случайно поэтому нельзя сказать *эргаш пий* «собака, самец, кобель», вместо *узо пий* «собака самец». Слово *эргаш* — транслативная форма от *эрге* — употребительно только со словами *аза* «ребенок»: *эргаш аза* «ребенок мужского пола», т.е. «будущий мальчик, сын». Так же как *ӱдыраш аза* «ребенок женского пола», т.е. «будущая девушка, дочь».

Для различения же детенышей животных по полу в марийском языке имеются особые слова *узо* «самец», *ава* «самка, мать». Поэтому для марийского языка первоначальным у слова *эрге* следует считать значение «мальчик», а не «самец».

У слова *марий* есть еще значение «человек», хотя для выражения понятия «человек» в марийском языке существует арабское слово,

вошедшее через татарский язык, *айдеме*, В *адеме* и через чувашский язык, Г *эдем* «человек» (7, с. 62).

Проникновение слова *айдеме* «человек» при наличии слова *марий* «человек, мужчина, муж» объясняется, по всей очевидности, тем, что, во-первых, слово *марий* многозначно, а многозначность затрудняет взаимопонимание, особенно при двуязычии, во-вторых, в марийском языке не было слова для выражения абстрактного понятия «человек вообще», а понятие «человек» выражалось более конкретно: «человек свой, своего племени» и «чужой человек». В первом случае употреблялось слово *марий* «человек» (свой), во втором — *ен* «человек» (чужой). Слово же *айдеме* лишено было такой градации в семантике, его семантика абстрактна и весьма удобна для выражения понятия «человек вообще».

Возникает естественный вопрос: существовало ли в финно-угорском праязыке слово для выражения понятия «человек вообще». По-видимому, нет. Если бы существовало такое слово, то следы его, наверно, бы сохранились в современных финно-угорских языках. Само понятие «человек» исторически изменчиво. Оно отражает главенствующее положение мужчины и женщины в обществе, в эпоху матриархата человеком была женщина, в эпоху же патриархата им становится мужчина. Нередко понятие «человек» переходит из одного языка в другой как обозначение этноса или сам этнос себя называет человеком. Не случайно поэтому в современных финно-угорских языках для выражения понятия «человек» употребляются весьма различные слова, ср. мар. *марий, ен, айдеме*; морд. *цёра, ломань*; манси. *элмхолас, хум*; удм. *мурт, адями*; фин. *ihminen, mies* и т.д.

Некоторое совпадение значений слов *марий* «муж, мужчина» и *ульмо* «муж, женатый человек» произошло позднее вследствие расширения значения слова *марий* значением *муж*. Первоначально их значения различались так, как это было бы сейчас без значения *муж* у слова *марий*. Здесь, как нам кажется, значение эрзя-мордовского *аля* «старший брат мужа» является дальнейшим развитием первоначального значения «женатый человек», которое сохранилось в значении марийского слова *ульмо*, ибо старший брат мужа обычно бывал женатым.

По-видимому, конкретным было значение у каждого рассматриваемого выше слова: *марий* «человек своего племени», *ен* «человек чужого племени», *рвезе* «парень», *ульмо* «мужчина», *эрге* «мальчик, сын».

Вместо заимствованного слова *рвезе* «молодой человек, парень», по мнению И.Г.Иванова, в древнемарийском языке употреблялось слово *чере-*, которое, как он считает, выступает как первый компонент сложного слова *черемис*, ср. морд. *цёра* «парень, мужчина, человек мужского пола, сын», Г *цора* «слуга, работник, мальчик, нянька» (18, с. 186). Однако, следует заметить, что слово «цора» в горное наречие марийского языка заимствовано, скорее всего, из мишарского диалекта татарского языка. Это слово и в мордовском языке, очевидно, является заимствованным. Ему имеются соответствия во многих тюркских языках, ср. туркм. *чоору* «раба, рабыня», караим. *чора* «работник», кирг. *чору* «раб». В чувашский язык это слово также вошло из других тюркских языков (Räsänen, 1969: 116).

Семантика слова «цора» в горном наречии и начальное «ц» явно свидетельствуют о тюркском происхождении его: в горном наречии мягкий согласный «ч» перешел в «ц», ср. Г *цилӓ*, Л, В *чыла* «все», Г *цама*, Л, В *чома*, коми *чань*, венг. *csina* «жеребенок» (11, с. 165).

До заимствования тюркского слова *эрге* «сын» в марийском языке для обозначения этого понятия употреблялось, на наш взгляд, слово ***пи > пӱ > пӧ*** «мальчик, сын», которое выступает как первый компонент сложных слов ***пӧрьен, пӱэргы, пӧргень*** «мужчина». Ср. удм. *пи* «мальчик, сын».

Значение слова *пӧрьен* «мужчина», как и само слово, развилось после появления в марийском языке тюркского слова *эрге* «мальчик» одновременно с развитием слова *ӱдырамаш* «женщина». Буквально оно значило «мальчик + мальчик + человек, т.е. мужчина», ср. *ӱдырамаш < ӱдӹр + ӓмӓш < ӱдӹр + ӓмӓкш* «девушка, готовая стать матерью, т.е. женщина».

Это позволяет заключить, что слова с более абстрактным значением возникли довольно поздно и в данном случае представляют собой сложение слов с конкретными значениями. Как видно из произведенного анализа, слова, обозначающие людей мужского пола, в марийском языке прошли весьма сложный путь развития и подверглись сильному иноязычному влиянию, вследствие чего многие исконные слова оказались вытесненными заимствованиями. Несмотря на то, что они представляют собой очень древнюю и жизненнонеобходимую лексику, легко проницаемы иноязычными элементами.

Сокращения: *авест.* — авестийский, *англ.* — английский, *В* — восточное наречие марийского языка, *Г* — горное наречие марийского языка, *др.-иран.* — древнеиранский, *др. перс.* — древнеперсидский, *др. тюрк.* — древнетюркский,

й-ол. — йошкар-олинский говор марийского языка, *к.-калп.* — каракалпакский, *кирг.* — киргизский, *курд.* — курдский, *Л* — луговое наречие марийского языка, *мар.* — марийский, *морд.* — мордовский, *перс.* — персидский, *сев.зап.* — северо-западное наречие марийского языка, *скиф.* — скифский, *турк.* — туркменский, *удм.* — удмуртский, *фин.* — финский.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бугаева Т.Г.* Нумеративы в корейском языке // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979.

2. *Галкин И.С.* Некоторые вопросы контактирования языков // СФУ, 1977, № 2.

3. *Галкин И.С.* Этимологические заметки // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978. Вып. I.

4. *Галкин И.С.* Из истории марийских слов // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1968. Вып. II.

5. *Гордеев Ф.И.* Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.

6. *Гордеев Ф.И.* К вопросу о происхождении этнонима *мари* // Вопросы марийского языкознания. Йошкар-Ола, 1964. Вып. I.

7. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 1979. Т. I.

8. *Гордеев Ф.И.* О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках. // Вопросы финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1970. Вып. V.

9. *Гордеев Ф.И.* К истории этнонима *черемис* // Труды Мар НИИ. Вып. XVIII. Йошкар-Ола, 1964.

10. *Грот Я.Н.* Филологические разыскания. СПб, 1899.

11. *Грузов Л.П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение. Фонетика. Йошкар-Ола, 1969.

12. *Дульзон А.П.* Кетский язык. Томск, 1968.

13. *Иванов И.Г.* Еще раз об этнониме «черемис» // Вопросы марийской ономастики. Йошкар-Ола, 1978. Вып. I.

14. *Серебренников Б.А., Исанбаев Н.И.* Восточные финно-угорские языки и их значение для истории тюркских языков Поволжья // Советская тюркология, 1979, № 5.

15. *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.

16. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков. Москва, 1974.

17. *Szinnyei J.* Magyar nyelvhasonlitás. Budapest, 1927.

18. *Саваткова А.А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1981.

19. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

Ivan Galkin

THE WORDS NOMINATING MALES IN THE PRESENT-DAY MARI LANGUAGE AND THEIR ORIGIN

In the article the author makes an attempt to chronologize the words of the Mari language: *mariy* — a man, a husband; *pöryeng* — a man; *erge* — a son; *rveze* — a young man, a chap; *ulmo* — a man, a married man; *myloyets* — a young man, a chap, a lad.

The oldest of those words were: *ulmo*, *pö-**, *pü<**, *pi-*, *eng*. The word *mariy* is of the Iranian origin.

Each word nominating a male had a concrete meaning: *mariy* — a man of a friendly tribe; *eng* — a man of an alien tribe; *rveze* — a chap; *ulmo* — a man; *erge* — a boy, a son.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Марина Федорова
Белгород

КОНСТРАТНЫЕ ФАКТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Предлагаемая статья обусловлена тем, что до настоящего времени не выяснена степень древности восточных славян/русичей на их современных территориях, что связано с отсутствием мотивированной гипотезы о локализации древнего славянства до периода его разделения на три ветви — восточную, южную и западную. Наши интересы связаны прежде всего с восточным славянством — и именно той его частью, которая на рубеже I — II тыс. н.э. именовалась Русью. Исследуемый языковой материал — прежде всего современная русская лексика с точки зрения мотивированности ее морфемики. Методика морфемной семантизации неотделима от изучения языковых связей между русичами и другими древнейшими народами Восточной Европы — именно финно-уграми и адыгами. Все другие этносы являются здесь поздними.

Несколько общеизвестных положений.

1. История восточного славянства до конца I тыс. н.э. пока не выяснена, хотя существует несколько гипотез. Славянистика XX в. более занята реконструкцией былых архетипов в кругу родственных языков, чем межъязыковыми связями в Восточной Европе. Историю финно-угров в Восточной Европе обычно связывают с территорией Волго-Камья. Истории адыгских народов и языков [к числу языков северо-западно-кавказской семьи относятся кабардино-балкарский, адыгейский, абхазский, убыхский. Ради краткости языки этой семьи далее называем адыгскими (адыг.). Опорным для нас является материал кабардино-черкесского языка (каб.).] слависты и русисты с середины XX в. вообще не затрагивают.

2. Население Восточной Европы к началу II тыс. н.э. составляло около 7,5 млн. человек; территория для обитания различных народов была достаточной. Количество населения в более ранние эпохи едва ли было более многочисленным.

3. Условия жизни в Восточной Европе наиболее благоприятны лишь в зоне лесостепи, Предстепья и Предкавказья. Народы древ-

нейшего обитания должны были предпочитать лесостепь и Предстепье, ибо Предкавказье и весь Кавказ всегда находились под угрозой агрессии южных стран более древних цивилизаций. Пришельцы с востока тоже должны были бы стремиться к лесостепи.

Русские морфемы, предлагаемые для рассмотрения.

I. -Ход-. Рус. *схóдный, похóжий, походúть, схóдство* содержат связанный корень -ход-, который будто бы соотносим с корнем глагола *ходить*. Однако другие глаголы движения в русском языке развития семантики в сторону портретных характеристик не имеют. Б.А.Серебренников указывает в коми языке суффикс *-kod'*, который «обозначает известную область к качеству, например: *śödkod'* близкий к черному (*śöd* «черный»), *pemydkod'* «чуть темноватый», «близкий к темному» (*pemyd* «темный»). Суффикс *-kod'* происходит от послелога *kod'*, имеющего значение «похожий», ср. удм. *kad'*» (1, с. 168). Следовательно, -кодь/-кадь — общий факт пермских языков, не мотивируемый средствами финно-угорских языков. Мены *к-х* и *о-а* (мену *о-а* в разных языках Восточной Европы мы связываем с древней особенностью адыгского вокализма) в языках Восточной Европы известны, поэтому соположимы как морфемы рус. ход-/хож- и перм. кодь-/кадь- при возможном восстановлении более древнего вида морфемы с начальным заднеязычным согласным. Такой факт находим в каб. языке XIX в. в виде знаменательного слова, записанного Ш.Б.Ногма в графической форме *хода* «подобный», к чему Г.Ф.Турчанинов добавляет: «совр. *хуэдэ*» (3). Таким образом, можно полагать, что в рус. и перм. языках приведенные морфемы являются вторичными по отношению к каб. слову. Вместе с тем в Русско-кабардинско-черкесском словаре 1955 г. (4) рус. слово *похожий* передается уже иначе *-ещхъ*, а интересующий нас корень сохранился только в кратком прилагательном, причем в роли вводного слова, уже осложненного, — *хуэдэщ*. Это значит, что в рус. (при укр. *сходний*, но белорус. *аднолькавы, падобны*) законсервирован архаический адыгский корень. В рус., укр. и перм. языках произошла десемантизация этого корня и превращение его в связанный корень или аффикс. Для такого процесса пермяне должны были бы жить южнее, а адыги — севернее; полагаем, что оба эти положения справедливы, причем рус./вост.-слав. этнос занимает как бы промежуточное положение.

II. -Л-локатив. В рус. языке есть ряд предлогов направительного и — шире — локативного значения; из числа последних выделяем

во́зле, *по́дле* (южн.-рус. *вазля́*, *падля́*), которые часто используются без заметной дифференциации значения, причем и как параллельные к предлогам *у* и *около*. В *возле* и *подле* одинаковы финали. В начале первого слова можно предположить рефлекс предлога *въз-* (ср.: *вложить*, *всунуть* и др.), тогда часть *-ле* должна бы иметь смысл существительного; во втором предлоге часть *под-* соотносительна с существительным *под* «низ», но и здесь часть *-ле* должна бы иметь субстантивный смысл: низ -чего? Подобные русским предлоги есть у западных славян: словац. *vedl'a*, чеш. *vedle*, польск. *podle*, что подтверждает древность компонента *-л-* в этих предлогах. В укр. *бі́ля* «у; около» предполагаем соединение нем. *bei* и слав. *-ля*. В белорус. — предлоги *каля́* и просто *ля*: *ля варот* «у ворот, около ворот».

Для семантизации л-компонента прежде всего обращаемся к финно-угорским языкам. В.И.Лыткин пишет: «Элемент л, входящий в состав внешнеместных падежей, широко распространен в пермском и марийском языках... Элемент -л- этих суффиксов внешнеместных падежей (независимо от того, является ли он остатком основы послелога с внешнеместным значением или же пережитком словообразовательного суффикса), безусловно, восходит к далекому прошлому — по крайней мере, ко времени финско-пермского языка-основы. Элемент л встречается во многих финно-угорских языках как словообразовательный суффикс пространственного значения...» (5, с. 8). Исследования в области коми языка показали, что для л-овых падежей примарным является значение принадлежности (6, с. 150). Вместе с тем в обоих случаях *л* является только немотивированным компонентом финно-угорского аффикса.

Из языков народов Восточной Европы слово *лъэ* как знаменательное, но устаревшее, имеет лишь каб. язык в значениях «место», «пространство», с которыми связан суффикс *-лъэ* со значением вместилища (7, с. 251). В современном каб. языке значение «место» передается сложением *щIыпIэ*, где *щIы* «земля», *пIэ* «место» при адыгейск. *чIыпIэ*. Отсюда ясно, что адыг. слово *лъэ* «место» было опорным для слав. и ф.-уг. аффиксов или их компонентов, то есть слав. и ф.-уг. факты вторичны по отношению к адыгским. И в этом случае произошла дерадиксация адыгского корня, что было возможно лишь при длительном и достаточно содружественном обитании предков восточных славян, финно-угров и адыгов. Такое обитание было связано с Восточной Европой, ибо западнее Днепра древние финно-угорские этносы почти не отмечены; восточнее Урала адыгизмы нами отмечены лишь как перенесенные в связи с отходом

былых приднепровских угров на север современной Тюменской области (предки современных манси и хантов) (8).

III. Топонимы с -щи/-чи. Такие топонимы — и в виде прежде всего -ичи привлекли внимание ряда авторов, из числа которых выделяем А.М.Селищева. В течение середины XX в. был собран весьма большой фактический материал, в известной мере обобщенный С.Роспондом. Полагают, что суффикс -ичи восходит к праслав. **-itjo*, который, по мнению С.Роспонда, имел патронимическое значение (9, с. 46-50). Мы прежде всего отметим то, что в русских топонимах видим два варианта финалей — по согласному (*ч-щ*) и по конечному гласному. Последнее объясняется тем, что у восточных славян такие топонимы имели конечный *-и*, понимаемый как показатель множественного числа, или конечный *-е* под влиянием слова *село*: *Ляховичи* — но *Мостище*. Исходным, базовым компонентом для суффикса таких топонимов считаем адыгский корень, выступающий в каб. как *щIы*, в адыгейск. — как *чIы* при одинаковом значении «земля».

Мы согласны с авторами, говорящими о том, что для людей древнейшего периода были номинации для воды и земли, — затем — берега или горы. Вторым этапом было определение качества воды и земли, что было важно не только для жизни, но и для скотоводства и земледелия. В Предкавказье и Предстепье много хороших земель, поэтому топонимы с *ч/щ* редки, в лесостепи такая необходимость начинает возникать. Здесь иногда топоним выступает без «явного» элемента *ч/щ*, например в Белгородской области (далее — БО), ойконим *Шипы́* прямо связан с каб. *щIыпIэ*. Но компонент *щ* в ойконимах БО представлен и с четким суффиксальным локативным значением: название с. *Хуторище* означало не «огромный хутор», а «место, где хутор», с. *Осколище* — «земля/место у р. Оскол», подобно — с. *Мостище*, с. *Огнищево*; *Городище* — трижды. Последний ойконим, как и *Селище*, известен широко. Ойконима *Селище* в БО нет, но есть интересный ойконим *Селишко*. Это название с е л а, поэтому суффикс уменьшительности невозможен; понимаем слово как сложение слав./рус. *село* и адыг. *щхьэ* «голова, главный» (в записи Ш.Б.Ногма — *шхо*). И здесь наш ойконим сохраняет адыгский архаизм, ибо в современном каб. языке значение «главный» передается иначе — *нахъыщхьэ, нахъапэ*. В БО выделим еще ойконим *Фищево*: здесь возможно сложение адыг. *фIы* «хорошая» и *щIы* «земля». Во всех приведенных нами и приводимых другими авторами топонимах очевидна первичность компонента в виде каб. *шIы* или адыг. *чIы*

«земля/место», то есть первично топографическое, а не посессивное значение. Именно первым мотивированы вост.-слав. этнонимы *дряговичи*, *радимичи* (для *радимичи* отметим в коми языке *рада* «болотистый лес»): слав. *дрягва* «болото» + *чи* «земля» = «болотная земля», что справедливо для Полесья, затем только — «жители этой земли» как этноним.

По мере продвижения к северу и северо-западу от лесостепи увеличивается количество «трудных» территорий, возникает необходимость более точной ориентации и соответствующего выбора — резко увеличивается — от Северного Донца до Полесья — количество топонимов с элементом *ч/щ*, к западу изменяющимся в *ц*. Это хорошо видно в направлении от Белгорода-Харькова к Брянску, Гомелю, Минску и Новгороду. Показательны топонимы Белоруси, где видим прямо адыгизмы, например, *Бытча* при *быдэ* «твердая» + *ч-а* «земля», и славянско-адыгские композиты типа *Болотичи* «болотная земля».

Слависты обычно пишут о суффиксе *-ичи*. В отношении конечного гласного мы высказались, требует внимания первый звук *и*. В нашем и известном нам по публикациям материале топонимы перед *ч/щ* могут иметь этот звук и могут не иметь его. В этой связи нужно обратить внимание на два типа адыгских сложений с атрибутивным компонентом: в одном типе есть компонент *и (Инал и махуэ* «Иналов день»), в другом его нет *(аслъэн макъыр* «львиный рев»). Первый тип близок к изафету, второй понимаем как более древний. В Восточной Европе представлены оба типа: *Бытча, Унеча — Болотичи; Столбище* в БО, *Кючищи, Столбищи* близ Казани.

В Среднем Поволжье топонимы с *ч/щ* могли быть перенесенными, могли сложиться и при участии некоторой доли адыгских этнических групп. О последнем позволяют думать названия рек *Иж* — правые притоки Камы и Пижмы — при каб. *ижь* «правый», *Шахунья* — при каб. *щхьэхынэ* «ленивая», что соответствует спокойному течению реки. Суффикс со звуком, обозначаемым буквой *щ*, закрепился в рус. апеллятивах типа *пожарище, кладбище* уже только со значением «место». В этой общей связи кажется возможным обратить внимание на локативные финали форм субстантивов марийского языка: *pörtəšto* «в порту», *pörtəštö* «в доме», *kŭvarəšše* «на мосту» (10, с. 95). Мотивации компонентов *ст/шт* в таких финалях финно-угорские языки не дают.

IV. Суффикс -ин-. В русском языке есть несколько омонимичных суффиксов *-ин-*; выделяем из них один — со значением «большой»: совр. *домина* от *дом*, старорус. *купчина* «крупный/богатый купец», др.-рус. *детина* от *детя, дитя* и др. (В рус. *детина* сейчас относят к взрослому мужчине; старое значение сохранилось в коми языке: *детина* «мальчик»). С этим значением суффикс *-ин-* прямо соответствует морд. слову *ине* «великий; большой» и каб. слову *ин* «большой; важный; взрослый» (*мафIэс ин* «большой пожар»). Древность слова в морд. свидетельствуется морфологической лексикой и фразеологией (*инегуй* «большой змей», *ине кужо* «царь кукушек»), в каб. — полисемией. Трудно решить, что больше повлияло на славян, ибо в прошлом и адыг. сочетания и сложения могли иметь препозитивный определитель.

Слова с таким суффиксом *-ин-* имели место уже в общеславянском — *храмина* от *храмъ* и др., причем слова абстрактного значения создавались непосредственно присоединением суффикса к корню: *глубина* от *глуб-*, а не от *глубок-* (11, с. 294), подобно *—ширина, вышина* и др. Если древние финно-угры почти не обитали западнее Днепра, а бóльшая часть адыгов занимала более южные земли Восточной Европы, то западные и южные славяне вынесли образования с суффиксом *-ин-* «большой» именно из изучаемого нами региона, а восточное славянство оказывается более древним, чем другие ветви славян.

Для восточных славян/русичей важно то, что суффикс *-ин-* именно в Восточной Европе участвовал в создании своеобразных макротопонимов от разных баз с компонентом, восходящим к адыг. *чIы/щIы* «земля», затем — «место»: *Белгород+чи+ин+а = Белгородчина* (при слиянии гласных), *Харьковщина, Орловщина, Могилевщина, Новгородчина* и др. Полагаем, что в формировании вост.-слав. слитного суффикса *-чин-а/-щин-а* определенную роль играла семантика коми (и общепермского) слова *ин* «место» (КЭСК) при возможности волжско-пермской мотивации для ряда южно-русских топонимов (12).

V. «Мужской» суффикс -л-. В русском языке есть значительное количество слов общеупотребительного и разговорного характера, содержащих компонент *-л-*. Из них выделим др.-рус. имена *Ярило* от *ярый*, *Томила* от *томить* (муж) и современные названия людей при двух вариантах модели: *верзи́ла, громи́ла, страши́ла — трепло́, брехло́*. Часть такой лексики позднего образования приобрела смысл общего

рода — *запева́ла, подпа́ла* и др. (13). Изученность *л*-модели в иностранных языках нам неизвестна; для восточных славян первичным представляется отнесение таких слов прежде всего к лицам мужского пола.

Для выяснения древней семантики суффикса обращаемся прежде всего к мордовскому материалу. В эрзянско-русском словаре находим *чувтола* «тупой (о человеке)» от *чувто* «дерево», *эчкела* «толстяк» от *эчке* «толстый», «тучный (о человеке)»; в русско-эрзянском словаре к рус. *дикий* приведено *чаво*, с этим же компонентом видим два аналога к рус. *дурак — дурак. чавола, чаво пря, аптюк; чавола* приведено и к слову глупый. Если *чаво пря* «дурная/глупая голова», то *чавола* следует понимать как «глупый человек». Но *чавола* — не сложение, а единое слово, в котором финаль играет роль не корня, а аффикса. В русско-эрзянском словаре приведено *злючка* как разговорное для муж. и жен. лица с морд. *кежела, кежей ломань, кежиявтниця ломань*, то есть при *кежей* «злой» — *кежей ломань* = *кежела*. Следовательно, в ряду *чувтола, эчкела, чавола, кежела* финаль *-ла* имеет значение «человек», но не как лексическое, а как аффиксальное, что говорит о древности этой финали с опорным согласным *-л*. Возможно, этот же компонент отражен в *аля* «молодец» и в сочетании *мазый аля* «красавец» (при *мазый ава* «красавица», где *ава* «женщина»). Можно предположить, что *л*-компонент вошел и в слово *ломань* «человек» при втором компоненте *-мань* «человек», общем для финно-угров и части индоевропейцев, при раннем значении «человек вообще» с позднейшим разграничением: *цёра ломань* «мужчина» и *ава ломань* «женщина». Так или иначе, но *л*-компонент в мордовском является лишь аффиксом или частью слова, но не мотивируется материалом других финно-угорских языков.

Из других финно-угорских народов обратим внимание на саамов, которые (по нашим материалам) ранее жили в южной части Восточной Европы, хотя материал с корнями *сум-* и *лоп-* массово представлен на севере (14). Интересующая нас лексика не многочисленна. Из важных для нас фактов приведем *мёххьцла* «охотник» при *мёххьц* «охота», *рушшла* «русский (человек)» при *рушш* «русский», *са̄ммьля* «саами (человек)» при *са̄мь* «саами (национальность)». В *мёххьцла* смысл *л*-компонента — «человек, именно мужчина», в двух других — «человек». Но мотивированности *л*-компонента и здесь не находим.

Немотивированный *л*-компонент есть и в литовской лексике: *pamišėlis* «безумец» от *pamišęs* «безумный», *storùlis* «толстяк» от *stóras*

«толстый», *vẽpla* «зевака» от *vèpsóti*, *žioplỹs* от *žiopsóti*, причем и в других семантических группах именований мужчин: *pirklỹs* «купец» от *pirkti* «покупать», *pabẽgėlis* «беженец» от *pabẽgti* «бежать» и др. Мотивации *л*-компонента балтийские языки тоже не дают.

Обращаемся к адыгским языкам. В каб. есть самостоятельное слово *лIы* «мужчина». Это слово для современного языка устарело, соответствующее значение передается другим словом *цIыхухъу*, но *лIы* используется как просторечное и, кроме того, входит в целый ряд производных и сложных слов: *лIыгьэ* «мужество», *учэнэлI* «ученый муж» и др. Следовательно, у восточных славян и финно-угров произошла и в этом случае дерадиксация адыгского корневого слова *лIы* «мужчина», превратившегося в суффикс или компонент суффикса. Такой процесс мог осуществляться только при весьма длительном, хотя и «чересполосном» (Н.Ф.Мокшин), но содружественном обитании тех народов, о которых мы говорим. Балты давно отошли к северо-западу, но русичи и финно-угры контактов с адыгами не должны были терять тысячелетия, чтобы *лIы* «мужчина» отразился в *л*-компоненте нескольких неродственных языков, но связанных с Восточной Европой. Отсюда следует вывод о существовании в прошлом адыгских этносов, обитавших не только в южной, но и в средней, и в северной части Восточной Европы. Это подтверждается также наличием гидронимов и некоторых ойконимов с начальной группой *пс-* при каб. *псы* «вода», а этот корень широко представлен и весьма устойчив в адыгской топонимии (15). В Восточной Европе на юге — каб. название р.Кубани *Псыж* «вода/река старая», в центре — *Псёл* с притоками *Пселец* и *Псинка*, в Новгородской обл. — *Псижа*, в Витебской — *Псой*, на юго-западе — рукав Днепра *Псоля*.

Ареал *пс*-топонимов и рассматриваемого нами материала помогает понять древность возникновения так называемого аканья, особенно яркого у русских и у белорусов (мощность аканья в совр. южно-русских областях известна, именно здесь были заложены основы самого процесса. Распространение его было связано с рядом разных причин. Для понимания связи между русским и белорусским аканием нужен учет вторжения скифов с востока в VIII-VII вв. до н.э. — этим обусловлен отход к северо-западу стариков, раненых, женщин и детей в леса и болота Брянщины, а затем в Полесье. Вторжением Дария был усилен такой же отход части славян и финно-угров к северу. Адыгские этнические компоненты были в обоих случаях. «Великое переселение народов», вторжение гуннов, волны булгар,

татаро-монгольское нашествие еще более усложнили картину языковой жизни исконных народов Восточной Европы), а также причины «синусоидности» вокализма во всех индоевропейских языках и части языков финно-угорских — при одном или двух гласных в древнем состоянии адыгских языков, но при богатом их консонантизме.

VI. Ун-. Название г.*Унéча* Брянской обл. имеет аналог в Белоруси, где есть еще с. *Уна*, с названием которого сходен ойконим *Уни* в Кировской обл. Эти названия средствами слав. и индоевр. языков не мотивируются. В Поучении В.Мономаха записано: «иде же станете, напоите, накормите унеина». Предложенное еще в конце XVIII в. толкование слова *унеин* как «хозяин дома» при каб. *унэ* «дом» было забыто, а затем отвергнуто, ибо, как полагали, в языке восточных славян нет других слов кабардинского/адыгского происхождения (17, с. 138). Собранные нами и другими авторами материалы позволяют подтвердить старое толкование слова *унеин* как «хозяин дома». Ойконим *Унеча* прямо соответствует каб. *унэщIэ* «новоселье», букв. «дом новый», а *Уна* и *Уни* семантически перекликаются со среднерусским ойконимом *Домики*. Кроме того, нужно учитывать следующее:

1) топонимов *Уна*, *Унеча* за Уралом, кажется, нет;

2) слово *унэ* материально и семантически сопоставимо с фин. *huone* «комната; помещение; строение», эст. *hoone* «здание»*. Если *унэ* в каб. и не исконно, то более связано с финским, а не тюркским материалом;

3) топоним *Унеча* строго соответствует каб. словообразовательной модели с постпозицией атрибутивного корня при том же месте ударения;

4) рус. *унеин* создано от иноязычного корня по славянской модели с помощью суффикса *-ин* (ср.: *русин*, *немчин* и под.). Для вхождения в такую модель корень должен быть хорошо освоенным, заимствование его — древним;

5) возможность толкования слова *унеин* и других с начальным *ун-* соотносительна с наличием топонимов с начальным *пс-* в Восточной Европе. Для славян и финно-угров начальные группы согласных были необычны; логично предположить утрату одного из согласных, скорее всего — смычного. Недавнее заимствование в рус. из фин. *сауна* — хорошо оборудованная баня — можно понять в фин. как

---

* Благодарим за справку по этой группе слов проф. Ф.И.Гордеева.

восходящее к адыг. сложению *(п)сы* «вода» + *унэ* «дом» = «дом с водой, дом для мытья водой» — и здесь видим корень *унэ*.

Изложенный материал позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

1. Кроме известных типов межъязыковых связей — субстрата, суперстрата и адстрата — следует мотивированно выдвинуть понятие к о н с т р а т а как процесса длительного и содружественного взаимодействия нескольких народов/этносов на общей территории при совместных или локально ограниченных, прежде всего, трудовых, а затем и иных действиях.

2. В Восточной Европе констратными отношениями охвачены прежде всего восточные славяне, финно-угры и адыги, причем с древнейших времен, иначе была бы невозможна дерадиксация адыгских корневых слов, отразившаяся в связанных корнях, а чаще в аффиксах, различных, причем неродственных народов.

3. Наиболее древним в этой этнолингварной связи по нашим материалам следует считать адыгский компонент (мы говорим только о фактах адыгской семьи языков, не касаясь «яфетической» теории акад. Н.Я.Марра, работы которого относятся к периоду, когда языки народов Кавказа были еще весьма слабо изучены).

4. В этих констратных отношениях восточные славяне занимают своеобразное серединное положение, то есть положение в зоне лесостепи, что соответствует былому обитанию двух поздних племен восточных славян по Дону, Северному Донцу, частично — по Оке. Общеславянские факты, содержащие адыгские компоненты, могли сложиться только в Восточной Европе, что подтверждает наибольшую древность восточных славян по отношению к южным и западным, хотя связь южных славян с восточными бесспорна.

5. Содружественность древних местных этносов видна из следующего. Тюркская речь в Восточной Европе начала звучать с IV в.н.э., но за полтора тысячелетия ни одно тюркское корневое слово не превратилось в речи восточных славян в аффикс. Для появления фактов, приведенных в нашей статье и касающихся восточных славян, финно-угров и адыгов, период мирного контактирования их предков должен быть еще более длительным; условно начало этого периода относим ко II тыс. до н.э.

6. В XX в. распространяется научное исследование проблем международных этно- и лингвоконтактов, объединяемое понятием интерлингвистики (18). Наш материал показывает ***народную интерлингвистику***, которая осуществлялась в условиях длительного мирного сожительства древнейших обитателей Восточной Европы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Серебренников Б.А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

2. *Федорова М.В.* Русское аканье и контактные зоны // Сравнительно-исторические исследования русского языка. Воронеж, 1980.

3. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды, т. I. Нальчик, 1956; т. II. — Нальчик, 1959.

4. *Каруанов Б.М., Бичоев А.Т.* Русско-кабардинско-черкесский словарь (Под ред. А.О Шогенцукова). М., 1955.

5. *Лыткин В.И.* Примечания в книге Д.В.Бубриха «Историческая морфология финского языка». Л., 1956.

6. *Хаузенберг Ану-Реэт.* Рецензия на канд. диссерт. Г.А.Некрасовой. *Л*-овые падежи в коми языке // СФУ, № 2, Таллинн, 1988.

7. *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977.

8. *Федорова М.В.* Славяне, мордва и анты. Воронеж, 1976.

9. *Роспонд С.* Структура и стратиграфия русских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972.

10. *Майтинская К.Е.* Об отграничении слова от части слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л., 1963.

11. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

12. *Федорова М.В.* Следы финно-угорского населения на территории Белгородской области // Истоки. Вып. I. Белгород, 1993.

13. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1997.

14. *Миикин А.А.* О саамских этнонимах // Этническая топонимика. М., 1987.

15. *Коков Дж.Н.* Кабардинские географические названия. Нальчик, 1968.

16. *Федорова М.В.* Славянско-адыгские этюды. — Депонир. рукопись. Белгород, 1987.

17. *Лафин Б.А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII вв.) М., 1975.

18. *Домашнев А.И.* К проблеме языка общения в объединенной Европе // Вопросы языкознания, 1994. № 5.

Marina Fyodorova

CONSTRAT PHENOMENA IN EASTERN EUROPE

1. Besides the well-known types of language interrelations (substratum, superstratum and adstrat) we could offer one more notion, the notion of constrat as the result of long-term collaborative contacts among several nations inhabiting a common territory and engaged in a joint labour activity.

2. In Eastern Europe constrat relations embraced the eastern Slavs, Finno-Ugrians and Adygs, those relations probably existing for a long time.

3. According to our research materials the Adyghian component should be considered the most ancient link in this ethnolinguar chain.

4. We conclude that for the emergence of the facts dealt with in the article the period of peaceful contacts among the ancestors of the eastern Slavs, Finno-Ugrians and Adygs must have been very long, approximately since the II millennium B.C.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Павел Лимеров
Сыктывкар

КУТТЯ-ВОЙСА – СВЯТОЧНЫЕ ДУХИ КОМИ

Проблема переправы через водное пространство занимает в концепции загробного мира исключительно важное место. Главным образом, это связано с восприятием переправы в связи с идеей посмертного воздаяния, в соответствии с которой души грешников не должны пройти в мир предков. Поэтому переправа мыслится как переход по «шатающемуся бревну» (1, с.7), «узкой жерди» и т.д., т.е. как чрезвычайно трудное мероприятие, буквально непреодолимое для «нечистых» умерших. Идея посмертного воздаяния сопрягается с представлениями о заложных покойниках, которые, по справедливому замечанию В.А. Успенского, «вообще не переходят огненную реку, т.е. не попадают на «страшный суд» (2, с.144). Не достигнув загробного мира, заложный покойник как бы обрекается на блуждание в мире живых, сопровождаемые вредоносной для живых деятельностью. С другой стороны, трудности перехода в мир предков наводят на мысль о местопребывании душ «нечистых» покойников в воде. Характерно, что в христианском осмыслении водное пространство, отделяющее тот свет, может иметь вид «огненной реки», «смоляного озера» или «горячего источника», ассоциирующихся с адом, в котором принимают мучения души грешников (2, с.144). В вертикальной развертке модели космоса ад может располагаться под водой. В связи с этим можно привести термин *вакрамеш* в обозначении ада (3, с.243). По всей видимости, это комизированное русское словосочетание *ад кромешный* однако, в результате ассимиляции в слове появляется форманта *ва* «вода», дающая термину смысловой оттенок места, находящегося в сфере воды.

Заложные покойники исключаются из комплекса поминальных ритуалов, регулирующих отношения живых и мертвых. Это является одной из главных причин их озлобленности и обуславливает их переход в категорию злых духов. Не достигающие мира предков и практически не понимаемые, заложные покойники как бы теряют свой индивидуальный облик и растворяются в сонме нечистой силы.

Этот сонм или некое множество нечистой силы уже обозначается другим термином, нежели просто души умерших. Как правило, генезис злых духов осознавался носителями традиции. Так, считалось, что «ведшие при жизни неправедный образ жизни — колдуны, конокрады, беглые и др. могут попасть в разряд мелких злых духов — кереметей. Число подобных духов постоянно увеличивается, потому, что к ним присоединяются умершие вообще насильственной смертью» (4, с.106). Часто образы таких духов совпадают с образами духов воды и леса. Эта закономерность отмечена Д.К. Зелениным, материалы которого показывают, что во многих Российских губерниях лешие, водяные, русалки считались «бывалошными» (древними) людьми, над которыми тяготеет проклятье. «Леший говорит о себе: Я такой же человек, как и все люди, на мне только креста нет, я проклят, меня мать прокляла» (5, с.24). По представлениям мордвы, лесные бабы (вирь-авы) постоянно пополнялись за счет проклятых детей и самоубийц (6, с.147). Удмуртские *кутыси* — «души умерших не своей смертью, не получающие обычного пропитания: духи утопленников, убитых, подкидышей и т.д. Озлобленные, голодные, они напускают на тех, кто имел несчастье с ними столкнуться, болезни и вынуждают дать жертву, точь-в-точь как черемисские *вадыши** .

В тех случаях, когда обстоятельства появления *кутыся* помнятся, он занимает место между душами умерших, — но наступает момент, когда они забываются и являются *ву кутыси*, которые естественно, помещаются рядом с духами ручьев, рек — ву-муртами» (7, с. 223). Последнее рассуждение принципиально важно, поскольку оно обнаруживает связь образа заложных покойников со стихией воды. Ближайшей параллелью *ву кутысям* являются коми-пермяцкие *ичетики* — души утопленных в воде младенцев. И.Н. Смирнов отмечает, что в

---

* Данная цитата не совсем удачна: И.Н. Смирнов был не прав, сводя сложный образ марийского *водыж'а* к злому духу умершего неестественной смертью, насылающему болезни. *Водыж* — дух-хозяин, покровитель чаще всего дома (*кудо-водыж*), огня (*тул-водыж*), воды (*вуд-водыж*), земли (*мланде-водыж*), и его генезис гораздо более сложен, а функции — более многообразны, чем это следует из текста (см., например: [Holmberg U. Tsheremissien uskonto. Porvoo, 1914, s. 32-34, 63-64]). Равным образом и удмуртский *кутысь* «злой дух дурного места, пугающий людей и насылающий болезни, связанные с потерей сознания, умопомешательством и т.д.» (букв. «хватающий») отнюдь не обязательно является духом умершего не своей смертью (Здесь и далее комментарий редакции).

народных представлениях *ичетики* сливаются с водяными, как и вотяцкие *кутыси*. «Ичетики начинают рассматриваться как владыки вод и рыбы; рыбаки бросают им перед ловом рыбы частицы яйца, блины, деньги, клочки ситца» (3, с.248). Вместе с тем в среде водяных оказываются и утонувшие. Показательно представление о том, что утопленник считается подмененным (вежӧм), а не умершим, и под водой он живет жизнью, свойственной водным духам. В приведенной И.Н. Смирновым былинке утонувший становится одним из *ичетиков* и выполняет все характерные для них действия (3, с.247). С водной средой связаны также и коми-зырянские *куття-войса*, в генезисе которых А. Грен предполагал умерших, и «в особенности тех умерших, которых не похоронили как следует» (8, с.32). Приуроченность деятельности *куття-войса* к святочному периоду позволяет объединить их с коми-пермяцкими *чудами, шулейкинами*, а также с удмуртскими *вожо* в один класс святочных духов. Термин «святочные духи» достаточно условен, поскольку принят по одному аспекту существования этого класса духов, а именно по признаку активизации их деятельности в святочный период. Следует отметить, что представления об этих духах большей частью неразличимы от представлений о водяных. П.Г. Доронин пишет: «В воде живут многочисленные потомки Куль Васы (водяного — *П.Л.*), называемые «Куль» или «Куль пиян» (дети Куля), а в некоторых местах они носят название «Куття-войса» (9, с. 137). А.И. Емельянов также отождествляет *вожо* с *ву муртами* — водяными людьми (10, с.125). Очевидно, необходимо дифференцировать водяных, и лучше для этого подходит принцип иерархии, когда более высокий статус принадлежит духам — хозяевам конкретной водной сферы: ручьев, рек, озер, болот, тогда как остальное множество духов считаются их детьми (кульпиян — дети Куля) или работниками (утопленниками). Таким образом, дифференциация водяных духов может быть выражена отношением единичного к множественному, причем последнее редко имеет дискретный характер, поскольку индивидуальные черты более присущи духам-хозяевам, подчиненные же духи, как правило, выступают в общей массе.

Подводный мир рисуется как соответствие реальному, земному. Как правило, хозяин воды живет в крестьянской усадьбе, имеет жену, разводит жирных очень молочных коров (11, с.185). По представлениям удмуртов, «у водяного имеется в воде свой дом и семья. По народным сказкам он очень богат, у него много сокровищ и большие табуны скота» (10, с. 126). По всей видимости, аналогичным образом

была организована жизнь и низших по статусу водяных духов, дома которых образовывают подводные селения: «Мужика-гармониста вечером пригласили в компанию. Его усадили в сани и повезли к реке. Кони, сани и люди въехали в реку. В воде оказалась торная проезжая дорога. В одном из домов под водой происходил праздник. Все были празднично одеты, пили, пели, плясали под гармонь. Гармонист заметил, что все плясавшие, проходя круг, обмазывали себе лицо какой-то жидкостью. Потихоньку приблизившись к сосуду с жидкостью, мужик зачерпнул горстью и мазнул себе один глаз. Перед ним предстали галдевшие, кривляющиеся маленькие, мохнатые, ушастые люди — чуды» (12, с.16). Тем не менее, локализация духов не ограничивается исключительно водной сферой. В этом же тексте говорится о деятельности *чудов* на суше, среди людей, больше того, чудь в мифопоэтических воззрениях коми-пермяков имеет универсальный характер нечистой силы, обитающей в человеческих постройках: «в заброшенных домах, в банях, на гумнах, под овинами, в погребах, в избе за печкой, в подполье... Собственно, они и называются баня-чуд, овин-чуд и т.д.» (12, с.107). Удмуртские *вожо* могут жить в пустых, заброшенных за смертью хозяев домах. *Вожо* живут и плодятся как люди, притом, не исключается брачная связь между вожо и человеком, «плач маленьких *вожо* вотяки часто слышат около нежилых построек». По другим данным, *вожо* находятся на суше в темное время суток, а с пением петуха скрываются в воду (7, с.195). Пространство *куття-войса* (и шулейкинов) ограничено только водной средой, которую они могут покидать лишь в периоды зимнего и летнего солнцеворота (9, с.138), т.е. этими периодами ограничено и время деятельности *куття-войса*.

Время деятельности *вожо* и *чудов* оказывается практически неограниченным, однако, точкой наивысшей их активности тоже считается период зимнего солнцеворота (святочный период), в течение которого эти виды духов как бы получают право контакта с людьми. Святки являются одним из «кризисных» или переломных периодов годового цикла и характерны отменой символических границ между сферами реального и потустороннего. В.Н. Топоров видит в этой ситуации возвращение к некоей пространственно-временной точке, «которая становится зародышем («родимым» местом) будущего пространства и будущего времени, создаваемых заново в каждом новом цикле творения» (13, с.14). Иначе говоря, святочный период переживается как возвращение к исходной докосмогонической ситуации, которая в мифологическом сознании финно-угров связана с водя-

ным хаосом. Судя по активизации деятельности водяных духов в этот период, они как бы являются олицетворением хаотического водного начала. Таким образом, вторжение так называемых «святочных» духов в мир живых символизирует разрушение основной в данном случае бинарной оппозиции суша — вода, что соответствует и дальнейшему метафорическому исчезновению мира в подводной пучине, и дальнейшему разрушению фундаментальных позиций жизнь — смерть, космос — хаос в пользу последних.

Термин *куття* (*войса*) в обозначении святочного духа, а также периода святок омонимичен русскому слову кутья «поминальная каша», кроме того, на юге России *кутьей* называли рождественский сочельник (14, с.227). У коми *куття, куття дыр* обозначало святки, поэтому термин в названии духов часто переводят прилагательным «святочный» (ср. *«куття войса»* букв., святочные ночные; *куття васа* святочные водяные — 15, с.55).

Представляется возможным связать этимологию слова с происхождением образа святочного духа. Известно, «на кутью» в сочельник приглашались души умерших предков. По убедительному объяснению Л.Н. Виноградовой при этом соблюдалось «правило табуирования имен умерших, которых следовало пригласить и накормить...», отсюда возникновение эвфемистических наименований приглашаемых: «мороз», «волки» и другие звери, колдуны, ведьмы, деды и т.п. (16, с.203-205). Термины могли возникать от наименования ритуальной пищи (ср. русск. *кутейник* — шуточное прозвище церковников, причетников). С другой стороны, в таких поговорках, как «Где чует кутью туда и идет кутейник»; «Вари кутью, а кутейники придут» (14, с.227), угадываются образы мифологических существ. По украинским материалам, *кутья* воспринималась как «мифологическое существо, которое изгонялось в крещенский сочельник»; «прогоняли кутью» (16, с.217). По-видимому, происхождение термина и образа *куття* можно объяснить переносом наименования ритуальной пищи на ее концептуальных потребителей в результате табуирования настоящих имен умерших. Так, диалектный вариант *куття вошса* букв. «приглашенный к кутье», *«вошйы да сибёдчы»* — обращение к умершим родственникам, означает приглашение к хлебу и к каше» (17, с.126). Однако, не исключена возможность заимствования форманта *кут* из тюркских языков, где *кут* «душа, дух; счастье, благополучие». Татарское выражение *кот очу, кот чыгу* «отлет или выход кот'а» связано с тем, что воздушный *кут* при крайнем испуге вылетает из тела. Возможны и более широкие

параллели (ср. удм. *кутысь*; мар. *кут* «дух»; «присутствие духа», *кут лекташ* «перепугаться» (букв. душа вон), *кетки!*, *куш* «дух — помощник шамана» — 18, с.34-36). Исходя из этого, *куття войса* (васа) этимологизируется как «ночной (водяной) дух»* .

Вместе с тем, формант *кут-* содержится в обозначении собаки, щенка, кути, кутян, кутю (ср. венг. *kutya* «собака», манс. *kūijuw* 'тж') (19, с.147)** . Известен мифопоэтический статус образа собаки как воплощение заложного покойника. «По германским верованиям под видом черных собак с огненными глазами скитаются по ночам души самоубийц, людей изменнически убитых, великих грешников. По польским поверьям в образе собак выходят из воды души утопленников, возвращаются на свет души ведьм, самоубийц» (20, с. 256). У коми: «Мать самоубийцы должна любить и кормить собак» (21, с.20). Летские коми считают, что пропавший в лесу или уведенный нечистой силой вследствие проклятия может вернуться домой под видом собаки или лисы (22, с.20). Собакам отдавались остатки поминальной трапезы, при этом по поведению собак судили об отношении покойников к угощению (1, с.3). Связь образа собаки с образом заложного покойника эксплицируется в некоторых диалектных терминах, обозначающих святочных духов: *кутюр* (*кутю юр*) букв. «собачья голова», *кутюкок* букв. «собачьи лапы». Обско-угорский образ злого духа *куль* наделялся собачьей головой (23. с.24). Данные о подобных взглядах имеются в работе И.Н. Смирнова: «Умерший муж одной пермячки пришел однажды ночью домой. Встав перед постелью жены, он разбудил ее и , дрожа от холода, стал просить погреть ему руки. Женщина взяла его руки, но сейчас же выпустила их: вместо человеческих рук она ощутила *собачьи лапы*» (3, с.246). Вместе с тем осознается отношение образа духа к сфере воды. Выражение *кутюр койд ва* «мокрый с ног до головы» в буквальном переводе означает «мокрый как кутюр». Явная связь образа умершего с образом собаки коррелирует с представлением о «нечистоте» умер-

---

* Тюркское **kut* «душа», равно как и заимствованные из тюркских языков мар. *кут* 'тж', кет. *кут* «дух — помощник шамана» не имеют никакого отношения ни к коми *куття* (из рус. *кутья*, как справедливо пишет выше автор), ни к удм. *кутысь* (причастие, nomen agentis от удм. *кутыны* «хватать»). Об этимологии *куття* < рус. *кутья* и о связи *куття войса* со «святочными духами» удмуртов (*вожо*) и др. см. [Holmberg U. Permalaisten uskonto. Porvoo, 1914, s.162].

** Коми *куття* никак не связано ни с ностратическим корнем **Kut* —«собака», ни с его дериватами в финно-угорских языках, приводимыми автором.

шего и о «нечистой» природе «мохнатости» собаки. По мифу, происхождением своей шерсти собака обязяна Омöлю (Дьяволу), поэтому шерсть, мохнатость генетически считается маркером мифологического низа. Противопоставление волосатости-безволосости в иной кодировке выглядит как оппозиция мертвого и живого. В частности, она угадывается в известном обычае собирать выпавшие или остриженные при жизни волосы для того, чтобы взять их с собой в загробный мир (1, с.15), в котором можно увидеть намек на будущую, загробную волосатость человека. В связи с этим можно привести оппозицию *кушпель* «голоухий» человек - *гöнапель* «мохнатоухий» (леший) коми фольклора, а также восточнославянские представления о волосатости лешего и водяного (2, с.87). Волосатость и близкую по семантике зооморфность можно считать характерными признаками облика некоторых святочных духов. По данным В.Климова, «*Чуды*, злые духи,облик имеют человеческий, но очень страшные: мохнатые, ушастые и всегда черные, вместо ступней ног - копыта, обычно свиные» (24, с.122). Обычно чуды невидимы, однако, по утрам их следы можно обнаружить возле бань. Это отпечатки птичьих лап или «маленьких, будто детских ножек» (12, с.205). В местах захоронений чуды могут явиться в виде собаки, кошки или дикого зверя (25, с.135). В описании облика святочных духов отмечается их человекообразность, уподобление человеку, но не тождественность; подчеркивается, что они могут показаться в образе человека, но на самом деле они *другие*. Человекообразность духов обманчива: так, в примере, приводимом И.Смирновым, парень едва не женился на девке-вожо, и только благодаря вмешательству попа увидел, что это не девка, а деревянный чурбан (ср. представления коми о *вежöм*). В целом, облик святочных духов составляют признаки прямо противоположные признакам человека. Так, облику *куття-войса* соответствует эпитет «ледяные» (26, с.102), в котором угадывается оппозиция теплу человеческого тела как мертвое живому. Маркером «чужого» является черный цвет духов, хотя «чужой» может быть любого цвета, отличного от белого. Например, северорусские святочные духи *куляши* — «маленькие чертенята разных цветов» (27, с.35). М.Фасмер предполагает здесь производное от коми *куль* «злой дух» (28, с.413). Черный цвет, как и малый рост духов могут служить показателем их невидимости.

Святочные духи могут быть как мужского, так и женского пола. По И.Н.Смирнову *вожо* «плодятся как люди; плач маленьких *вожо* вотяки часто слышат около нежилых построек» (7, с.195).

В.Н.Белицер отмечает, что шулейкины во время святок «катаются по деревням со своей семьей на маленьких лошадках» (29, с.319). То же самое можно сказать о *чудах*, которые «живут как люди: едят, пьют, парятся в банях, веселятся, женятся. Они держат скот, ездят на лошадях» (12, с.107). По В.П.Налимову, *куття-войса* — духи только женского пола, с распущенными волосами и приятным голосом. Эта информация сближает *куття-войса* с известным образом русалки. Однако, сам В.П.Налимов тоже видел противоречивость этой информации, отмечая, что *куття-войса* «имеют детей». Обращают на себя внимание такие атрибуты *куття-войса*, как железные санки и железная прялка. Убегая, духи поют глухим голосом: «Кӧрт даддьӧй коли, кӧрт печканӧй коли.-Железные мои санки остались, железная моя прялка осталась». В материалах по Нившере, куття-войса оплакивают оставленных на земле детей, прялки и сани (30). Следует отметить, что наибольшую опасность *куття-войса* представляют для детей. В святочный период детям запрещали выходить поздно вечером на улицу: «Не гуляй поздно, унесет *куття-войса*». Укладывая их спать, говорили: «*Куття-войса локтӧ*» — «куття-войса идет». Запрещали также детям кататься в святочный период на санках с крутых речных берегов, «а не то *куття-войса* утащит в прорубь» (15, с.35). Атрибутика *куття-войса*, очевидно, связана с их обратным, по отношению к людям, поведением. Так, в святки запрещалось производить ряд домашних работ, в том числе и прясть, запрещалось кататься на санях с гор. С другой стороны, санки являются одним из основных атрибутов умершего; в прошлом умершего на кладбище обязательно доставляли на санях, которые после похорон оставлялись на могиле (15, с.35). Запрет катания на санях отсылает также к мифологеме загробной скользкой, ледяной горы, которую не в силах преодолеть нечистые умершие, скатывающиеся с нее в воду. Нарушителей запрета *куття-войса* утаскивают в прорубь, имплицирующую здесь идею входа в преисподнюю.

П.Г.Доронин отождествлял термины *куття-войса* и *куль, куль пиян*, считая их диалектными обозначениями одного класса мифологических существ. Если полагать термин *куття* эвфемистическим заимствованием, то термин *куль* является исконным, происхождение которого восходит к прафинноугорскому обозначению злого духа **kolja*. В мифопоэтике коми термин куль обозначает также водяных духов *куль васа, вакуль*. Кроме того, корень *кул* имеет значение

смерти: *кулӧм* «смерть, мертвый, умерший»*. Совпадение корневого форманта указывает на генетическое родство святочных и водяных духов с духами умерших, равно как на изоморфность образов нижнего мира, мира мертвых и воды. Эту изоморфность в свое время проницательно отметил П.Г.Доронин, который считал, что «местопребыванием душ умерших первоначально предки коми считали реки и водные бассейны... В мифологии коми смерть человека чаще связывается с водяными божествами Васа или Куль Васа».

---

* Коми *куль* «черт, водный дух» (<ПФУ **kol(ja)*) и *кул* — «умирать» (<ПУ **kole-*) непосредственно друг с другом не связаны, хотя предположения об общем происхождении этих корней на прафинно-угорском уровне было бы не лишено смысла.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Нашмов В.П.* Загробный мир по верованиям зырян //ЭО. 1907. Т 72. № 1-2.
2. *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
3. *Смирнов И.Н.* Пермяки//ИОАИЭ. Казань, 1891. Т. IX. Вып. 2.
4. *Кузнецов С.К.* Культ умерших и загробные верования черемис // ЭО. 1904. № 1-3.
5. *Зеленин Д.К.* Очерки русской мифологии. Пг., 1916.
6. *Шахматов А.Н.* Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.
7. *Смирнов И.Н.* Вотяки // ИОАИЭ. Казань, 1890.
8. *Грен А.Н.* Зырянская мифология // Коми му. 1924. № 1-10.
9. *Доронин П.Г.* Первобытно-общинный строй на территории Коми. Рукопись 1948 г. // Архив КНЦ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 34. 137.
10. *Емельянов А.И.* Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921.
11. *Конаков Н.Д.* Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX вв. М., 1983.
12. *Грибова Л.С.* Пермский звериный стиль. М., 1975.
13. *Топоров В.Н.* О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
14. *Даль В.В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 2.
15. *Конаков Н.Д.* От святок до сочельника. Сыктывкар, 1990.
16. *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. М., 1982.
17. Коми-русский словарь. М., 1961.
18. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. М., 1981.
19. *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
20. *Кингер В.* Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1911.

21. *Семенов В.А.* Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера: К реконструкции мифологических представлений коми (зырян). СПб., 1992.
22. Материалы фольклорной экспедиции в с. Летку Прилузского района в 1976 г. Соб. Ю.Г. Рочев //Архив КНЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 209 а. Л. 20.
23. *Хоппал М.* Куль //Мифы народов мира. М., 1992. Т.2.
24. *Климов В.В.* Заметки к преданиям о чуди //Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. Пермь, 1974.
25. *Кривощекова-Гантман А.С.* К проблеме пермской чуди //Вопросы лингвистического краеведения Приакмья. Пермь, 1974.
26. *Дукарт Н.И.* Святочная обрядность коми XIX — начала XX вв. // Традиционная культура и быт коми. Труды ИЯЛИ КФАН. Вып. 20. Сыктывкар, 1978.
27. *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
28. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. 2.
29. *Белицер В.Н.* Очерки по этнографии народов коми. М., 1958.
30. *Налимов В.П.* Личный архив // Архив отдела этнографии ИЯЛИ КНЦ.

Pavel Limerov

KUTTYA-VOISA – THE CHRISTMAS-TIDE GHOSTS OF THE KOMI

Kuttya-Voisa are associated with Christmas-tide and connected with the water medium. There is genetic affinity between the water and Christmas ghosts and those of the dead. It may be confirmed by the ideas of the Komi about the other world as the world of the departed and the water.

Kuttya-Voisa can be compared with the Komi-Permyak Chuds, Shuleikins as well as with the Votyak Vozho. It should be noted that the above-mentioned nations took those ghosts as water-sprites.

In the Komi language the words "kuttya" and "kuttya dyr" meant Christmas-tide that is why when used in nominating the ghosts those words are often translated as the attribute "Christmas". It seems quite possible to connect the etymology of the word with the origin of the Christmas-tide ghost image.

The Christmas ghosts may be both males and females, usually short and black.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Леонид Гильди
Санкт-Петербург

О ПРОБЛЕМЕ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ (российских финнов)

Десятки лет органы советской власти проводили этническую чистку Ленинграда и Ленинградской области от ингерманландцев. Если в конце 20-х годов ингерманландцы составляли свыше 20 процентов сельского населения области, то к началу 50-х годов остались чудом неизгнанными несколько десятков семей. Смерть И.В.Сталина, расстрел Л.П.Берии, наступившая «хрущевская оттепель» прервали сотрудникам госбезопасности и милиции возможность выполнить на все сто процентов ответственное, по их мнению, политическое задание.

23 апреля 1954 г. МВД СССР распорядилось освободить ингерманландцев из спецпоселений. Это распоряжение никогда в открытой печати не было опубликовано. О его существовании спецпоселенцы узнали много лет спустя, и не от органов МВД, а из справок, которые в 60-е годы начало выдавать Управление КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Так как содержание такой справки имеет принципиальное значение для оценки ее правдоподобности и в связи с тем, что она тиражировалась идентичным текстом для всех высланных на спецпоселения ингерманландцев, ниже приводится полностью ее форма.

СПРАВКА

Выдана (фамилия, имя, отчество), 19___ года рождения в том, что он(она) (число, месяц) 1942 года на основании решения Военного Совета Ленинградского фронта № 00714 от 20 марта 1942 года «в связи с обстоятельствами военного времени» был(а) принудительно эвакуирован(а) из города Ленинграда.

На основании распоряжения МВД от 23 апреля 1954 года все ограничения, связанные с принудительной эвакуацией, с (фамилия, имя, отчество) сняты.

Начальник подразделения (роспись, Ф.И.О.)

На первый взгляд, кажется странным, что сообщают о снятии ограничений не из МВД, а из Управления КГБ. А объяснить это можно тем, что архив о репрессиях против ингерманландцев находится в Управлении КГБ, и не надо быть ясновидцем, чтобы увидеть причастность обоих министерств к репрессиям, изгнанию из города и области ингерманландцев. Только их функции в этом деле были поделены соответственно их положению и профилю работы. В связи с этим оба эти ведомства ответственны как за проведение репрессий против ингерманландцев, так и за темпы осуществления и завершения их реабилитации.

В выдаваемых справках указывалось решение Военного Совета Ленинградского фронта, на основании которого осуществлялась «принудительная эвакуация». Придумана очень элегантная формулировка, т.е. вместо постановления о пожизненном спецпоселении ингерманландцев в справке записывали: «принудительная эвакуация».

Судьба ингерманландцев решалась на самом высоком уровне государственного и политического руководства страны. Находившиеся в Ленинграде летом 1941 г. Молотов, Маленков, Косыгин вместе со Ждановым составили и направили следующий документ:

«Совершенно секретно. Передано по ВЧ 29.08.41 в 10 часов. Москва, тов. Сталину.

Сообщаем, что нами принято решение о немедленном переселении из пригородов Ленинграда немецкого и финского населения в количестве 96000 человек. Предлагаем переселение произвести в Казахстан — 15000, в Красноярский край — 24000, в Новосибирскую область — 24000, в Алтайский край — 12000 и в Омскую область — 21000 человек. Организацию переселения возложить на НКВД. Просим утвердить это решение».

Разрешение было оперативно получено. До 8 сентября 1941 г., то есть до начала блокады Ленинграда, успели вывезти только 3000 человек. Блокада разделила ингерманландцев на две неравные части: большая половина их оказалась на территории, занятой немецко-фашистскими войсками. Немецкие оккупационные власти собрали их в концлагере Клооге, в Эстонии, и затем отправили в Финляндию. Здесь они работали, как и советские военнопленные, до 1944-1945 гг. Меньшая часть ингерманландцев осталась в Ленинграде и его ближайших пригородах. Они выполняли те же обязанности и несли такие же тяготы, как все блокадники. Как нам отвечали в Управлении КГБ по Ленинграду и Ленинградской области, они не

располагают фактами враждебной деятельности ингерманландцев-блокадников.

С наступлением весенних месяцев 1942 г., когда положение со снабжением продовольствием блокадников улучшилось, для ингерманландцев наступили новые тяжелые испытания. Высшие органы государственной власти и управления страны решили полностью и навсегда очистить Ленинград и область от ингерманландцев. Все указывает на то, что было принято по этому вопросу одно или несколько новых постановлений Государственного Комитета обороны (ГКО), но они до настоящего времени еще не рассекречены. Только на уровне ГКО можно было теперь заменить предлагавшееся еще летом Молотовым и утвержденное Сталиным переселение ингерманландцев на новый режим — бессрочное пожизненное спецпоселение, изменить также намеченные в августе 1941 г. места расселения на новые места спецпоселений: на побережье моря Лаптевых, в Якутию. Для вывоза ингерманландцев выделяли железнодорожный и водный транспорт, контингент внутренних войск для конвоирования и т.д.

Всего из Ленинграда и его пригородов было отправлено в конце марта 1942 г. по «Дороге жизни» около 28 тысяч ингерманландцев. До места назначения доставили, по приблизительным подсчетам, одну треть. Остальные погибли в пути следования спецэшелонов. Арестантский режим в эшелонах резко увеличил смертность дистрофиков. Умирали целыми семьями. Бездушная пьяная охрана трупы выносила из вагонов нерегулярно, складывали их или в первом вагоне, или, если далеко было нести, — в тамбурах товарных вагонов. Затем на узловых станциях трупы передавали похоронным службам. От истощения погибло много детей и женщин. У автора этих строк в одном из таких поездов «смерти» от истощения умерла мама в возрасте 46 лет, сохранив жизнь грудному ребенку. Больных, нуждавшихся в экстренной медицинской помощи, в больницы и госпитали не передавали.

Если бы спецпоселенцев расселили хотя бы временно на территории Вологодской, Кировской, Костромской областей, то только с помощью местного населения, без помощи государства, можно было спасти абсолютное большинство ушедших из жизни в этих спецэшелонах. Если в этих поездах оставались дети без родителей, то они убегали из эшелона, а несмышленышей определяли в детские приемники и детские дома. Здесь им давали новые русские фамилии и имена.

Много позднее некоторые сотрудники КГБ «оправдывались»: «Если бы всех не вывезли в Якутию, то унесли на Пискаревское или

Серафимовское кладбища». Бог им судья! Сама идея вывезти блокадников, переживших самую тяжелую зиму в Ленинграде, на спецпоселение на берег моря Лаптевых, в Якутию не имеет аналога по своей жестокости. Это одна из страшных трагедий в истории человечества.

Минуло более полувека со времени начала организации этой трагедии. Все эти годы, включая и 1993 г., Управление КГБ по Ленинграду и Ленинградской области заявляло, что осуществлялась всего-навсего «принудительная эвакуация в связи с обстоятельствами военного времени». Выходит, только через девять лет после окончания войны изменились «обстоятельства военного времени» и людей освободили от обязательной регулярной явки в спецкомендатуру и еще сорок лет власти размышляли, стоит ли ингерманландцев реабилитировать. Когда же реабилитация была объявлена, то МВД, занимающееся выдачей справок о реабилитации пострадавшим ингерманландцам, не указывает в этом документе, за что человек, семья были принудительно выселены с места постоянного проживания на пожизненное спецпоселение. Следует до конца прояснить значение распоряжения МВД СССР от 23 апреля 1954 г. Этим распоряжением отменялась только обязательная явка спецпоселенцев в комендатуру для регулярной отметки. Все остальные ограничения сохранялись. В ответе бывшего начальника управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области Куркова А.А. на запрос сессии Ленсовета от 20 февраля 1991 г. о предоставлении необходимых сведений и нормативных документов о массовых административных выселениях граждан сказано: «Ограничения в правовом отношении немцев и финнов сняты распоряжением МВД СССР от 23 апреля 1954 г. и Указами Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г. и 3 сентября 1972 г.» В действительности не все ограничения в правовом положении были сняты и потребовалось принятие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 7 марта 1991 г. об отмене ограничивающей статьи 2 в отношении немцев, но в отношении финнов ограничения в правах продолжали действовать.

Таким образом, кроме освобождения от явки в комендатуру на отметку, после 23 апреля 1954 г. все остальные ограничения, установленные для ингерманландцев Государственным комитетом обороны, Президиумом Верховного Совета СССР, Правительством СССР, Министерствами СССР и местными органами советской власти, не утратили своей силы, оставались действующими. Только 29 июня 1993 г. все они были отменены Постановлением Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов». Следовательно, срок пребывания ингерманландцев с ограничением прав

и свобод заканчивается не 23 апреля 1954 г., а 29 июня 1993 г. Эту дату, как срок окончания репрессий, и следовало бы отмечать в справках о реабилитации.

В долгожданный день опубликования этого Постановления ингерманландцы, наконец-то, были объявлены реабилитированными, ни в чем перед государством не повинными, незаслуженно жестоко наказанными. Тогда, на радостях, никто не заметил, какая началась суета в чиновных кабинетах по переиначиванию Постановления о реабилитации, дружному оттягиванию его выполнения в КГБ и МВД, нежеланию его выполнения на местах Советами, а в настоящее время правительством, мэром Санкт-Петербурга и губернатором Ленинградской области.

Известно, что 26 апреля 1991 г. Верховный Совет принял «Закон о реабилитации репрессированных народов». На поступившие в управление КГБ Ленинграда и Ленинградской области заявления ингерманландцев с просьбой об их реабилитации начальник подразделения этого ведомства А.Н.Пшеничный отвечал, например, 21 мая 1991 г.: «Рассмотрение заявлений о выдаче справок о реабилитации в связи с принудительной эвакуацией в 1942 г. из Ленинграда и Ленинградской области по национальному признаку временно приостановлено до определения механизма реализации принятого Закона и установления государственного органа, на который будет возложено исполнение Закона». Отдадим должное управлению КГБ по Ленинграду и Ленинградской области, не по вине этого ведомства не определен механизм реализации названного Закона. Через три года после принятия Закона о реабилитации репрессированных народов, 28 апреля 1994 г., основные политические и общественные организации России подписали договор об общественном согласии. В числе подписавших — Президент Российской Федерации, Совет Федерации Федерального собрания РФ, Государственная Дума Федерального собрания РФ, Правительство РФ, субъекты РФ, Общественная палата при Президенте РФ, политические партии, профсоюзы, другие общественные объединения, религиозные объединения. Среди многочисленных обещаний и договоренностей они сочли необходимым записать: «Участники Договора обязуются обеспечить ... — создание механизмов реализации Закона о реабилитации репрессированных народов». Теперь все надежды обращены к деловым качествам участников высокого Собрания.

1991 г. порадовал необоснованно репрессированных принятием 18 октября Верховным Советом еще одного Закона «О реабилитации жертв политических репрессий». Воодушевленные принятым Законом, ингерманландцы образовали очереди у приемной «Большого

дома», завалили управление КГБ своими письмами и заявлениями. Правоохранительные органы Санкт-Петербурга и области, областная и городская комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий быстро погасили всякие надежды на реабилитацию. Более двух лет они безапелляционно отвечали, что Закон от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий» на ингерманландцев не распространяется и что они всего-навсего были «принудительно эвакуированы».

Тем временем на периферии России ингерманландцы без волокиты получали справки о реабилитации. В Санкт-Петербурге через год-полтора после принятия Закона сомнения все-таки запали, тронули руководителей КГБ, УВД и прокуратуры. От них начали поступать обнадеживающие заверения о том, что проводятся консультации, они ждут разъяснений из Москвы и т.п.

Так, в ответ на обращение Евы Матвеевны Кийски, 1915 года рождения, с просьбой выдать ей справку о реабилитации начальник Информационного центра Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области полковник Колбасов 23 марта 1993 г. ответил: «МВД РФ обратилось в Верховный Совет РФ за разъяснением о применении Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.93 г.» Запомним — через полтора года действия Закона! Месяцем позже начальник подразделения управления КГБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области А.Пшеничный уведомляет Еву Матвеевну, что Закон от 26 апреля 1991 года «О реабилитации репрессированных народов» распространяется на ингерманландцев-спецпоселенцев, но... не разработан механизм его реализации».

Аналогичные ответы получала она и от председателя Ленинградской областной комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий, в то время еще народного депутата Леноблсовета А.Г.Писаревского. А его коллеги из городской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий были более категоричны. Главный специалист комиссии Н.Р.Малиновская отвечала 26 июля 1993 г.: «Разъясняем, что на граждан, принудительно эвакуированных в военный период 1942 года по Постановлению Военного Совета Ленинградского фронта, не распространяется действие Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года в связи с тем, что они не были репрессированы по политическим мотивам». С ней был солидарен и начальник отдела мэрии Санкт-Петербурга по делам ветеранов войны, труда и жертв необоснованных репрессий В.К.Клюев.

Наступил 1994 год. Разъяснения Санкт-Петербургские правоохранительные органы наконец получили. В настоящее время за подписью полковника Колбасова рассылаются извинительные письма такого содержания: «В связи с тем, что заявления аналогичного содержания с 1991 года поступают в Информационный центр Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области, просим извинения за вероятную задержку исполнения Вашего заявления, т.к. исполняться заявления будут в порядке их поступления». Напрашивается вопрос, дождется ли Ева Матвеевна Кийски решения по своему заявлению, если ей скоро исполнится восемьдесят лет? Дай-то, бог! А требуется ей справка о реабилитации только для того, чтобы через суд получить наконец собственный дом во Всеволожске, который незаконно был у нее отобран после принудительного выселения ее в Сибирь в марте 1942 г. А суды без справок о реабилитации не принимают к рассмотрению иски по подобным делам. По указанным обстоятельствам многие и многие ингерманландцы не могут вернуть до сих пор свои собственные сохранившиеся дома. Обе стороны — и сегодняшние владельцы, и хозяева — понимают свою взаимную невиновность. Недавно одна ингерманландка делилась своей радостью: нынешние жильцы ее дома сохранили нетронутыми на чердаке завернутые в мешковину рамки со старыми ее семейными фотографиями. Все мы вместе рассматривали их, радовались, каждый вспоминал свое. Без слез и рыданий, конечно, не обошлось, говорила она.

Отрадно, что полковник милиции Колбасов внимательно следит за соблюдением очередности при «исполнении заявлений». Вместе с тем грустно и тревожно, что руководители здесь и в Министерстве внутренних дел, Федеральной службе контрразведки, органах прокуратуры не учитывают хотя бы с 18 октября 1991 г. того, что ингерманландцы вдоволь хлебнули горя и страданий за время репрессий. Мы понимаем, что для нынешнего поколения сотрудников госбезопасности и милиции реабилитация ингерманландцев дело неожиданное и новое, им сложно вникнуть и понять тот дикий ужас, как обошлись их предшественники с ингерманландским народом.

Беспокоят престарелых и пожилых ингерманландцев не только растянутые на годы сроки «исполнения заявлений». Возмущает их выборочное отношение МВД и ФСК к законодательной базе реабилитации. Два с лишним года они выясняли: распространяется ли Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. на ингерманландцев. Теперь в справках о реабилитации указывается, что основанием для реабилитации являются статья 3, пункт «в» и статья 5 только Закона «О реабилитации жертв полити-

ческих репрессий» от 18 октября 1991 г. При этом вызывает недоумение, почему не упоминаются два равнозначных законодательных акта, на основании которых реабилитированы репрессированные народы. Имеются в виду Закон «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. и Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г.

Игнорирование и произвольная интерпретация этих документов органами МВД могут быть истолкованы как случайный недосмотр, а может, и как злой умысел. Такие предположения возникают потому, что в первом указе (от 18.10.91 г.) не названо принудительное выселение народов как одна из форм политических репрессий, а в Законе от 26.04.91 г. и Постановлении от 29.06.93 г. эта форма политических репрессий поставлена на первое место в числе других форм политических репрессий.

Поскольку ингерманландцы все поголовно, престарелые и грудные дети, подверглись насильственному выселению, то, следуя букве и духу двух названных последними законодательных актов, ингерманландцы подлежат реабилитации. Но не тут-то было, в МВД руководствуются не совокупностью всех трех законов, а только одним Законом от 18.10.91 г. Только на него ссылаются в реабилитационных справках. По мнению МВД, реабилитации подлежат не все принудительно выселенные, а только спецпоселенцы.

Информационная служба Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области развернула многоадресную справочную переписку с другими информационными центрами на предмет получения от них письменных подтверждений о том, что действительно ли те или иные лица находились на спецпоселении или ссылке на их территории и сколько времени они там находились. Бумажная волокита снова затягивает время, и неизвестно, когда люди получат справки о реабилитации. Видимо, немногие дождутся этих справок. Но зато МВД в результате этого получит некие «охранные грамоты», и никому дела нет до того, что Законом установлен трехмесячный срок рассмотрения заявлений. До этого многие годы лежали заявления без движения, и ничего — все привыкли.

В настоящее время, когда реабилитация ингерманландцев поручена только Министерству внутренних дел, то есть преемнику того ведомства, которое выполняло указания о репрессиях ингерманландцев, то и все карты им в руки: хотят — помилуют сегодня, не захотят — через три года рассмотрят. Будем надеяться, что такой вариант не пройдет, хотелось бы поверить в это.

Куда проще было бы выдавать документы о реабилитации по факту принудительного выселения. Во-первых, документы о факте принудительного выселения сохранились в архивах Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Во-вторых, факт принудительного выселения с постоянного места жительства с утратой недвижимости, имущества, денежных вложений, утраты права свободного передвижения, ограничения в правах по национальному признаку уже является фактом политической репрессии независимо от времени и места нахождения невинно пострадавших. В-третьих, в местах пребывания спецпоселенцев, ссыльных в архивах не полностью, особенно после 1954 г, сохранились карточки учета в ликвидированных комендатурах. Причем, комендатуры не вели учет детей, т.е. людей, которые в настоящее время уже достигли пенсионного или предпенсионного возраста и добиваются реабилитации. А многие, пострадавшие в результате репрессий, оказались потом без родителей.

Выше уже говорилось об огромной смертности спецпоселенцев — блокадников в арестантских поездах «смерти» и оставшихся без родителей детях. Сведений о местах массовых захоронений людей с этих поездов вообще нигде нет.

Спрашивается, откуда же этим бывшим тогда детям взять справки? Почему их нельзя теперь реабилитировать, бывших детей, так жестоко наказанных тогда и на всю жизнь? А почему нельзя реабилитировать теперь тех, кто умер позднее, из-за подорванного в ссылках здоровья? Информационные центры не располагают сведениями, когда и куда уезжали репрессированные из мест ссылок и спецпоселений. Следует отметить и то, что сотрудники информационных центров часто халатно относятся к поступающим запросам. Сошлюсь на свои приключения. В 1951-1953 гг. я оказался под бдительным наблюдением госбезопасности в Русско-Полянском районе Омской области. Хотя это был самый отдаленный, забытый богом южный район области, но штат райотдела госбезопасности там был укомплектован полностью. В отделе на меня было заведено досье, стали наводить справки обо мне и моей родословной. При Хрущеве райотделы госбезопасности вдруг были ликвидированы и работники отдела оказались уволенными, но архивы сохранились. В 1992 г. мне потребовалась справка о пребывании отца на спецпоселении в Якутии. После обращения в Якутские КГБ и МВД мне ответили, что никакими сведениями о нем они не располагают. Тогда я вспомнил чекистов, готовивших на меня материал как на преступника. Обратился в Омск, где раньше проживал. Из управления КГБ области вскоре получил полную информацию об обстоятельствах отправки и

пребывании отца в Якутии. Сослались же они на информацию, полученную ими ранее из информационного центра Якутии. Отец в Омске никогда не жил. Тогда одолело любопытство посмотреть на те материалы, которые когда-то велись на меня. Как известно, теперь разрешают знакомиться с такого рода делами. Тем более, что в 13-летнем возрасте на меня было заведено уголовное дело по ряду пунктов статьи 58 УК РСФСР. Вновь я написал в Омское управление КГБ. Вскоре то же лицо, которое прислало справку об отце, ответило: «Сведениями о Вас не располагаем». Сразу вспомнил рассказанные А.Н.Яковлевым впечатления от знакомства с архивом КГБ. Тогда, при Горбачеве, он первый раз был назначен председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Так вот, Александр Николаевич говорил, что с этими архивами работать трудно. Они не похожи на обычные исторические архивы. Они действующие.

Из публикаций последнего десятилетия известно, что архивы КГБ и МВД не безупречны. Они и не полные, в то же время содержат много тенденциозных, а то и ложных материалов. Из этого следует, что из архивов мало вероятности получить подтверждения пребывания того или иного лица на спецпоселении или ссылке, так же как и увидеть начальные документы, послужившие основанием для насильственного изгнания ингерманландцев с родной земли.

Избрав в качестве единственного основания для реабилитации ингерманландцев Закон «О реабилитации жертв политических репрессий» и игнорируя два других названных выше законодательных акта, сотрудники исключают от реабилитации несколько десятков тысяч ингерманландцев, которые возвратились на Родину из Финляндии в 1944-1945 гг. Оказывается, сотрудники МВД допускают, что эти люди, оказавшись на оккупированной немецко-фашистскими войсками территории Ленинградской области, сами добровольно покинули свои дома, оставили имущество, скот, птицу, земельные участки и отправились на радостях в немецкий концлагерь в Эстонии, а затем на работы на правах военнопленных — в Финляндию. После подписания 19 сентября 1944 г. мирного соглашения между СССР и Финляндией советские сотрудники Союзной контрольной комиссии проводили многочисленные собрания и встречи с ингерманландцами, призывая их вернуться к родным очагам, на Родину. А тем временем Государственный комитет обороны 19 ноября 1944 г. принимает совершенно секретное постановление № 6973 «О переселении из Финляндии населения ингерманландского происхождения, ранее проживающего в Ленинградской области». Этой группе ингерманландцев, наряду со всеми остальными, запрещалось возвращаться

в свои родные места, в Ингерманландию. По утвержденной ГКО разнарядке они расселялись в районах средней полосы России и в Сибири. 29 декабря 1944 г. НКВД СССР своим приказом № 274 обязало подведомственные ему спецотделы взять на учет всех ингерманландцев и установить для них режим спецпоселенцев.

Не ведая об этих решениях, ингерманландцы в Финляндии устремились на сборные пункты, и вместо встречи с родной Ингерманландией они вновь оказались вдали от нее, без паспортов, без права отлучаться с места жительства, под надзором комендатуры. С 28 апреля 1954 г. режим спецпоселенцев с них был снят, что не означало, однако, снятия других ограничений, в том числе возможности вернуться в Ленинград и Ленинградскую область. Здесь вводится лимитная прописка и другие запретительные ограничения, которые без комендатур эффективно используются недоброжелателями ингерманландцев до настоящего времени. Например, недостающий до санитарной нормы метраж квартиры не позволяет прописаться родственникам. Спрашивается, как вообще после этого приехать на родину? В числе недоброжелателей ингерманландцев опять встречаются сотрудники МВД. Они отказываются выдавать гражданам справки о реабилитации, объясняя свою непреклонность двумя факторами: во-первых, будучи в Финляндии, они жили там в лучших условиях, чем те советские граждане, которых немецкие оккупационные власти угнали на работы в Германию; во-вторых, после возвращения в СССР ингерманландцев не везде органы НКВД поставили на учет в комендатурах и установили для них режим спецпоселенцев. В России создана тупиковая ситуация федеральными ведомствами по вопросу реабилитации ингерманландцев-трудармейцев. Эти люди призывного возраста до войны служили в Красной Армии или Красном Флоте, они были призваны как военнообязанные в начале войны. В конце 1941 г. и в 1942 г. бойцов-ингерманландцев по постановлению Государственного комитета обороны (№4309 и др.), Приказу Наркома обороны (№1526 и др.) убрали из действующей армии и тыловых частей и направили в колонны НКВД, в трудовую армию, где они были заняты на народнохозяйственных стройках. Ингерманландцы работали преимущественно в Челябинской области на объектах Челябинскметаллургстроя. В 1946 г. их освободили из трудовой армии без права возвращения в Ленинград и Ленинградскую область.

Для малознающих о положении трудармейцев приведем два примера. Семья Антонен Ивана Петровича, состоявшая из 6 человек, проживала в д.Порошкино ныне Всеволожского района Ленинградской области. Архивная справка удостоверяет, что в 1931г. в хо-

зяйстве числилось на момент раскулачивания пашни — 7,64 га, лошадь — 1, жеребенок — 1, коровы — 3, овец — 1. В 1937 г. глава семьи был арестован и расстрелян (посмертно реабилитирован). Семья в марте 1942 г. была отправлена на спецпоселение в Хакассию. Сын Антонен Армас Иванович, 1925 г. рождения, был мобилизован Богридским райвоенкоматом Хакасской автономной области 20 февраля 1943 г. и прибыл в трудармию на Челябинскметаллургстрой. Как свидетельствует архивная справка, — «Снят с учета как финн 25 июля 1946 года».

Второй пример. 28 сентября 1991 г. Алексеева (Хузе) Наталья Николаевна обратилась к тогдашнему председателю исполкома Ленинградского облсовета народных депутатов, члену бюро Ленинградского обкома КПСС (ныне заместитель председателя Совмина России) Ю.Ф.Ярову с просьбой: «В случае выделения в Ленинградской области земельного участка под коллективное строительство поселка для возвращающихся репрессированных финнов, прошу Вас удовлетворить мою просьбу об участии в строительстве с целью получения жилой площади... Вся наша родословная проживала в Гатчинском районе, 22 июня 1941 г. отец был призван в армию, с отступающей частью прошел от Эстонии до Ленинграда. В конце 1941 г. за принадлежность к финской национальности его перевели в другую часть, где были собраны финны и немцы. Поздней осенью, когда застыло Ладожское озеро, их отправили в трудовую армию под Челябинск на строительство металлургического комбината. В 1946 г. новое назначение: на строительство так называемого Челябинска-40. Маму уволили с работы за то, что она вышла замуж за папу трудармейца. В 1947 г. родилась я. В 1952 году, когда начались более секретные работы, финнов и немцев отпустили на четыре стороны. Долго мотались по стране без квартиры. Папа умер. Сейчас в разных местах живем. Мама с моей дочерью и отдельно я». Обращение оказалось безрезультатным. Сейчас она проживает в Гатчине, в общежитии по временной годовой прописке. Ее отец, как и Антонен А.И., вместе со всеми трудармейцами до сих пор не реабилитирован. Военная прокуратура их не признает «своими», отказывается рассматривать заявления трудармейцев и МВД. Отстраненную позицию занимает Генеральная прокуратура России.

В Постановлении ВС РФ «О реабилитации российских финнов» названы четыре формы политических репрессий, которые применялись против ингерманландцев: 1) насильственное выселение из мест традиционного проживания на территории Российской Федерации; 2) установление режима спецпоселения; 3) привлечение к принудительному труду в условиях ограничения свободы; 4) иных ограниче-

ний прав и свобод. По вопросу «иных ограничений прав и свобод» имеется огромное количество материалов.

Ингерманландским народом прожита целая жизнь в изгнании, страданиях, состоянии постоянно подозреваемых. Когда же этот народ дождется действенной человеческой доброты? Это не касается окружающих людей, с этим все нормально. Хорошо бы и руководителям соответствующих ведомств повернуться лицом к этому многострадальному народу. А пока что не ощущается забота нашей власти о малочисленном, коренном российском народе, находящемся на грани исчезновения.

Leonid Gildy

ON THE PROBLEM OF REHABILITATION OF THE INGERMANLANDERS (RUSSIAN FINNS)

For dozens of years the Soviet government bodies conducted an ethnical purge of Leningrad and its region from the Ingermanlanders. At the end of the twenties the Ingermanlanders made up more than 20 per cent of the rural population of the region. By the end of the fifties, however, only several dozens of families could be found not expatriated yet. I.V.Stalin's death, the execution of L.P.Beria, the period of Khrushchev's «thaw» years prevented the militia bodies and state security officials and their collaborators from carrying out the «primary» political task of annihilating the whole nation.

The Ingermanlandian people spent years in exile and sufferrings under constant suspicion. Right now this nation is only enjoying the support of the common citizens of Russia. Both the former and the present authorities did and do show no interest in the destiny of this minority nation of Russia subject to extinction.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Персоналии

Михаил Мосин
Саранск

ПРОФЕССОР Д.В.ЦЫГАНКИН И МОРДОВСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

(к семидесятилетию со дня рождения)

Профессор Д.В.Цыганкин — один из ведущих финно-угроведов, крупнейший специалист по эрзянскому и мокшанскому языкам, доктор филологических наук. Имя Дмитрия Васильевича Цыганкина и его труды широко известны не только в России, но и далеко за ее пределами.

Д.В.Цыганкин родился 22 октября 1925 года в селе Мокшалей Чамзинского района Республики Мордовия в семье крестьянина. Семилетнюю школу он окончил в родном селе в 1940 году и поступил в Большемаресевскую среднюю школу. Однако учиться в ней не пришлось, семнадцатилетним юношей в 1943 году был призван в ряды Советской Армии. Будучи участником Великой Отечественной войны, Дмитрий Васильевич прошел фронтовые дороги: Оршанск — Витебск — Минск — Кенигсберг (где встретил День великой Победы).

В 1950 году он поступил в Мордовский педагогический институт (в настоящее время Мордовский госуниверситет) на историко-филологический факультет, который окончил в 1954 году. В институте Дмитрий Васильевич слушал лекции по родному языку у профессора М.Н.Коляденкова, по русской диалектологии у Ф.И.Петербургского, по античной и зарубежной литературе у М.М.Бахтина. После окончания института его направляют в аспирантуру при Институте языкознания АН СССР на сектор финно-угорских языков. Тема его исследования — «Шугуровский диалект эрзянского языка». Будущий ученый эту тему разрабатывал под руководством известного финно-угроведа К.Е.Майтинской. В 1958 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию по избранной теме.

С 1957 по 1962 год Цыганкин читал лекции и вел практические занятия по родному и русскому языкам в Мордовском государственном университете в качестве ассистента, старшего преподавателя и доцента.

В 1962 году в Саранске открывается педагогический институт. Д.В.Цыганкин назначается на должность проректора по учебной и научной работе. Здесь он принимает активное участие в организации нового института, в создании технологии учебного процесса, его материальной базы, подборе и воспитании научно-педагогических кадров. В 60-е годы он начинает руководить аспирантами, первыми из которых были Р.С.Ширманкина (научная тема: "Фразеология в мордовских языках») и Р.Н.Бузакова (тема кандидатской диссертации: «Синонимия в мордовских языках»).

Почти 20 лет (с 1972 по 1991 гг.) Д.В.Цыганкин заведовал кафедрой мордовских языков и одновременно (с 1980 по 1987 гг.) являлся деканом филологического факультета Мордовского государственного университета.

Будучи заведующим кафедрой мордовских языков, в 1978 году он успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Морфология имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (словоизменение и словообразование)», в 1979 году утвержден в ученом звании профессора по специальности «Финно-угорские языки».

За годы работы в университете юбиляру удалось значительно усовершенствовать учебный и научный процесс не только на руководимой им кафедре, но и на филологическом факультете. С 1972 года и по настоящее время на высоком научно-методическом уровне он читает лекционные курсы по ведущим дисциплинам «История эрзянского языка», «Диалектология эрзянского языка», спецкурсы «Ономастика», «Сравнительная морфология финно-угорских языков», руководит дипломными и курсовыми работами, а также учебной практикой студентов.

Д.В.Цыганкин — ученый широкой эрудиции, его научная деятельность весьма многогранна. Его интересуют самые разнообразные проблемы мордовского языкознания; основные труды посвящены разработке теоретических вопросов фонетики и лексики, морфологии и синтаксиса, диалектологии, истории, ономастики мордовских и других финно-угорских языков. В нем сочетаются способности исследователя-аналитика и глубокие познания в области теории языка. Многие проблемы мордовского языкознания впервые получили научное освещение в его трудах. Юбиляр является автором более 200 научных статей, монографий, вузовских и школьных учеб-

ников, учебных пособий и программ по различным разделам грамматики мордовских языков.

Начиная с 50-х годов, судьба и научная деятельность Д.В.Цыганкина неразрывно связана с мордовскими языками. Ровно 40 лет назад он обратил серьезное внимание на сбор и систематизацию диалектного материала родного села Мокшалей и соседних с ним сел Большеберезниковского района. Его кандидатская диссертация «Шугуровский диалект эрзя-мордовского языка» (1958) стала одной из первых монографий, где была представлена новая методика описания диалекта как цельной языковой системы. Позднее этой проблематике был посвящен ряд работ юбиляра, а именно: «Фонетика шугуровского диалекта эрзя-мордовского языка» (1958), «Об одном говоре Присурья Большеберезниковского района МАССР» (1963), «Об особенностях говора села Мокшалей Чамзинского района» (1963), «Об одной фонетической особенности в некоторых говорах Присурья» (1963), «Тексты, собранные и записанные в присурских говорах эрзя-мордовского языка» (1963), «Свидетельство диалектологии как источник изучения мордовского народа» (1965). «Опыт классификации эрзянских говоров мордовского Присурья» (1966), «Принцип классификации эрзянских диалектов на основе именных и глагольных особенностей» (1975) и т.д.

Можно без преувеличения сказать, что диалектология — любимая область юбиляра, он не изменяет ей и в настоящее время. С первых дней своей научной деятельности он собирает диалектные материалы эрзянского языка непосредственно из уст носителей множества его говоров. Профессор Д.В.Цыганкин — не кабинетный ученый. Продолжая традиции предыдущих видных исследователей эрзянского, мокшанского языков и культуры мордвы М.Е.Евсевьева, Д.В.Бубриха и других, он с большим энтузиазмом организовывает и умело проводит ежегодно диалектологические экспедиции по сбору и обработке диалектных данных как на территории Мордовии, так и в областях и республиках Российской Федерации, где компактно проживают эрзяне и мокшане. Это Самара и Пензенская область, Татария и Ульяновская область, Чувашия и Нижегородская область, Башкирия и Оренбургская область. За 40 лет научной деятельности куда только не вступала легкая нога профессора Д.В.Цыганкина. Во время экспедиций он не предпочитает транспорт, не простаивает сам и не рекомендует это делать студентам и коллегам по экспедиции на пыльных и неухоженных остановках в ожидании автобусов: 15-20 км от палаточного лагеря до села и от одного населенного пункта до другого для Д.В.Цыганкина не расстояние. Его длинные и легкие (дай бог им здоровья и выносливости) ноги прошагали по проселоч-

ным дорогам мордовской и российской глубинки, преодолели многие тысячи километров в поисках интереснейших языковых и этнографических данных. Мне неоднократно приходилось участвовать с ним в этих экспедициях. Он не ищет теплые ухоженные квартиры и двухтумбовый стол для работы во время экспедиций. Его излюбленное место — натянутая обыкновенная палатка на опушке леса с холодным источником для питья и запасом дров для костра, где готовится завтрак, обед и ужин. Страстно обсуждаются особенности исследуемых говоров и разнообразнейшие проблемы эрзянского села, слушаются эрзянские и мокшанские песни, исполняемые участниками экспедиций. Его не пугают ни затяжные ненастья, ни бытовые неудобства. Палатка — его творческий кабинет, укрытие от дожля и ветра, место отдыха после 20-ти километровых походов и ночлег, где матрац из соломы или веток деревьев. Систематические экспедиции студентов и преподавателей, руководимые профессором Д.В.Цыганкиным, стали бесценными уроками привития любви молодежи к мордовскому краю, родному языку и культуре села. Благодаря этим экспедициям собран уникальный материал, который служит базой для научно-исследовательской работы на кафедрах эрзянского и мокшанского языков. На их основе пишутся курсовые и дипломные работы, кандидатские и докторские диссертации, монографии, учебники и учебные пособия по различным проблемам мордовского языкознания. Как правило, профессор Д.В.Цыганкин всегда старается, чтобы студент или аспирант в своей научной работе на основе теоретических источников по лингвистике обязательно подтвердил анализируемый материал по имеющимся данным экспедиций, который наличествует в лаборатории «Финно-угристика» при филологическом факультете. Этими материалами пользуются те, кто проявляет интерес к языкам и культуре мордвы. Материалы картотеки, собранные из уст носителей различных говоров, используются при составлении словарей сложных слов эрзянского и мокшанского языков, эрзянско-финского словаря, которые находятся в печати. В настоящее время кафедра эрзянского языка приняла решение о подготовке к изданию словаря эрзянских говоров на территории Мордовии.

Докторская диссертация Д.В.Цыганкина, а также монография «Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка» (I, 1977, II, 1978) представляют собой обобщение многолетних диалектологических исследований эрзянского языка. В этих работах в синхронном и диахронном аспектах рассмотрены пять грамматических категорий существительного — числа, собирательности, падежа, определенности-неопределенности,

притяжательности. На обширном диалектном материале прослеживаются иерархия и взаимосвязь диалектных единиц, образующих оппозиции в рамках каждой грамматической категории, вскрывается их своеобразие, обусловленное значительной территориальной протяженностью. Дана новая классификация эрзянских диалектов и продолжены новые теории о происхождении некоторых категорий существительного; по-новому поставлена проблема изучения диалектов и их история.

Особо следует отметить книгу юбиляра «Фонетика эрзянских диалектов» (1979), где подробно описано диалектное членение эрзянского языка, изложена история исследования диалектов, дан подробный анализ системы вокализма и консонантизма четырех типов эрзянских диалектов.

Вопросам именной морфемики и словообразования в диалектах эрзя-мордовского языка посвящена работа «Словообразование в мордовских языках» (1981). В ней с учетом достижений современной деривационной морфологии рассмотрены многие из основных проблем именного словообразования (значения и функции суффиксов, отношения между планом выражения и планом содержания аффиксов).

Проблемы словообразования мордовских языков находятся постоянно в центре внимания исследовательской деятельности юбиляра. Наряду с монографией по данной проблеме им опубликован ряд статей, а именно: «Исторические изменения в морфемной структуре мордовского языка» (1975), «Морфонологические особенности эрзянского языка в области словообразования» (1975), «О соотношении исконных и иноязычных элементов в системе эрзянского (диалектного) словообразования» (1979), «Именные и глагольные основы мордовских языков в диахронном освещении» (1980), «Конверсия как один из нелинейных способов образования слов в мордовских языках» (1990), Транспозиционные отношения между частями речи в эрзянском языке» (1993). В этих и ряде других работ по словообразованию и словоизменению профессором Д.В. Цыганкиным впервые в мордовских языках применен метод морфонологического анализа, в котором подвергнуты рассмотрению именное словоизменение и именное словообразование в мордовских языках.

Успехи мордовской лексикологической науки во многом связаны с именем профессора Д.В.Цыганкина. Как и в других областях мордовского языкознания, лексикологии посвящено большое количество оригинальных работ, в которых прослеживается история словарного состава эрзянского и мокшанского языков и вопросы взаимодействия с контактирующими языками. В результате постоянной

работы над данными проблемами им опубликовано несколько интереснейших работ, а именно: «Лексические особенности эрзянских говоров» (1966), «Словообразовательная вариантность в эрзянских говорах» (1972), «О типах этимологических (словообразовательных) связей в финно-угорских языках» (1974), «Эрзянь этимология» (1975), «О соотношении исконных и иноязычных элементов в системе эрзянского (диалектного) именного словообразования» (1979), «Русско-мордовские межъязыковые контакты» (1981) и др.

Обобщающей лексикологической работой Д.В. Цыганкина стали словари «Эрзянь келень нурькине этимологической словарь» (1977) и «Мокшень кялень нюрьхкяня этимологическяй словарь» (1981) (изданы в соавторстве).

В настоящее время юбиляр работает над подготовкой второго издания «Этимологического словаря эрзянского языка».

Плодотворно работая над вопросами лексикологии, Д.В.Цыганкин в своей деятельности не оставил без внимания такую область языкознания как ономастика. В течение многих лет он активно участвует в ономастических конференциях Поволжья и посвящает этой отрасли науки ряд статей, например, «Из наблюдений над структурными особенностями топооснов на территории Мордовской АССР» (1969), «Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР» (1976), «Лексико-семантическая характеристика отдельных пластов топонимической системы Мордовской АССР». Под редакцией юбиляра издан сборник научных трудов «Ономастика Поволжья» (1986). Для студентов национального отделения им разработан спецкурс «Основы ономастики». В целях вовлечения широкого круга студентов в эту интересную отрасль науки, а также с целью собирания уникального ономастического материала, разработана им и программа по сбору топонимического и антропонимического материала на территории Мордовии. В настоящее время юбиляр занимается составлением словаря микротопонимов Мордовии, отдельная часть которого публикуется в журнале «Сятко». Особо следует отметить книгу юбиляра «Память земли» (1993). В ней излагается древняя история мордовского края по данным топонимических названий. Аргументированно раскрываются этимологии большого количества топонимов, их морфологические и семантические структуры, лингвистические и экстралингвистические факторы возникновения. Книга «Память земли» явилась итогом многолетней работы юбиляра над топонимической системой мордовского края. В нее вошел материал, собранный автором в течение ряда лет и подвергнутый лингвистическому и этнопсихологическому анализу на основе большого

исследовательского опыта. Эта книга у читателя и научной общественности Мордовии получила высокую оценку.

Профессор Д.В.Цыганкин уделяет большое внимание вопросам истории и современного состояния эрзянского литературного языка. Эта проблема волновала и волнует его постоянно, поэтому ей посвящены многие работы, а именно: «Некоторые особенности развития эрзянского литературного языка» (1979), «Развитие мордовского языкознания за 50 лет» (1980), «Основные тенденции развития мордовских языков» (1985), «Эволюционные изменения морфологических элементов в истории мордовских языков» (1988). Им написан очерк «Мордовские языки» (в книге «Мордва», Саранск, 1981), в котором прослеживается путь развития мордовских языков.

Юбиляр является инициатором совершенствования норм эрзянского и мокшанского литературного языков. С этой целью в декабре 1993 года была проведена Республиканская научно-практическая конференция по упорядочению норм орфографии, пунктуации и орфоэпии литературных языков. Им заново пересмотрены правила эрзянской орфографии. Вместо морфолого-фонетического принципа, по предложению Д.В.Цыганкина, на конференции был принят морфологический принцип. Этот принцип намного упростит и облегчит усвоение правил правописания.

Д.В.Цыганкин в течение ряда лет плодотворно работает над созданием учебников и учебных пособий для преподавания мордовских языков в национальных отделениях высшей школы республики. Он является редактором и соавтором таких обобщающих работ, как «Фонетика мордовских (мокшанского и эрзянского) литературных языков» (1970), «Лексикология современных мордовских языков» (1972), «Очерки сравнительной грамматики (мокшанского и эрзянского) языков» (1974), «Практикум по диалектологии эрзянского языка» (1977), «Грамматика мордовских языков» (1980), «Лексикология современных мордовских языков» (1983) и другие. В настоящее время последние две книги и «Синтаксис мордовских языков» готовятся к изданию на эрзянском и мокшанском языках.

Особого внимания заслуживает весьма активная деятельность Д.В.Цыганкина по составлению программ, учебников и учебных пособий для мордовских национальных школ. Под его научной редакцией и в соавторстве вышли «Материалы занимательной грамматики русского языка для мордовских школ» (1970), «Занимательная грамматика эрзянского языка» (1974), «Эрзянь кель. Учебник для 4 класса» (несколько изданий), «Эрзянь кель. Грамматика ды стилистика. Учебник по родному языку для 8 класса» (несколько изданий), «Эрзянь кель. 5-цэ классов» (1992) и в соавторстве «Эрзянь

келень урокт 5 классов» (1993). Этот комплект учебников окажет неоценимую помощь учителям школ в обучении эрзянскому языку на основе современных требований.

Свой научный багаж и опыт юбиляр охотно передает молодежи. Под его научным руководством целая плеяда учеников успешно защитила свои кандидатские диссертации и плодотворно работает над различными проблемами мордовского языкознания: Р.Н.Бузакова, Л.И.Тураева, Р.А.Алешкина, В.И.Щанкина, Н.И.Щанкина, В.А.Ледяйкина, А.М.Гребнева, Н.И.Арискин. В настоящее время его аспирантами являются Н.В.Казаева, А.М.Харитонова, О.Н.Пальтина.

Научная деятельность создала юбиляру заслуженный авторитет как среди ученых финно-угроведов России, так и за ее рубежом. Он постоянно представляет мордовское языкознание на Всероссийских конференциях и Международных конгрессах и симпозиумах по финно-угроведению. Профессор часто выступает официальным оппонентом кандидатских и докторских диссертаций, является членом Специализированного совета по защите кандидатских диссертаций при Мордовском и Удмуртском университетах.

Д.В.Цыганкин ведет большую научно-организационную работу. Он является редактором многих учебников, учебных пособий и серии сборников научных трудов под названием «Финно-угристика». В последнее время является председателем общества родного слова «Вайгель». Глубоко осознавая роль ученого, просветителя в развитии национальных языков и культуры своего народа, в течение всего творческого пути юбиляр выступает за светлые идеалы возрождения национальной культуры эрзян и мокшан.

В течение ряда лет Д.В.Цыганкин поддерживает научные и дружеские контакты с учеными и научными финно-угорскими центрами России, Эстонии, Венгрии, Финляндии, Германии, США.

За научные заслуги юбиляр избран почетным членом-корреспондентом Финно-угорского общества Кастрена (Финляндия). Ему присвоены почетные звания: «Заслуженный учитель школы Мордовской АССР», «Заслуженный деятель науки Мордовской АССР».

Дмитрий Васильевич — талантливый ученый, обладающий неиссякаемой энергией, неутомимый труженик, честен и бескомпромиссен в науке.

Коллеги, друзья и многочисленные ученики поздравляют Дмитрия Васильевича с юбилеем. Пусть сопутствует Вам удача во всех начинаниях, пусть исполнятся все Ваши планы и желания.

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

1995 год - год Пауля Аристэ

АКАДЕМИК ПАУЛЬ АРИСТЭ И МАРИЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Я не знаю как сейчас, но в то время, когда я был аспирантом Пауля Аристэ, в Эстонии, пожалуй, не было человека, который не знал бы его имени. Для того, чтобы дошло до него письмо, если ты не знал точного адреса, вполне было достаточно написать: «Эстония, академику Паулю Аристэ». И письмо непременно находило своего адресата.

Уже эта маленькая деталь говорит о том, какой популярностью пользовалось его имя не только в науке, но и среди населения.

Академик Аристэ известен не только как выдающийся ученый, но и как прекрасный педагог. Его занятия остались в памяти учеников на долгие годы.

Прав профессор Хуно Рятсеп, говоря, что начиная с 50-х годов, мы смело можем говорить о развитии тартусской школы финно-угристики, отцом которой является академик Пауль Аристэ.

С 1951 года при кафедре финно-угорских языков Тартуского университета была открыта аспирантура и началась подготовка языковедческих кадров для финно-угроведческих центров. Первыми аспирантами посчастливилось стать представителям марийского народа – Л.П.Васиковой и И.С.Галкину.

Всего аспирантов у Пауля Аристэ было 60 из разных республик: Марий Эл, Карелии, Латвии, Мордовии, Удмуртии, Коми, не говоря уже об Эстонии.

Только для Марийской республики он вырастил 16 кандидатов наук, из которых трое стали докторами и профессорами, двое из них – академиками.

Сферы научных направлений его учеников весьма разносторонни. Они охватывают практически все насущные проблемы марийско-

го языковедения – это проблемы морфологии, синтаксиса, фонетики и лексикологии.

Все диссертации, написанные марийцами под руководством Пауля Аристэ, можно разделить на 5 тематических групп: фонетика, морфология, синтаксис, лексикология, диалектология.

Первая диссертация Л.П.Васиковой (ныне профессора) была посвящена спорным в то время вопросам форм времени в современном марийском языке. Тема ее диссертации: «Прошедшее время в марийском языке». Автор успешно защитил ее весной 1955 года.

Вторым аспирантом из мари был автор этих строк. В то время я оканчивал финно-угорское отделение Петрозаводского (в то время Карело-Финского) государственного университета. Однажды декан факультета И.И.Кяйвяряйнен пригласил меня к себе и сообщил, что он получил письмо от академика П. Аристэ с просьбой направить меня к нему в аспирантуру. Естественно, я выразил свое согласие с радостью, хотя по распределению должен был ехать в с. Пряжу директором школы. Вопреки имеющемуся направлению, совет историко-филологического факультета рекомендовал меня в аспирантуру.

Первая встреча с академиком Аристэ состоялась при весьма оригинальных обстоятельствах. Приехал я в г. Тарту, зашел в университет, но там академика не оказалось. Чтобы провести время до его прихода с пользой, я вышел и стал осматривать университетский городок. Стою, смотрю на здание университета и вдруг чувствую хлопок по спине и голос: «Вы Галкин?» Я повернулся, и увидел средних лет мужчину и ответил: «Да, а что?» – «Будем знакомы, Аристэ». Вот так я и познакомился с ним. Он, конечно, повел меня на свою кафедру, познакомил со всеми работниками и аспирантами. А после прихода на кафедру Л.Васиковой повел нас для душевной беседы в кафе. За чашкой кофе, в непринужденной обстановке он узнал обо мне все и дал советы, как вести себя на вступительных экзаменах: все-таки ведь дело новое.

Помнится, как мы тогда поспорили с Л.Васиковой относительно того, как по-марийски называется «иней». Она говорила *ӧрш*, я – *пӧрш*. В сущности мы оба были правы, ибо оба эти слова обозначают «иней»: в горном наречии – *ӧрш*, в луговом – *пӧрш*. Правда, тогда, не имея в руках словаря, мы не смогли убедить друг друга в своей правоте.

Академик Аристэ предложил мне заняться экспериментальной фонетикой, но мой интерес был связан с исторической грамматикой. К тому же в Ленинграде тогда готовился стать фонетистом-экспериментатором Л.П.Грузов. Поэтому П.Аристэ согласился с

моим мнением и предложил тему для кандидатской диссертации: «Суффиксальное образование глаголов в современном марийском языке». Диссертация не ограничилась простым описанием глагольных суффиксов и раскрытием их значений. В ней в сравнительно-историческом плане рассмотрены все глаголообразующие суффиксы, восстановлены их праформы и первоначальные значения, сделана попытка определить качество древнемарийских гласных непервых слогов, древнемарийский язык хронологически впервые разделен на раннедревнемарийский и позднедревнемарийский периоды. Диссертация была защищена в 1958 году с опозданием почти на два года из-за недостатка публикаций. Практически эта диссертация заложила основу для дальнейшей разработки проблем исторической грамматики марийского языка.

Следующей диссертацией, написанной под руководством академика П.Аристэ, была работа ныне академика Академии гуманитарных наук, доктора филологических наук профессора И.Г.Иванова на тему: «Фонетика тоншаевского говора марийского языка» (1965). Диссертация посвящена характеристике гласных и согласных одного из говоров северо-западного наречия марийского языка. В специальной главе рассматриваются возможности сочетания фонем говора. Морфологической характеристике яранского говора северо-западного же наречия посвятил свою диссертацию Г.М.Тужаров (1966). Диалектную фонетику анализирует в своей диссертации и А.Н.Куклин (1983). Тема его исследования «Фонетика красноуфимского говора марийского языка». Все эти работы нашли положительную оценку в научной литературе.

Три диссертации были посвящены синтаксису марийского языка – это: З.К.Иванова – «Однородные члены предложения в марийском языке» (1978), Л.А.Петухова – «Глагольно-именные словосочетания в марийском языке» (1980). В некоторой степени к этой группе работ примыкает и диссертация С.С.Сибатровой «Послелоги в марийском языке» — (1988) и Ю.В.Андуганова «Сложные слова в марийском языке (определительные сложные существительные)» (1976).

Проблемам лексикологии посвящено три диссертации: Е.Н.Мустаев – «Вопросы синонимики марийского языка» (1975), В.Н.Васильев – «Марийская орнитонимия» (1984), А.С.Ефремов – «Названия растений марийского языка (травянисто-ягодная флора)» (1987). С лексикологией связана диссертация Э.С.Якимовой «Соматическая фразеология в марийском языке» (1975). Одна работа – диссертация О.А.Сергеева «Рукописные словари марийского языка XVIII – XIX вв.» (1990) – является первым опытом исторического анализа рукописных словарей.

Она ценна как с точки зрения исторической лексикологии, так и с точки зрения исторической фонетики.

Единственной работой в области марийской семасиологии является диссертация Л.И.Барцевой «Полисемия глаголов в марийском языке» (1989).

Все вышеуказанное само по себе говорит о большом бескорыстном вкладе академика Пауля Аристэ в развитие марийского языкознания путем подготовки для него научных кадров. Кроме научного руководства, П.Аристэ выступал официальным оппонентом кандидатских диссертаций марийских ученых. Это Ф.И.Гордеев: «Косвенные наклонения и формы субъективной оценки глагола в марийском языке» (1961), Д.Е.Казанцев: «Фонетические особенности йошкар-олинского говора марийского языка» (1965), Г.И.Лаврентьев «Волжский говор марийского языка» (1967), З.В.Учаев «Малмыжский диалект марийского языка (фонетические особенности)» (1969), а также моей докторской диссертации «Историческая морфология марийского языка» (1968).

Марийский народ и его языковеды вечно будут благодарны академику Паулю Аристэ и всегда хранить о нем добрую память. Он очень мечтал побывать на земле своих учеников, но, к сожалению, не довелось.

Иван Галкин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

АКАДЕМИК ПАУЛЬ АРИСТЭ И МОРДОВСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

П.Аристэ, по общему признанию, — один из выдающихся деятелей нашего финно-угроведения. Научные заслуги этого глубокого и разностороннего ученого бесспорны. Он являлся своеобразной цельной личностью с рядом черт высокой притягательности в силу присущих ему индивидуальных особенностей ученого и человека. Одну из таких специфических черт научного облика П.Аристэ, выдвигающую его на одно из первых мест среди современных финно-угроведов мира, мы склонны видеть в широте его лингвистического кругозора. Широта научных интересов ученого исключительно велики. Интернационалист по духу, он владел многими языками, из них двумя десятками пользовался практически, в том числе мордовскими — эрзя и мокша языками. Знание им многочисленных языков придает его лингвистическим исследованиям характер фундаментальных и авторитетных изысканий. Среди многочисленных работ П.Аристэ значительное количество составляют солидные монографии, описательные грамматики, словари, исследования сравнительно-исторического характера. За многие годы им собран богатый и порой уникальный материал по многим финно-угорским языкам, особенно по прибалтийско-финским.

Интерес к мордовским языкам вызывался у П.Аристэ не одной только практически-сравнительной необходимостью. Нам думается, что определенную роль играла здесь и методическая сторона всей научной деятельности П.Аристэ. Сталкиваясь с живыми представителями мордвы, изучая их язык, ученый глубоко проникся мыслью об историческом связывающем звене мордовских языков между языками финно-угорского запада и финно-угорского востока и что привлечения мордовского материала в разысканиях финно-угорского характера необходимы в целях углубления теоретического арсенала мордовского языкознания.

Мордовские языки П.Аристэ начал изучать в 50-е годы, охватив при этом все уровни языка: фонетику, грамматику, лексику. Начиная

с этого времени, он неоднократно встречался со многими представителями эрзи и мокши, являющимися или аспирантами кафедры финно-угорских языков Тартуского государственного университета или приезжавшими на кафедру по делам научной работы учеными. С мордовским языковым миром, стихией живой речи мордвы он знакомился во время пребывания на мордовской земле. Здесь П.Аристэ в 1968 году изучал эрзянские говоры (совершил поездку в эрзянские села Ичалковского района).

В 1972 году П.Аристэ снова приезжает в Саранск. Здесь в сентябре собирались отечественные финно-угроведы на свою XIV Всесоюзную конференцию. Участие П.Аристэ на этой конференции сделало ее работу более авторитетной и весомой.

По инициативе профессора П.Аристэ впервые в Мордовию была направлена группа студентов Тартуского госуниверситета для сбора материалов мордовских языков. Эстонские студенты в 1967 и 1968 годах во время экспедиции собрали много интересного языкового и этнографического материала, изучали древний и современный быт людей мордовских сел (с. Жабино, Урусово, Старое Ардатово Ардатовского р-на Мордовской АССР). Впоследствии под руководством П.Аристэ и его коллег по университету студенты написали соответствующие курсовые и дипломные работы.

Профессора П.Аристэ радовало то, что из года в год становятся все крепче связи финно-угроведов Мордовии и Эстонии. Он считал, что взаимный обмен аспирантами и студентами между Мордовским и Тартуским университетами создает возможность глубже вникать в проблемы финно-угристики, так как у мордвы и эстонцев много общего в историческом происхождении. Поэтому актуальной проблемой, по его мнению, является изучение истории финно-угорских языков. Другой немаловажной проблемой он всегда считал внедрение новых методов в исследование финно-угорских языков, так как новые научные методы изучения языков помогают организовать развитие и обогащение языков.

Профессор П.Аристэ был доволен тем, что среди мордвы в течение последних двух десятилетий выросли кадры компетентных ученых по языку, фольклору и другим вопросам финно-угроведения. Он всегда с большим желанием сообщал об успехах того или иного финно-угроведа, постоянно интересовался работой бывших своих аспирантов. Он считал, что развитие финно-угроведения — это не только проблема для специалистов: всякий разумный интерес к научным вопросам, по его мнению, обогащает мысль, ум, делает человека культурнее, нравственно богаче.

Время — лучший судья в оценке того, что сделал для мордовского языкознания П.Аристэ за свою жизнь. Сегодня мы с глубоким удовлетворением и огромной благодарностью отмечаем, что П.Аристэ обогатил мордовское языкознание многими выводами большого научного значения. Его труды являются источником научных замыслов, они вызывают движение творческой мысли в новых направлениях. С высоты его кругозора мы каждый раз видим явления мордовских языков в их взаимной связи, проникаем в их сущность и историческую глубину.

Нельзя, однако, забывать и другого. На протяжении нескольких десятилетий П.Аристэ успешно сочетал научную работу с педагогической деятельностью. Под его руководством кафедра финно-угорских языков Тартуского университета стала важнейшим центром финно-утроведения. Десятки кандидатов и докторов наук прошли подготовку у профессора П.Аристэ почти по всем финно-угорским языкам. Человек большой и шедрой души, он неустанно заботился о научном росте младших коллег, открывая перед ними новые горизонты науки, малоисследованные области финно-угристики. Значительным вкладом в разработку проблем мордовского языкознания являются написанные в разные годы диссертационные работы его аспирантов. Такие монографические исследования, как «Мордовско-эстонские лексические отношения» (М.В.Москвин), «Определительные конструкции в мордовских языках» (А.С.Егорова), «Морфология имени существительного и местоимения в смешанных мордовских говорах Куйбышевской области» (Н.А.Агафонова) получили заслуженно высокую оценку.

Плодотворная работа П.Аристэ в развитии мордовского языкознания и подготовка кадров отмечены Почетными грамотами президиума Верховного Совета Мордовской АССР. П.Аристэ, крупного ученого, простого и отзывчивого человека, неизменно чтят и глубоко уважают его мордовские коллеги-ученые финно-утроведы.

Постоянное общение с таким человеком энциклопедического ума, как профессор П.Аристэ, развивает человека всесторонне. Он интересовался в жизни всем, и это человеческое качество он прививал тому, кто рядом с ним. Любящий спорт сам, профессор П.Аристэ к этому занятию увлекал и своих коллег, и аспирантов. На вопрос: «Близки ли друг другу такие понятия, как «спортивная злость» и «научное честолюбие»?» он отвечал: «Их механизм, по-моему, одинаков. Понимаю: шаг человека моего возраста не столь широкий, но я, по крайней мере, стараюсь догнать молодых. И хочется успеть сделать больше, увидеть, узнать, понять новое. Работаю — значит живу, не так ли?»

Еще в середине 30-х годов профессор П.Аристэ дал себе слово: публиковать в год не менее 100 страниц машинописного текста. И ни разу в течение полувека своей научной деятельности эту клятву он не нарушил. Урожайными он считал годы, когда публиковал 400-500 страниц.

Огромную жажду труда, внутреннюю собранность и требовательность профессор умел передать и своим ученикам. Постоянная забота о них у П.Аристэ сочеталась с большим требованием к ним. Несмотря на огромную занятость своими делами, он всегда успевал следить за режимом и ходом труда своих аспирантов. П.Аристэ умел ценить время как свое, так и других, он никогда не терял его впустую без какой-либо работы.

Тема П.Аристэ для нас личная тема. Мы были связаны с ним более 20 лет. Одному из нас (М.В.Мосину) посчастливилось быть его аспирантом и в течение трех лет работать под его чутким, внимательным и требовательным руководством, другому (Д.В.Цыганкину) много раз приходилось бывать в Тарту в научной командировке. В ходе различных непосредственных встреч, профессор П.Аристэ, не знающий никогда усталости, всегда радушно принимал нас, интересовался нашим научным ростом, давал добрые советы. Беседовать с П.Аристэ было бесконечно интересно. Вы слушаете его и забываете о времени, вас целиком увлекает рассказ, его меткие остроумные замечания. К П.Аристэ никак нельзя применить трафаретное определение «жизнь и деятельность». Его жизнь и есть деятельность. Вне научной и педагогической работы не было бы и жизни для великого ученого.

...Перед большим окном в его кабинете-библиотеке стоит массивный письменный стол. На нем много книг, рукописей, писем — академику, доктору филологических наук, профессору П.Аристэ писали со всех концов страны и из-за рубежа. Например, с днем рождения П.Аристэ получал ежегодно более 300 письменных поздравлений из многих стран мира — Финляндии, России, Франции и Австрии, Швеции и Турции, Канады и Японии и др. И конечно, как правило, он всегда находил время дать ответ на каждое письмо или поздравление.

Пройти школу профессора П.Аристэ — это не просто пройти научную школу, нет, это жизненная школа, где человек, будучи его учеником, вырабатывает в себе волю, внутреннюю дисциплину, большое трудолюбие, интерес ко многим явлениям жизни, внимательное и бережное отношение к тем, кто его окружал.

Дмитрий Цыганкин, Михаил Мосин
Саранск

«Финно-угроведение», 1995, №3-4.

Обзоры и рецензии

Рец.: *ЭРЗЯНЬ-РУЗОНЬ ВАЛКС.* Эрзянско-русский словарь. Под редакцией академика Б.А. Серебренникова, докторов филологических наук Р.Н.Бузаковой, М.В.Мосина. М., 1993.

В фиксации словарного запаса мордовских языков имеются далеко простирающиеся исторические корни. Первые попытки ограничиваются скромным перечислением слов, которые через сочинения Ф.И. фон Страленберга (1730) и Ф.Г.Миллера (1791) получили широкую известность в научном мире.

Во времена царствования Екатерины Второй в двух томах издан словарь П.С. Палласа, сравнительно рассматривающий 200 мировых языков. Мордовские языки, представленные 285 словами, находятся в нем на 61-62 месте. В качестве исходного материала использовались рукописные тексты, которые сохранились до настоящего времени. Крупным перечнем слов 18 столетия следует считать рукопись епископа Дамаскина, составленную на пяти языках :«Словарь разных народов, в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис» (1785). Словарный запас мордовских языков, находящийся в 45 тетрадях, вышел под редакцией А.П.Феоктистова отдельной книгой «Русско-мордовский словарь» только в 1971 году. Эрзянских слов в нем примерно 10 тысяч. За прошедшее столетие вышли два маленьких мордовских словаря в грамматиках А.Алквиста и Ф.И.Видемана. В форме рукописи остался объемный по размеру словарь, составленный Р.Ф.Учаевым и А.А.Шахматовым «Эрзянский словарь», в котором более 10 тысяч слов и фразеологизмов.

В первые годы советской власти появляется скромный эрзянский словарь «Эрзянь-рузонь валкс» (1931), составленный М.Е.Евсевьевым. Первая часть (А-К) (ок. 2500 слов). Словарь А.П.Рябова «Эрзянь-рузонь валкске» (1930) также содержит малое количество слов (ок. 3000 слов). Второе издание (1931) уже серьезно дополнено автором. «Русско-эрзянский словарь» (1948) содержит 25 тысяч слов, «Эрзянско-русский словарь» (1949)—15 тысяч слов,

«Мокшанско-русский словарь» (1949)—17 тысяч слов и «Русско-мокшанский словарь» даже до 40 тысяч слов.

Из всех имеющихся словарей эрзянского языка самым объемным изданием большого формата является «Эрзянь-рузонь валкс» (эрзянско-русский словарь) под редакцией академика Б.А.Серебренникова, докторов филологических наук Р.Н.Бузаковой, М.В.Мосина, вышедший в Москве в 1993 году. В предисловии как на эрзянском, так и на русском языках дается объем лексики количеством в 40 тысяч слов, с титульного же листа можно прочитать, что в словаре — 27 тысяч слов. При приблизительном подсчете кажется правдивее последний раз упомянутое число.

В основу словаря легла большая часть материала, собранная по мере необходимости, начиная с 1960 года, в Институте языка, литературы, истории и экономики Мордовии. Там же возникла идея задействовать карточки с записями художественного, научного и разговорного языка в составлении двуязычного словаря. Таким образом родился новый двуязычный словарь с энциклопедическими элементами, чьи авторы (Р.Н.Бузакова, Р.С.Ширманкина, Е.Н.Лисина, В.П.Цыпкайкина, Н.С.Адушкина) называют его «комплексом». Разумеется, что наряду с лексикой охвачены прежде всего названные труды, но следует иметь в виду также словари со специальным уклоном, такие как «Фразеологический словарь мордовских языков» (1973) Р.С.Ширманкиной, «Эрзянь-келень орфографической словарь» (1978) Р.Н.Бузаковой и Р.С.Ширманкиной, «Словарь синонимов эрзянского языка» (1982) Р.Н.Бузаковой, «Краткий этимологический словарь» (1977) на эрзянском языке Д.В.Цыганкина и М.В.Мосина и др. Целесообразные дополнения были получены из материала языковых экспедиций и из разработок по фольклористике. Несомненно, что данный словарь своей многогранностью и диалектными формами широко охватывающей лексики есть большой шаг в мордовской лексикографии. При знакомстве с содержанием словаря авторами подчеркивается, что словарь содержит в себе общественно-политические, научно-технические и сельскохозяйственные термины, также сложносокращенные слова и народные названия.

Ботанические термины собраны языковыми экспедициями в разных местах проживания эрзян. Как ботанические, зоологические, так и этнографические термины в большинстве своем являются сложными словами.

Научная, техническая и общественная часть терминологии словаря в основном состоит из русских заимствований. Вслед за этим часто встречаются международные слова, которые в некотором от-

ношении приспособлены к фонетике и морфологии эрзянского языка. Из-за отсутствия категории рода прилагательные, которые заимствованы в настоящее время, всегда используются с окончаниями мужского рода *-ой, -ей*, что с точки зрения русского языка является грамматически неправильным выражением, например, «контрольной работа» (сравни с русским «контрольная работа»). Что касается русских заимствований, то авторы словаря не пытаются выяснить, может ли быть своя такая же лексика, отличная от важных нюансов русского языка. Механически перенесено на эрзянский язык все то, что предлагает «Словарь русского языка» (1989) С.И.Ожегова или 4-томный «Словарь русского языка» (1981-1984). Авторы словаря мотивируют это тем, что у мордвы до сих пор еще отсутствует энциклопедия, толковые словари, специальные словари на родных языках. Синонимичные выражения при объяснении иногда опираются на русский, иногда на эрзянский язык. У авторов иногда возникали трудности, связанные с омонимичными и синонимичными выражениями из-за того, что в мордовских языках они до сих пор еще основательно не разработаны. Эрзянские причастия при переводе на русский язык ведут себя иногда как причастия и деепричастия, иногда как причастия и субстантивированные прилагательные. Все это также было головной болью для издателей, подготовивших соответствия на русском языке.

Размер словарной статьи колеблется от 1-2 строк до 2-х столбцов. Примером может служить оформление словарной статьи на слово «ялга».

Имеется большое количество диалектных слов с обозначением мест их употребления (их перечень занимает 2,5 двухстолбцовых страницы).

Автору статьи бросились в глаза такие сокращения, которые есть в тексте, но отсутствуют в перечне сокращений, например, «Пичинг», «Салд». Диалектная лексика обогащает язык своими собственными словами и оттесняет на этом пути рядом идущие русские синонимы, происходит естественная дерусификация.

В словаре также встречается несколько фразеологических выражений, которых, по мнению автора этой статьи, должно быть гораздо больше. Отсутствует, например, «миемс пря» (дословно: продать голову). Иногда также остается непонятным, почему оказались фразеологизмами такие выражения, как «ревматизмасо сэредиця», разговорное «ревматик» или «национальный суверенитет» (национальный суверенитет). Архаизмы, которые также входят в число фразеологических выражений, отсутствуют в словаре в большом количестве. Для оживления сравнительно монотонного текста можно было бы

включить такое изречение: «Мезе теемс – ёвтак, кода теемс – невтик» (Что делать – скажи, как делать – покажи).

Отсутствуют также некоторые прекрасные грамматические конструкции, у которых есть прямые соответствия в прибалтийско-финских языках, например *кедте* (*кедьсте*) *кедьс* «из рук в руки» и *педе (пестэ) пес* «из конца в конец».

От первых словарей мордовских языков совершенно отличается «Эрзя-рузонь валкс» тем, что свыше полста страниц в нем проиллюстрированы фотографиями о мордовском народном творчестве. Человек, пользующийся этим словарем, получает великолепный обзор об этнографических предметах (национальный костюм и др.), вместе с эрзянскими и русскими их терминами.

Работа выполнена авторским коллективом под руководством доктора филологических наук Р.Н.Бузаковой. Этот словарь – результат многолетнего труда, ведущий к большому шагу в развитии лексикографии мордовских языков, для всех лингвистов, кто питает интерес к мордовским языкам. Практическую ценность словаря оценят сами мордовцы, кому это произведение станет необходимым в каждодневной работе с языком. Хорошее оформление словаря делает приятным неоднократное его использование.

Пауль Алврe
Тарту

Клара Зенкова
Петрозаводск

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

В небольшой и неброской по внешнему виду книжечке Елены Григорьевны Сусой «Из глубины веков» (Тюмень, 1994, 173 с.) открылся мне, живущей на другом конце России, единственный в своей оригинальности мир целого народа. Но не только в обилии сведений, эпизодов, людей, фактов и другой информации притягательность книги, побудившая поделиться впечатлением, привлечь к ней внимание. Она еще и в особенностях авторского подхода, позволяющего увидеть и осмыслить современную жизнь ненцев через призму народных традиций, и наоборот, соотнести традиции, поняв

их историческую продуктивность, с нашим временем. Читательское мышление при этом возвышается за пределы чисто функционального (тенденциозно-политического, утилитарно-потребительского и т.п.) восприятия реальности к уровню культурного миропонимания.

Рассказывая о своем народе, Е. Сусой обращает нас к самому истоку культурно-экологического сознания ненцев, с присущим ему гуманистическим содержанием. Средствами этимологии, топонимики, фольклора приобщает читателя к корням древнего самодийского народа, истоком которого явилось триединство ТУНДРА – ОЛЕНЬ – ЧЕЛОВЕК. В этом триединстве заключено понятие родины, родной земли, в нем начало национального характера и глубинного чувства: «ТУНДРА для ненца постоянный дом». Творческая созидательная сила этого чувства (нынешняя цивилизация, исповедуя временные ценности, подвергает его серьезным испытаниям) раскрывается в книге через экологический календарь ненцев. «Экология», как известно, происходит от греческого *oĭkos*, что означает «дом». Автор вводит нас в дом своего народа, где каждое время года – «самостоятельный, завершенный цикл жизни» (49),обусловленный суровейшими природными условиями. Он насыщен трудом и заботами, будничностью, пропитанной своеобразной поэзией, и ярким разнообразием занятий, – увы! – но только ненцами утраченном в стандартно-однообразной жизни современного города. И в центре всего – ОЛЕНЬ! Впервые он предстал передо мной, никогда не бывавшей в тундре, не мехом и мясом, не изображением на картинке в школьном учебнике, а живым творением тундры, воплощением ее суровой красоты и силы. И началом всех начал для ненца. Ненец – дитя оленя! И мчащаяся оленья упряжка, оказывается, не просто средство передвижения. Она поэтический символ триединства, выражение духовно-творческой субстанции народной жизни.

Благодаря экологическому календарю, история народа открывается читателю не официальной, а внутренней, интимной стороной, в деталях, правилах и подробностях частных и общих отношений, через вещи, а главное – через ЧЕЛОВЕКА труженика. Автор активизирует читательское внимание, сосредотачиваясь на том, как из пересечения народа и среды его обитания вырастал образ жизни ненцев, их характер, стиль мышления и строй чувств, мировидение, основанное на доверии к природе. Пользуясь дарами тундры, обживая, ненец одухотворял ее своим талантом облагораживая и себя самого. Он и СЫН тундры, исполненный благородного чувства к взрастившей его земле, роду. И рачительный ХОЗЯИН, отвергающий потребительское отношение к тундре , к человеку. ОН и ПОЭТ,

постигающий людской опыт, природу, космос в образных сказаниях, в обычаях – во многих традициях, сформировавших национальное достоинство народа, его культурное лицо.

«Мы никогда не увидим, – пишет автор, – человека тундры с букетом полевых цветов или собирающим с цветками и листьями неспелую морошку» (19). Не будет человек тундры и огонь разводить, не соблюдая места, строго определенные правилами кочевья. Однако подобные «запреты», а также другие из глубины веков идущие национальные традиции несут в себе и общечеловеческую значимость, поэтому в сознании читателя другой национальности возникают ассоциации с собственными традициями. Русскому человеку, например, не кажется странным считать грубостью обращение к старшим по имени, потому что древний обычай ненцев отмечать взросление человека заменой имени, данного при рождении, термином, обозначающим родственную связь, близок русскому обычаю прибавлять к имени взрослого человека отчество! Иначе говоря, подчеркивание родственных связей издревле считается у ненцев и русских признаком воспитанности, правилом хорошего тона. Оно сохраняет чувство дома как человеческого сообщества, родства. Напомнить об этом очень кстати именно сейчас, когда средства массовой информации усиленно разрушают традиционную культуру, настойчиво внедряют в наше сознание, помимо прочего, американскую форму обращения – только по имени, независимо от возраста и родства.

Ценность труда Е. Сусой, таким образом, в сбережении культурной памяти не только ненцев. Есть у книги и еще одна особенность, заставляющая волноваться и думать. Она пронизана глубоко личным переживанием, передающимся читателю. Пафос авторского повествования в защите родной земли, культуры, оленеводства, образования, человечности от наносящих им незаживающие раны бесчувствия, недомыслия, невежества. Но вы не найдете здесь столь модных сегодня крикливых обличений старого или нового. Есть боль, мудрость, понимание и раздумья, естественно приводящие ненецкую ученую к позиции, близкой многим исследователям Севера. Ее сформулировал в свое время В. А. Обручев: «Учиться искать, учиться думать, учиться рисковать, но не быть ради успеха жестоким к культуре, языку и традициям своего народа, самому народу» (117).

Всем духом книги Елены Григорьевны утверждается важность осмысления нового с позиций ПРОСВЕЩЕННОСТИ, т. е. глубоких познаний, соединенных с нравственностью. Просвещенный ненец не стыдится обычаев предков, умеет защитить их от насмешек невежества или людей другой культуры. Он знает, например, что при-

вычка ненецкого мужчины идти впереди женщины и детей имеет свое начало в тяготах кочевой жизни в тундре, когда мужчина был единственным защитником слабых. Но видя в автобусе пьяную женщину с ребенком, он стыдится, что перестал быть защитником, несет вину и ответственность за этот факт разрушения исконной традиции почитания женщины-созидательницы, хранительницы огня — духовной жизни народа и всего, что является домом для души ненца (18,23).

Страницы, посвященные ненецкой женщине, исполнены тепла и светлого чувства, рождающего ответную симпатию. Свойственный ей особенный сплав практической мудрости и поэтической одаренности воплотился в слове, в образности языка, в предметах домашнего обихода, в поведении, в песнях и дал, по мнению Е.Сусой, начало ненецкой письменности. Мысль о том, что именно женщина была создательницей ненецкой письменности, интересно и неожиданно обосновывается автором книги. Действительно, шитье, крой, фасон одежды, подбор орнамента и т.п. — процесс, протекавший по определенным правилам и отражавший правила жизни – своего рода УЗОРНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

Книга украшена рисунками детей, обогащена произведениями фольклора, информацией о трудах ненецких ученых, коллег Е.Сусой (хорошо бы дать в приложении библиографический список), в ней есть содержательный материал для специалистов, особенно по ономастике как части лингвистики, финно-угроведению. В издании, связанном, как сказано в предисловии, с юбилеем первой ненецкой женщины ученой, не помешал бы ее портрет. И, кроме того, карта и русско-ненецкий словарь приведенных в книге терминов, названий.

Спасибо автору и издателям за хорошую книжку!

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Рец.: *М.Г.ИВАНОВА.* Истоки удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 1994. 192 с.

Рецензируемая книга, написанная заведующей отделом археологии Удмуртского НИИ истории, языка и литературы УрО РАН кандидатом исторических наук М.Г.Ивановой, адресована, в первую очередь, учащейся молодежи. Министерством народного образования Удмуртской республики она рекомендована в качестве учебного пособия.

Создание такого рода работы стало возможным в результате исключительно масштабных археологических исследований, которые проводятся в последние четверть века в Удмуртии, в том числе и Удмуртским НИИ истории, языка и литературы. Немалый вклад в эти исследования внесла и сама М.Г.Иванова. Под ее руководством изучался ряд средневековых археологических памятников, оставленных предками удмуртского народа. Особое же значение приобрели работы автора на городище Иднакар, начатые еще в 1974 г. Многие результаты опубликованы ею в монографиях и специальных статьях. Создание прочной исторической и научной базы позволило подготовить и данное учебное пособие.

Оживляет книгу продуманная, четкая структура. Во «Введении» М.Г.Иванова определяет место удмуртов среди народов уральской языковой семьи. Для большей наглядности ею представлена схема развития этих народов в виде родословного дерева (с. 9). Читатель получает данные об антропологическом типе удмуртов. В частности, отмечается, что удмуртов от близкородственных народов отличает большой процент рыжеволосых (с. 10). Даны сведения об этнонимах удмуртов и названиях их этнотерриториальных групп, а также о том, как их называют соседние народы. Во «Введении» помещен очерк истории изучения этногенеза удмуртского народа. Причем, несмотря на его компактность, выделены работы археологов и этнографов, и языковедов, имеющих значение для познания удмуртской истории. Естественно, что основное место уделено анализу исследований археологов, т.к. археологические источники являются наиболее массовыми, а иногда и единственными при изучении ранней этни-

ческой истории. Поэтому уделено внимание как взглядам классиков археологии Прикамья А.П.Смирнова, В.Ф.Генинга, А.В.Збруевой, так и разработкам современных исследователей: Р.Д.Голдиной, В.А.Семенова, Н.И.Шутовой и др.

В разделе «Финно-угры в Прикамье. Древнейшие корни удмуртской культуры» рассмотрение этнической истории начинается со времени появления человека на территории Удмуртии, т.е. с эпохи мезолита (VIII-V тыс. до н.э.). М.Г.Иванова, привлекая кроме археологических источников данные лингвистических исследований, показывает, как происходила дифференциация финноязычного населения в Прикамье в VIII-VI тыс. до н.э.

Ход исторического процесса приводит к усложнению в VII-III вв. до н.э. крупной общности — ананьинской культуры, которая, с одной стороны, явилась продолжением развития культур Прикамья эпохи бронзы, а с другой — стала этническим фундаментом финно-пермских народов (с. 28). М.Г.Иванова, опираясь на труды археологов и языковедов, отмечает длительные контакты населения, оставившего ананьинскую культуру, с иноязычными народами. Раскрывая картину исторических событий II в. до н.э. — V в. н.э., автор не стала отягощать внимание читателя дискуссионными вопросами, которыми насыщены исследования ученых, посвященные этому времени, а постаралась проследить общее направление развития финно-пермских народов в Вятско-Камском междуречье, постепенно подходя к собственно удмуртской истории.

В разделе «Этнические процессы в Прикамье в эпоху раннего средневековья. Древние удмурты V-IX вв.» М.Г.Иванова первоначально дает широкую историческую картину событий, проходивших в Евразии в 1-ой половине — середине I тыс. н.э., стремясь показать читателю значение внешних воздействий на формирование народов Прикамья. Это проявляется в этнической неоднородности населения, оставившего археологические памятники в Удмуртском Прикамье середины I тыс. н.э. Видимо, поэтому М.Г.Иванова выделяет три группы археологических памятников раннего средневековья, имевшие отношение к удмуртскому этносу: 1) памятники Прикамской Удмуртии, 2) Вятские памятники, 3) памятники бассейна р. Чепцы. При этом отмечается значительная неоднородность населения, оставившего памятники VI-IX вв. в Прикамской Удмуртии. По-моему, этот тезис нужно было распространить и на население, проживавшее в бассейне р. Вятка в V-IX вв.

Автор пишет, что население, оставившее все три группы памятников раннего средневековья, приняло прямое участие в формировании удмуртов (с. 75), но при чтении текста складывается впечатле-

ние, что основную роль при этом играл этнос, расселявшийся в бассейне р. Чепцы, а праудмуртская принадлежность двух других групп памятников обоснована не до конца.

Наиболее крупным по объему и важным по значению является раздел «Удмурты в начале II тыс. н.э.». Автор пытается проследить преемственность культур удмуртов X-XIII вв. от более ранних памятников. Достаточно убедительно показана смена поломской культуры на чепецкую. В то же время рассмотрение в учебном пособии чумойтлинской культуры Южной Удмуртии, по-видимому, можно было бы опустить в связи с фрагментарностью материальных остатков последней.

М.Г.Иванова, анализируя имеющиеся на сегодняшний день источники, верно определяет этническую неоднородность аров. Она пишет, что в их состав входили удмурты, марийцы и татары (с. 82). Хочется добавить, что вполне возможно, ары — это не этнос, а политическое объединение.

Подробно рассмотрены все стороны жизнедеятельности чепецких удмуртов X-XIII вв. Восприятию читателем культуры, производственных процессов и быта народа помогают сделанные на высоком профессиональном уровне текстовые и графические реконструкции. После прочтения данного раздела возникает глубокое убеждение в том, что именно X-XIII вв. были важнейшим периодом в процессе формирования удмуртской народности. Не подлежат сомнению временные границы этого периода — X-XIII вв. Добавлю только, что они наверняка связаны с событиями военно-политического характера. Ранняя дата чепецкой культуры (X в.) сопрягается с зарытием наиболее крупных кладов во второй половине IX- начале X вв.: Кестымского, Лесагуртского, Богдановского (с. 155), что, как известно, чаще всего происходит в период военных потрясений. Прекращение жизни на большинстве удмуртских поселений и функционирования могильников в XIII в. связаны с монгольским нашествием в Восточную Европу.

В XIII-XV вв. в истории удмуртского народа наблюдается «темное пятно», связанное с отсутствием полноценных источников. Этот факт, наверное, нужно было бы отметить в «Заключении». Но М.Г.Иванова больше внимания уделила походам ушкуйников на Вятку и Каму, которые являются событиями очень яркими, но не оказавшими большого влияния на общий ход исторического процесса в регионе.

Заслуживает внимания тезис автора о том, что вхождение в состав Русского государства привело к этнической консолидации уд-

муртской народности (с. 178). Нахождение в составе развитого крупного государства оказывает благоприятное воздействие на этнос, при отсутствии острых межнациональных противоречий. Аналогичные этнические процессы, по моему мнению, проходили и у марийцев во второй половине XVI-XVII вв. и у мордвы в составе Золотой Орды в XIII-XIV вв.

Положительному восприятию книги способствует хорошая полиграфия. Помогают разъяснить текст удачно подобранные иллюстрации и фотографии. Вообще художественное оформление книги (Н.А.Быков) оригинально и достаточно высокого качества. Оживляют книгу и репродукции с картин В.Белых.

В целом, считаю, что автору удалось достичь поставленных перед ним целей и средние, а также высшие учебные заведения Удмуртии получили добротное пособие по ранней истории удмуртского народа. Несомненно, что рецензируемая книга не останется незамеченной и во всем финно-угорском мире.

Юрий Зеленеев
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

Хроника

ВОСЬМОЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННО-УГРОВЕДОВ

Начиная с 1960 года, традиционными стали Международные конгрессы финно-угроведов, которые проводятся с интервалом в пять лет. Очередной, восьмой форум, состоялся 10-15 августа 1995 г. в Финляндии, в городе Ювяскюля.

Со времени своего зарождения это движение ученых претерпело определенную эволюцию. Первоначально международные конгрессы финно-угроведов были сугубо лингвистическими, и только частично затрагивались близкие сферы филологии, что означало возможность участия отдельных литературоведов и фольклористов. Затем в круг вопросов, в определенной мере затрагивавшихся на конгрессах, вошли также проблемы этнографии и археологии. Но общей историко-культурной характеристики родственных народов долго не наблюдалось, а потребность в этом многими ощущалась. Поэтому естественным стало ощущение недостаточности только лингвистического понимания финно-угроведения.

Конгресс финно-угроведов в Ювяскюля отличался более широким кругом научных проблем и направлений, включенных в программу. Другой особенностью этого форума было большое количество участников (около тысячи), что, впрочем, не могло способствовать поддержанию высокого научного уровня в работе всех секций.

Общественность и правительство Финляндии проявили большое внимание к международному конгрессу. Его покровителем (патроном) был президент страны *Мартти Ахтисаари.* Участников конгресса приветствовал министр просвещения *Олли-Пекка Хейнонен.*

Первое пленарное заседание было посвящено двум крупным проблемам. Первая называлась — «Положение уральских языков и культур в новых исторических условиях» и включала в себя доклады, с которыми выступили *Сеппо Лаллукка* (Хельсинки) и *Валерий Патрушев* (Йошкар-Ола). По второй проблеме — «Некоторые

основные вопросы уральского праязыка» были заслушаны доклады *Евгения Хелимского* (Москва) и *Ласло Хонти* (Будапешт).

В связи с тем, что в 1996 году венгерский народ будет отмечать 1100-летие «обретения Родины», этой исторической проблеме было посвящено специальное пленарное заседание, на котором с докладами выступили венгерские ученые *Чанад Балинт* и *Иштван Фодор*.

На пленарное заседание также были вынесены «Проблемы происхождения культур, языков и народов Прибалтики». На нем представили доклады *Ингрид Рюйтель* из Эстонии и финские исследователи *Пекка Саммаллахти* и *Марья-Лииза Савонтаус*.

Основная работа конгресса проходила в секциях. Их большое количество и разнообразие тематики свидетельствовали о широком круге вопросов и научных направлений, которые объединяет современное финно-угроведение.

Вполне понятно и естественно, наиболее широко и разносторонне традиционно было представлено языкознание. Ведь финно-угорская общность — это прежде всего языковое родство. Поэтому ясно, что ученые, изучающие языки родственных (не только финно-угорских, но также и самодийских) народов, работали в нескольких секциях. Это — фонология и морфология (с двумя подсекциями), синтаксис и семантика, лексикология и ономастика (с двумя подсекциями), языковые контакты и современное состояние языков.

Как уже отмечалось, конгресс знаменовал широкое равноправное включение и других наук в комплекс финно-угроведения. Об этом можно судить по названиям секций: этнология, фольклористика, верования, народная музыка, новое историческое состояние, литература и идентитет, литературные связи и фольклор, теория и интерпретация, археология, антропология.

Одна из задач, на которые ориентированы такие крупные встречи ученых — это подведение итогов развития, своего рода «инвентаризация» самих наук за конкретный отрезок времени (в данном случае за пять лет после конгресса в Дебрецене). В этом смысле весьма ценными, привлекшими большое число участников, были специальные заседания, посвященные достижениям и нерешенным проблемам языкознания, фольклористики, этнографии, литературоведения, археологии в изучении финно-угорских (шире — уральских) народов. Не менее живо эти вопросы обсуждались в библиотеке университета, где была организована выставка новой литературы по финно-угроведению.

Многие спорные, дискуссионные вопросы были вынесены на симпозиумы, которым был отведен почти полный рабочий день. Их было организовано всего 14, тематика была очень разнообразной:

это и мифология, и шаманизм, и детский язык, и обучение финно-угорским языкам в качестве вторых или иностранных и т.д. Но особенно много участников собрал симпозиум, посвященный проблемам развития литературных языков. Эти проблемы чрезвычайно актуальны и для саамов, у которых сформировалось несколько литературных языков, и для самого многочисленного бесписьменного до последнего времени народа России — карельского, и для вепсов, у которых очень непродолжительное время существовала письменность в 30-х годах и сейчас вновь возрождается усилиями энтузиастов, и для мордвы и марийцев, имеющих по два литературных языка. По этим вопросам шли горячие споры, иногда высказывались прямо противоположные взгляды и соображения...

В целом, конгресс обеспечил высокий уровень постановки и обсуждения фундаментальных и частных проблем языка, культуры (в широком понимании), этнического состояния финно-угорских народов, способствовал установлению личных контактов ученых, что также очень важно для прогресса науки.

Вообще 90-е годы стали временем расширения контактов и солидарности, движения общности в финно-угорском мире, а также временем рождения и развития национальных движений, что не могло не отразиться и на финно-угроведении. Тревога за будущность родных народов, их языков и культур заставила ученый мир расширить свой взгляд на эти народы, увеличить круг проблем, требующих к себе пристального внимания — включая и исторический путь, и современное этническое состояние.

Даже в традиционном языковедческом комплексе произошло расширение взгляда: наряду с подробными описаниями, углубленным анализом частных характеристик языковых фактов, в том числе реликтовых, стал в определенной мере наблюдаться более широкий социолингвистический анализ жизни и функционирования уральских языков как живых организмов, имеющих будущее.

Ювяскюльский конгресс финно-угроведов показал, что в современных условиях, когда на повестку дня всего существования финно-угров (в частности России) выдвинулись проблемы их этнического возрождения и укрепления их культурного сотрудничества, духовного общения как гаранта их будущего, финно-угроведение должно развиваться в сторону расширения своих функций, чтобы не только отмечать языковые корни родства, но и находить новые аспекты, сближающие наши народы. Это была действительно широкая встреча ученых, изучающих этногенез, язык, фольклор, быт, культуру, этническую историю и современное состояние финно-угорских и самодийских народов.

Финно-угроведение как комплекс направлений гуманитарных исследований о родственных народах имеет исторические корни и богатые традиции, которые обогатил конгресс в Ювяскюля. Он исходит из надежды, что не только венгры, финны и эстонцы имеют условия и перспективы для своего этнокультурного восхождения, но и для этнического возрождения финно-угров и самодийцев России еще не все шансы утеряны, что еще можно возродить и эти древние народы к полнокровной жизни, спасти от ассимиляции, сохранить их языки и культуры, вдохнуть в них новые силы.

Научное обеспечение процессов этноязыкового, социокультурного развития родственных народов должно укрепляться и углубляться впредь. Международное сотрудничество и кооперация научных сил должны расширяться. Об этом говорил почетный гость конгресса, Президент Эстонии *Леннарт Мери* и пригласил финно-угроведов через пять лет, в 2000 году, провести Девятый международный конгресс в эстонском городе Тарту. Международный комитет финно-угроведов принял это предложение.

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 1995, № 3-4.

ПАМЯТИ ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА АРХИПОВА (1932-1995)

Российское финно-угроведение понесло тяжелую утрату — 15 сентября 1995 года скоропостижно скончался Геннадий Андреевич Архипов —известный специалист в области финно-угорской археологии, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Марий Эл, директор Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им.В.М.Васильева.

Г.А.Архипов родился 11 января 1932 года в деревне Сенькино Медведевского района Республики Марий Эл в марийской крестьянской семье. Первоначальное образование получил в Сенькинской начальной и Йошкар-Олинской средней школе № 11. После окончания семи классов последней в 1947-1951 годах он обучался в Йошкар-Олинском педагогическом училище. Зародившийся здесь интерес к истории определил его дальнейшую судьбу.

В 1951-1955 годах Г.А.Архипов — студент исторического отделения историко-филологического факультета Марийского государ-

лет учебы у него проявилась склонность к исследовательской работе. Одинаково успешно овладевая основами всех исторических дисциплин, он отдавал предпочтение древней и средневековой истории. Будучи членом СНО, под руководством проф. С.П.Сингалевича написал свою первую работу, посвященную социальным отношениям в древнегреческом полисе.

Выработанные за годы учебы эрудиция, целеустремленность и потенциальные задатки к научной работе выпускника-историка вскоре были востребованы. После непродолжительной работы по окончании института инспектором школ Хлебниковского районного отдела народного образования Г.А.Архипов в марте 1956 года по рекомендации преподавателей кафедры истории пединститута был приглашен в МарНИИ на должность младшего научного сотрудника сектора истории с перспективой специализации по археологии. Эта специальность, будучи тогда в республике дефицитной, становилась весьма актуальной. Начатая в середине 50-х годов работа по созданию коллективного исследования «Очерки истории Марийской АССР» осложнялась слабой изученностью археологических древностей края. С этой целью в начале 1956 года решением правительства республики была создана Марийская археологическая экспедиция, начальником которой был приглашен видный казанский археолог А.Х.Халиков. С первого полевого сезона экспедиции весной 1956 года началась научная деятельность Г.А.Архипова по исследованию древней и средневековой истории Марийского края. Под руководством опытного наставника, будучи его заместителем, он со свойственной ему энергией включается в изучение местных археологических памятников, в течение нескольких полевых сезонов приобретает профессиональные знания, навыки и опыт организации и практики полевых исследований, публикует первые статьи. В 1956-1959 годах экспедицией при активном участии Г.А.Архипова было выявлено несколько сотен археологических памятников на территории Марийской АССР, сопредельных районов Кировской и Нижегородской областей, Республики Татарстан, часть которых исследовалась стационарными раскопками. С 1960 года он стал начальником Марийской археологической экспедиции. В этом же году он возглавил сектор истории МарНИИ. Одной из его забот была подготовка будущих специалистов по истории, археологии и этнографии. Он непосредственно занимался подбором кадров всех трех специальностей, представляя дирекции кандидатуры для приема в штат института или направления в аспирантуру.

В конце 50 — начале 60-х годов Г.А.Архипов разрабатывает разделы по древним периодам истории края коллективного труда

«Очерки истории Марийской АССР», публикует статьи по археологии в исторических сборниках издаваемой в то время серии «Труды МарНИИ», археологические материалы в «Трудах Марийской археологической экспедиции». В те годы у него определился интерес к проблеме этногенеза (происхождения) марийского народа, ставшей впоследствии одним из главных направлений его научных исследований. Этой тематике он посвятил монографии, разделы в коллективных изданиях «Очерки истории Марийской АССР» и «История Марийской АССР», доклады на научных конференциях, первый из которых прозвучал на конференции по происхождению марийского народа (Йошкар-Ола, декабрь 1965 г.), десятки статей в местных и иногородних изданиях.

На эту тему была выполнена кандидатская диссертация Г.А.Архипова во время учебы в очной аспирантуре Института археологии АН СССР в 1964-1967 годах под научным руководством крупного археолога, доктора исторических наук, профессора А.П.Смирнова. Основу диссертации составили материалы Младшего Ахмыловского могильника V-VII вв. н.э., открытого и исследованного им. Диссертация успешно была защищена в декабре 1967 года. На ее материалах была издана монография Г.А.Архипова «Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа» (1973). Основу его научной концепции происхождения марийского этноса составляет положение о взаимодействии и смешении двух основных предшествовавших этнических групп населения Поволжья и Прикамья — племен позднегородецкой и азелинской культур. Положения и выводы марийского археолога получили признание и положительно оценены большинством отечественных и зарубежных специалистов. Его исследование ныне является настольной книгой специалистов финно-угорской археологии.

В 1969 году Г.А.Архипов возглавил созданный по его инициативе сектор археологии и этнографии. За шесть лет руководства сектором он многое сделал для его количественного роста и повышения квалификации сотрудников, для расширения тематики актуальных исследований и их популяризации. Его усилиями создано серийное издание «Археология и этнография Марийского края», пользующееся спросом среди специалистов и краеведов. С 1976 по 1995 год издано 24 выпуска этой серии, в которых Г.А.Архипов принимал самое активное участие как автор статей и научный редактор.

Назначенный с 1970 года заместителем директора МарНИИ по науке, Г.А.Архипов большое внимание уделял издательской деятельности института, организовав издание тематических сборников секторов, не упуская заботы об их качественном уровне. При его ак-

тивном участии и организаторской деятельности осуществлен ряд крупных научных конференций, среди которых I и V конференции историков-аграрников Среднего Поволжья в г.Йошкар-Оле (ноябрь 1976 и май 1988 гг.), симпозиумов по полевой археологии в пос. Юрино (1977, 1989 гг.) и г.Васильсурске (1992 г.), Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984-1985 годов в г.Йошкар-Оле (октябрь 1986 г.). Он принимал самое непосредственное участие в издании их материалов.

70-90-е годы — наиболее плодотворный этап в научной деятельности Г.А.Архипова. Развивая и детализируя тему этногенеза марийцев, он также вносит значительный вклад в изучение ранней их этнической истории, этнокультурных контактов и взаимосвязей марийцев и их предков с соседними племенами и народами, реконструкцию хозяйства, материальной культуры и общественных отношений населения края в периоды древности и средневековья. Помимо первой книги и ряда статей, этой тематике посвящена монография «Марийцы XII-XIII веков. К этнокультурной истории Поветлужья» (1986). К их разработке Г.А.Архипов постоянно привлекал расширяющийся круг своих учеников, приобретших опыт полевой и исследовательской работы в возглавляемой им Марийской археологической экспедиции. Лично и в соавторстве он периодически публикует серию работ, подводящих итоги археологических исследований за определенные периоды работы Марийской археологической экспедиции и по конкретным проблемам археологии Марийского края. Эта тема получила обобщение в его монографии «Марийский край в памятниках археологии» (1976).

В январе 1989 года Г.А.Архипов был назначен директором МарНИИ. Наряду с руководящей работой, легшей на его плечи в сложные годы социально-политических преобразований, он продолжал свою профессиональную творческую деятельность, превозмогая личные (кончина супруги) и производственные трудности. В 1991 году Г.А.Архипов на заседании специализированного совета Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова в качестве докторской диссертации защитил научный доклад на тему «Этногенез и раннесредневековая этническая история марийцев», и по совокупности опубликованных работ ему присвоена ученая степень доктора исторических наук. Под его руководством и при личном участии коллективом отдела археологии МарНИИ в эти годы завершен и издан многолетний труд — «Атлас археологических памятников Республики Марий Эл» в двух томах (1990, 1993), представляющий собой систематизированный свод памятников археологии края эпохи древности и средневековья.

Признанием научных заслуг Г.А.Архипова явилось избрание его вначале членом-корреспондентом, а затем действительным членом (июнь 1995 г.) Российской народной академии наук по специальности «археология».

Г.А.Архипов стоял у истоков организации археологических исследований в республике, с 1960 года являясь бессменным руководителем Марийской археологической экспедиции. Под его руководством проводились разведочные работы и стационарные раскопки старых и вновь открытых археологических памятников, в которых приобретали исследовательский опыт и шлифовали свое профессиональное мастерство известные ныне археологи В.В.Никитин, Т.Б.Никитина, Б.С.Соловьев, С.В.Большов, А.И.Шадрин. Всю свою научную и организаторскую деятельность он отдал родному институту, в котором прошел почти сорокалетний путь творческого роста от младшего научного сотрудника до директора. Обширен был его круг научных интересов, разнообразна тематика его исследований. Больше всего он занимался вопросами этногенеза, этнической истории и этнокультурных связей марийцев и их ближайших соседей, которым посвятил две монографии и около 50 статей. Кроме того, его перу принадлежит монография и не менее 50 статей, посвященных характеристике археологических памятников различных эпох, отдельных аспектов материальной и духовной культуры, хозяйственных отношений финно-угров. Большинство его работ опубликовано в изданиях МарНИИ. Он является также автором ряда статей в Большой советской энциклопедии (2-е издание), Советской исторической энциклопедии, журнале «Советская археология», научных сборниках, изданных в Москве, Казани, Ижевске, Уфе, Сыктывкаре, Таллинне и др.

Г.А.Архипов приложил немало усилий в деле подготовки и повышения квалификации научных кадров, совершенствования структуры института. Многие ученые-гуманитарии начинали свою научную карьеру в стенах МарНИИ. Он много времени уделял редактированию научных изданий МарНИИ, проявлял при этом особое внимание работам молодых исследователей, не навязчиво воспитывая у них почтительное отношение к трудам предшественников и уважение к мнению коллег, требовал точности в работе с полевыми материалами, источниками и литературой. Будучи участником международных, всесоюзных, российских и региональных конференций, он внес большой вклад в развитие финно-угорской археологии и получил заслуженное признание, пользовался авторитетом среди отечественных и зарубежных коллег.

Научно-исследовательскую работу Г.А.Архипов успешно сочетал с педагогической и общественной деятельностью. Он читал лекции и вел спецкурсы в МарГУ и МГПИ, руководил археологической практикой, курсовыми и дипломными работами студентов-историков, неоднократно назначался председателем Государственной экзаменационной комиссии местных вузов.

В 1970-1985 годах Г.А.Архипов являлся председателем Марийского республиканского Совета и членом Российского Совета ВООПИК. В разные годы он был или оставался до конца жизни членом бюро регионального объединения по аграрной истории Среднего Поволжья, членом координационного совета по археолого-этнографическому изучению Урало-Поволжского региона, членом научно-методического совета Дома политпросвещения Марийского ОК КПСС, членом Художественного совета по изобразительному и народно-прикладному искусству при Совете Министров Марийской АССР, членом Марийского комитета защиты мира, членом Марийского обкома профсоюза работников просвещения и научных учреждений, членом президиума Марийского координационного центра науки, председателем Совета Научного центра финно-угроведения, членом Ученых Советов МГПИ и Института образования — вот не полный перечень проявления его активной жизненной позиции. Он являлся пропагандистом исторической и археологической науки, часто выступал с лекциями среди населения республики, участвовал в передачах по радио и телевидению, публиковал научно-популярные статьи в местных газетах и журналах.

Правительство республики высоко оценило заслуги и вклад Г.А.Архипова в историческую науку. Он был награжден медалью «За трудовую доблесть. К 100-летию со дня рождения В.И.Ленина» (1970 г.) ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки Марийской АССР» (1980 г.), награждался Почетными грамотами Марийского ОК КПСС и Совета Министров Марийской АССР.

Жизнь и творческая деятельность Г.А.Архипова — это пример исключительного трудолюбия, целеустремленности и преданности науке, постоянных поисков и открытий. Видный ученый, серьезный полевик-исследователь, опытный организатор науки, чуткий наставник, доброжелательный коллега и товарищ — такова светлая память, которую навсегда оставил Геннадий Андреевич Архипов в сердцах его коллег, друзей и знакомых.

Геннадий Айплатов, Валерий Никитин, Геннадий Сепеев

Йошкар-Ола

Литература о Г.А.Архипове

Патрушев А. Первый ученый-археолог из мари // Марийская правда, 1967, 14 октября.

Патрушев А. Марий ученый-археолог // Марий коммуна, 1967, 9 декабря.

Патрушев А. Экспедиций муын // Марий коммуна, 1968, 29 сентября.

Сепеев Г. Древние марийцы: исследование археолога // Марийская правда, 1973, 13 сентября.

Сепеев Г. Шуко уым пален налме [К 20-летию Марийской археологической экспедиции] // Марий коммуна, 1975, 2 декабря.

Китиков А. Археолог Г.А.Архиповлан — 50 ий // Марий коммуна, 1982, 10 января.

Сепеев Г. По следам древних предков [К 50-летию Г.А.Архипова] // Марийская правда, 1982, 2 февраля.

Айплатов Г., Сепеев Г. Знаток древностей // Марийская правда, 1991, 12 июля.

Андреев И. Марий археологийын ачаже [К 60-летию Г.А.Архипова] // Марий коммуна, 1992, 15 января.

Геннадий Андреевич Архипов [Некролог] // Марийская правда, 1995, 19 сентября, Марий Эл, 1995, 19 сентября.

Об опубликованных работах Г.А.Архипова

Список опубликованных работ Г.А.Архипова // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С.201-206 (Археология и этнография Марийского края. Вып.21).

Библиографический указатель научных трудов МарНИИ за 50 лет (1930-1980). Йошкар-Ола, 1981. С.97-98, 112-116, 146, 146, 155, 156.

Библиографический указатель научных трудов МарНИИ (1981-1990). Йошкар-Ола, 1991. С.4-11, 43, 53-54, 93-94.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Керт Георгий Мартынович — ведущий научный сотрудник Института ЯЛИ Карельского научного центра РАН, доктор филологических наук. Специалист в области финно-угорского языкознания.

Быконя Валентина Петровна — старший научный сотрудник Томского пединститута. Специалист по лингвистике самодийских языков.

Абукаева Любовь Алексеевна — аспирантка Марийского госуниверситета. Занимается проблемами исторического синтаксиса марийского языка.

Черных Елизавета Михайловна — старший преподаватель кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского госуниверситета. Занимается проблемами средневековой археологии Камско-Уральского региона.

Федорова Марина Васильевна — профессор Белгородского пединститута, доктор филологических наук. Специализируется в области славянской лингвистики.

Лимеров Павел Федорович — научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Специализируется в области духовной культуры коми.

Гильди Леонид Андреевич — заместитель председателя общества Инкерин-Лиитто, Санкт-Петербург.

Мосин Михаил Васильевич — профессор, декан филологического факультета Мордовского госуниверситета, доктор филологических наук. Специалист в области эрзянского языка.

Цыганкин Дмитрий Васильевич — профессор, заведующий кафедрой эрзянского языка Мордовского госуниверситета, доктор филологических наук. Специалист в области эрзянского языка.

Алвре Пауль — профессор Тартуского университета, доктор филологических наук. Специалист в области финно-угорского языкознания.

Зенкова Клара Владимировна — доцент кафедры русской литературы Карельского пединститута, кандидат филологических наук. Специализируется в области литературы народов России.

Зеленеев Юрий Анатольевич — ученый секретарь НЦФУ при МарНИИ. Специалист в области средневековой археологии Поволжья.

Айплатов Геннадий Николаевич — доцент кафедры отечественной истории Марийского госуниверситета, кандидат исторических наук. Специалист в области феодальной истории Марийского края.

Сепеев Геннадий Андреевич — заведующий отделом этнографии МарНИИ, кандидат исторических наук. Специалист в области материальной и духовной культуры марийского народа.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в соответствии с правилами, опубликованными в журнале «Финно-угроведение», № 1-2 за 1994 г.

Не забывайте, что объем рукописей статей не должен превышать 22 машинописные страницы, для сообщений — не более 11 страниц. К рукописи должно быть приложено резюме статьи объемом не более одной машинописной страницы на английском или русском языке.

Необходимо прилагать основные сведения об авторе статьи (где и кем работает, ученое звание и степень, сферы научных интересов).

CONTENTS

Articles

G.Kert. The Problems of Studying Finno-Ugric Toponymy. 3
A. Kuklin. Typical Shortcomings in Application of ResearchMethods to Linguistic Study of Local Lore. 28
V.Napolskikh. On the "Ancient Turkic" Loanwords in the Votyak Language. 38
N.Glukhova. Temporal Logical Structure of the Mari Spells 52
V.Bykonya. Historico-Etymological Interpretation of the Word-Building Models of the Compound Numerals "8" and "9" in the Selkup Dialects 64
L.Abukayeva. On the Genesis of Subordination in the Mari Language. 79
E.Chernykh. Some Results of Studying an Ancient Permian Dwelling (on researching the settlements of the I mil. B.C. and the first half of the II mil. A.D.) 88

Reports

I. Galkin. The Words Nominating Males in the Present-Day Mari Language and their Etymology. 116
M. Fyodorova. Constrat Phenomena in Eastern Europe. 124
P. Limerov. Kuttya-Voisa — the Komi Christmas-Tide Ghosts 136
L. Gildy. On the Problem of Rehabilitation of the Ingermanlanders (Russian Finns) 146

Personalia

M.Mosin. Professor D.V. Tsygankin and Mordvinian Linguistics (For the 70th Birth Anniversary) 159

1995 — the Year of Paul Ariste

I.Galkin. Academician Paul Ariste and Mari Linguistics. 167
D. Tsygankin, M.Mosin. Academician Paul Ariste and Mordvinian Linguistics 171

Reviews

Erzyan-Ruzon Valks. Erzyan-Russian Dictionary. Edited by Academician B.A.Serebrennikov, Doctors of Philology R.N.Buzakova, M.V.Mosin. Moscow, 1993. Rev. of *P.Alvre*. 175
K.Zenkova. From Remote Ages. 178
M.G.Ivanova The Roots of the Udmurt Nation. Izhevsk: Udmurtia. 1994, p.192. Rev. of *Y.Zeleneyev*. 182

Current Events

K.Sanukov. International Congress of Finno-Ugrists. 186
G.Aiplatov, V.Nikitin, G.Sepeyev. In Memory of Gennady Andreyevich Arkhipov (1932 - 1995) 190
List of Authors 197

«Финно-угроведение». 1995 г., № 3-4.

Научный журнал
основан в феврале 1994 г.

Свидетельство о регистрации № 012258

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44.
Тел.: 5-37-34

Редактор *Т.А.Товашова*
Обложка художника *Ю.П.Клюкина*
Английский текст *Л.В.Куликовой*

Оригинал-макет подготовлен фирмой «Page»
Компьютерный набор и верстка В.В.Безденежных

Формат 60x84 1/16 Объем 12,25 п.л.
Тираж 500 экз. Бумага книжно-журнальная. Заказ №6467
Отпечатано в фирме «Page», бул. Свердлова,5